

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131 – 2812

1/2000

Документы встречи Президента
РФ и Председателя КНР

●

Саммит стран АТЭС

●

Китайские ученые о расширении
НАТО на Восток

●

Новое в политике ЛДП Японии

●

К 100-летию со дня рождения
А.П.Рогачева

2000 203

ИСТОРИЯ

- В.Бармин.* Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1937-1946 гг..... 84
А.Белозурова. Политика японской администрации на Тайване (1895-1945 гг.)..... 96

РУССКИЕ В КИТАЕ

- А.Коваль.* Памятники России в Порт-Артуре..... 105

ФИЛОСОФИЯ

- Л.Переломов.* “Конфуцианский пласт” в мировоззрении китайских реформаторов (Некоторые размышления в связи с выходом книги М.Л.Титаренко “Китай: цивилизация и реформы”)..... 112

КУЛЬТУРА

- Профессор Алексей Петрович Рогачев (К 100-летию со дня рождения)..... 117
Г.Югай. Корейский суперэтнос как национальная идея объединения..... 121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Лекция профессора Сюэ Цзюньду в ИДВ РАН..... 135
На Учёном совете ИДВ РАН..... 138

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Р.Мировицкая.* Делегация ОКРД в Москве..... 140

РЕЦЕНЗИИ

- А.Ломанов.* Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы..... 141
А.Яковлев. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия..... 144
С.Якимец. Китай и безопасность в АТР..... 147
С.Лузянин. Белов Е.А. Россия и Монголия (1911-1919 гг.)..... 153
И.Деткова. Спицина К.А. Главные руководители японских компаний: практика работы..... 155
Г.Сухарчук. Костяева А.С. Криминальные братства Тайваня..... 158

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

Статьи этого номера

С.Гончаренко. Саммит АТЭС в Окленде

Статья посвящена саммиту форума "Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество" (АТЭС), прошедшему в сентябре 1999 г. В нем приняла участие и делегация России во главе с председателем правительства РФ В.В.Путиным.

В статье основное внимание уделяется анализу двух главных документов, принятых консенсусом в Окленде - декларации лидеров и совместному заявлению министров иностранных дел и торговли. Как считает автор статьи, упомянутые документы отражает мнение участников саммита на современную ситуацию в мире и в АТР прежде всего с точки зрения экономических и торговых интересов членов АТЭС, определяя основные контуры их сотрудничества на обозримую перспективу.

Ван Фуши, Вэнь Ли. Геополитические трудности России в связи с расширением НАТО на Восток

Статья содержит анализ политологами из Ляонинской Академии общественных наук Китая тех вызовов, перед которым предстает Россия в связи с расширением НАТО на Восток.

Китайские политологи основное внимание уделяют в качестве возможного ответа России перенесению центра тяжести ее внешнеполитического сотрудничества на Китай, Индию и Иран. Однако в статье делается вывод, что наиболее перспективным в этом плане является китайское направление.

Большое место отводят китайские ученые анализу тех сложностей, с которыми Россия сталкивается в решении императивной для нее задачи укрепления традиционных связей со странами СНГ как средства сдерживания натиска НАТО.

Читатель найдет в статье и китайский анализ геостратегического положения России в АТР, особенно в связи с отставанием российского Дальнего Востока на фоне бурно развивающегося АТР.

А.Сенаторов, И.Цветова. Япония: коалиционный выбор либерал-демократов

Статья посвящена рассмотрению проблемы формирования коалиционного правительства Японии. В ней анализируется расстановка политических сил современной Японии, вскрываются мотивы и механизмы их объединения, прослеживается влияние этого процесса на выработку принятия политических решений.

А.Копков. Экзамены в системе государственной службы КНР

На основе официальных документов правительства КНР подробно разбирается система открытых конкурсных экзаменов при отборе кандидатов на государственную службу.

В.Михеев. Глобализация в понимании зарубежных ученых

В статье изложены воззрения ученых различных стран на проблему глобализации мировой экономики и влияние ее на положение развитых и остальных стран. Автор излагает и свое видение этой проблемы для России и мирового сообщества в целом.

А.Круглов. В XXI век с успехами, надеждами и опасениями

В статье рассматриваются непростые социально-экономические проблемы Китая, выявившиеся в результате воздействия азиатского финансового кризиса, начавшейся реформы государственных предприятий и наметившейся тенденции дефляции.

Бу Сан Чанг. О роли и задачах государства в период рыночных преобразований экономики (на примере Вьетнама и России)

Даны сравнительные оценки состояния законодательной базы экономической и политической реформ, а также роли государства во Вьетнаме и России.

В.Бармин. Синьцзян в истории советско-китайских отношений 1937-1946 гг.

В статье рассматриваются: роль Синьцзяна как главной транспортной артерии, по которой шла советская военная помощь Китаю в период анти-японской войны; события, связанные с историей Восточно-Туркестанской республики и отношениям с Советского правительства.

А.Белогурова. Политика японской администрации на Тайване (1895-1945 гг.)

В статье рассматриваются основные моменты колониальной политики Японии на Тайване в период его оккупации, делается попытка исторически объективно проанализировать результаты этой политики, показать специфические особенности ее проведения и реакцию местного населения.

А.Коваль. Памятники России в Порт-Артуре

Сегодня г.Люйшунь (бывший Порт-Артур) по количеству исторических памятников, имеющих отношение к России, является уникальным городом. Особенную заботу проявляют здесь о могилах русских солдат, погибших в 1904-1905 гг. и в 1945-1951 гг.

Г.Югай. Корейский суперэтнос как национальная идея объединения

В статье с позиций этнокультурного подхода рассматривается проблема объединения Кореи.

Документы

Совместное информационное коммюнике о неформальной встрече Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина и Председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя

По приглашению Председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин 9-10 декабря 1999 года совершил визит в КНР.

Главы двух государств провели вторую неформальную встречу.

В Пекине состоялась также встречи Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина с Председателем Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей Ли Пэнгом и Премьером Государственного Совета Китайской Народной Республики Чжу Жунцзи.

Руководители двух стран с удовлетворением отметили, что взятый в 1996 году курс на равноправное и доверительное российско-китайское стратегическое партнерство последовательно наполняется весомым содержанием. В ходе совместной работы по реализации договоренностей, достигнутых во время первой неформальной встречи глав государств России и Китая в ноябре 1998 года в Москве, удалось добиться существенных результатов.

Руководители, видные политические деятели, общественные организации, широкие слои населения России и Китая приняли участие в многочисленных мероприятиях в связи с 50-летием установления дипломатических отношений между двумя государствами. Это свидетельствует о наличии у двусторонних отношений прочной массовой базы, ярко демонстрирует твердую решимость России и Китая укреплять и развивать свои традиционно дружественные отношения.

По итогам второй неформальной встречи обнародовано Совместное заявление, в котором сформулированы подходы Сторон к фундаментальным проблемам обеспечения глобальной стратегической стабильности и подчеркнута намерение согласованными усилиями противодействовать попыткам ее подрыва.

Российская Сторона поддержала принципиальную позицию Китайской Народной Республики в отношении Тайваня. Китайская Народная Республика высказала поддержку действиям Российской Федерации по борьбе с терроризмом и сепаратизмом в Чечне.

В ходе встречи подписаны Протоколы-описания линии российско-китайской государственной границы на ее Восточной и Западной частях между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики.

Президент Российской Федерации и Председатель Китайской Народной Республики дали высокую оценку завершению работ по демаркации согласованных участков российско-китайской государственной границы. Отмечена чрезвычайная важность продолжения в конструктивном и деловом ключе поиска решений по несогласованным участкам государственной границы, принятия необходимых мер для поддержания статус-кво и нормального порядка на границе.

В Пекине подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о совместном хозяйственном использовании отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек. Это - важный шаг, стимулирующий приграничное сотрудничество. В соответствии с Соглашением население части приграничных районов России и Китая получает право в течение 5 лет продолжать традиционную хозяйственную деятельность на отдельных островах и прилегающих к ним акваториях, которые по итогам демаркации границы отошли к другой стороне. Подписание этого Соглашения отвечает интересам приграничного населения, отражает высокий уровень доверия между двумя странами.

Стороны выразили удовлетворение в связи с началом практической реализации Соглашений между Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Стороны считают, что четкое выполнение положений указанных Соглашений будет способствовать миру, спокойствию, стабильности и процветанию в районе границы, развитию добрососедских отношений между всеми государствами-участниками. Признано целесообразным провести дальнейшее изучение возможности укрепления мер доверия в военной области.

В целях упрочения российско-китайских добрососедских отношений и исходя из духа договоренностей, достигнутых во время четвертой регулярной встречи глав правительств России и Китая в Москве в феврале 1999 года, Стороны высказались за укрепление российско-китайского диалога о сотрудничестве по вопросам, связанным с границей. Механизм такого диалога будет согласован отдельно.

Президент Б.Н.Ельцин и Председатель Цзян Цзэминь положительно оценили ход выполнения договоренностей, достигнутых в ходе четвертой регулярной встречи глав правительств России и Китая в феврале 1999 года в Москве.

Достигнута договоренность о проведении пятой регулярной встречи глав правительств в первой половине 2000 года в Пекине. На ней приоритетное внимание решено уделить ускорению работы над объектами сотрудничества в таких областях, как нефть и газ; расширению взаимодействия в таких сферах, как новые и высокие технологии, транспорт, гражданская авиатехника, связь и коммуникации; согласованию конкретных шагов для продвижения двустороннего сотрудничества в машиностроении, электронике, легкой и текстильной промышленности; разработке и использованию лесных ресурсов, производству бытовой электротехники.

С удовлетворением отмечено успешное начало строительства в октябре 1999 года атомной электростанции "Тяньвань" в провинции Цзянсу - крупнейшего объекта российско-китайского сотрудничества.

Подтверждено важное значение налаживания прямых экономических связей между субъектами Российской Федерации и районами Китайской Народной Республики, способствующих более полному раскрытию потенциала торгово-экономического сотрудничества двух стран. Стороны будут поощрять расширение круга регионов, участвующих в межрегиональном, в том числе приграничном сотрудничестве.

Признано необходимым активизировать взаимодействие и разработать предметные планы совместных мероприятий по охране окружающей среды, рациональному использованию трансграничных водных объектов и лесных угодий, рыбных запасов в северной акватории Тихого океана и бассейне реки Амур, а также по защите редких видов флоры и фауны.

Стороны согласились, что при использовании Россией и Китаем трансграничных водных ресурсов, включая реки, протекающие через территорию третьих стран, должны приниматься во внимание интересы государств, в которых эти водные ресурсы находятся.

Президент Б.Н.Ельцин и Председатель Цзян Цзэминь подчеркнули важность сотрудничества между правоохранительными органами двух стран в борьбе с международным экстремизмом, незаконной миграцией, другими видами трансграничной преступности. Компетентные органы двух стран займутся проработкой и согласованием конкретных планов сотрудничества в данной области и подготовят к подписанию соответствующие межправительственные документы. Дана высокая оценка итогам состоявшейся 1-2 декабря 1999 года в Бишкеке встречи руководителей правоохранительных органов России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана.

Стороны с удовлетворением отметили достижение договоренностей по вопросам упорядочения взаимных поездок граждан двух стран, на основе которых в ближайшее время будут подписаны соответствующие межправительственные соглашения.

Президент Б.Н.Ельцин пригласил Председателя Цзян Цзэминя посетить Россию в удобное для него время. Председатель Цзян Цзэминь с признательностью принял приглашение. Конкретные сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

Совместное Российско-Китайское заявление

В ходе второй неформальной встречи, состоявшейся 9-10 декабря 1999 года в Пекине, Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин и Председатель Китайской Народной Республики Цзян Цзэминь провели углубленный обмен мнениями по проблемам, представляющим взаимный интерес. По его итогам главы двух государств приняли решение заявить о следующем:

I

Главы двух государств подчеркивают, что выводы и оценки, содержащиеся в "Российско-Китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка" от 23 апреля 1997 года, "Совместном Российско-Китайском заявлении" от 10 ноября 1997 года, Совместном заявлении по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне "Российско-китайские отношения на пороге XXI века" и в "Совместном информационном коммюнике по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне" от 23 ноября 1998 года, сохраняют важное актуальное значение.

Высшие руководители России и Китая подтверждают, что будут строго придерживаться изложенных в вышеуказанных документах принципиальных подходов к международным вопросам. Они выступают за формирование в XXI веке многополюсного мира на основе Устава Организации Объединенных Наций, действующих норм международного права, за укрепление ведущей роли ООН в международных делах, за мирное решение международных споров политическими методами, за равноправные отношения между всеми членами международного сообщества и равную безопасность для всех, за взаимное уважение выбора пути развития и суверенитета, за невмешательство во внутренние дела, за создание справедливого, равноправного и взаимовыгодного мирового политического и экономического порядка. Стороны призывают все страны мира приложить совместные усилия для создания демократического и сбалансированного многополярного мироустройства, в котором гармонично сосуществовали бы, конструктивно взаимодействовали и взаимообогащались различные культуры и где обеспечивалось бы равноправие всех суверенных государств.

II

Стороны вынуждены констатировать, что в последнее время в сфере международной безопасности получили развитие неблагоприятные тенденции.

Стороны считают, что создание в нарушение Договора по ПРО от 1972 года национальной системы противоракетной обороны одним из государств, подписавших данный Договор, окажет деструктивное воздействие на стратегическую стабильность, на всю структуру ключевых международных договоренностей о разоружении и нераспространении оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также на перспективы достижения дальнейшего прогресса по этим направлениям.

Стороны подтверждают свое неприятие попыток нарушения Договора по ПРО 1972 года и подчеркивают, что данный Договор остается и должен ос-

таваться одним из краеугольных камней стратегической стабильности. Стороны исходят из того, что Договор по ПРО 1972 года должен строго выполняться в полном объеме. В связи с этим Стороны, в частности, отмечают важность принятой Генеральной Ассамблеей ООН резолюции "О сохранении и соблюдении Договора по ПРО", внесенной Россией, Китаем и Белоруссией.

Стороны указывают, что планы некоторых государств развернуть региональную систему противоракетной обороны способны подорвать мир и стабильность в Азиатско-тихоокеанском регионе. Российская Сторона поддерживает позицию Китайской Стороны относительно неприятия подключения в любой форме к этим планам китайской провинции Тайвань каким бы то ни было государством.

Стороны выражают глубокое сожаление в связи с отказом США ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Стороны подчеркивают, что важной предпосылкой для совместных или согласованных усилий в деле поддержания стратегической стабильности служит общность или близость позиций России и Китая, в том числе по таким ключевым вопросам, как предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве и в области информационных технологий, выполнение Договора о нераспространении ядерного оружия и Конвенции о запрещении химического оружия, разработка Протокола к Конвенции о запрещении биологического оружия, а также определение повестки дня работы Конференции по разоружению.

Китайская Сторона выражает понимание позиции Российской Стороны в отношении дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений США и России.

Стороны считают, что всю ответственность за последствия возможного подрыва стратегической стабильности и международной безопасности будут нести те государства, которые инициируют развал основополагающих договоренностей в области разоружения. Стороны полагают, что в сложившейся ситуации возрастает необходимость в тесной координации действий по вопросам поддержания глобальной стратегической стабильности.

III

Стороны отмечают, что в международных отношениях все более отчетливо прослеживается развитие таких негативных тенденций, как стремление навязать международному сообществу однополярную модель мироустройства, культурное, ценностное и идейное единообразие, попытки ослабить роль ООН и ее Совета Безопасности, поиск оснований и предлогов для безответственных интерпретаций основного содержания и принципов Устава ООН и его ревизии, укрепление и расширение военных блоков, подмена международного права силовым давлением вплоть до военного, использование тезиса о "превосходстве прав человека над суверенитетом" и теорий "гуманитарного вмешательства" для посягательств на суверенные права независимых государств.

Стороны выражают готовность, вместе с другими странами, выступать против подобных тенденций, препятствующих становлению справедливой многополярной структуры международных отношений.

IV

Стороны подчеркивают, что одним из важнейших приоритетов внешнеполитических усилий России и Китая является утверждение ведущей роли ООН в мировых делах.

Стороны согласны в том, что усилению авторитета и роли ООН будет способствовать рациональная и тщательно выверенная реформа Организации. При этом Стороны выражают убежденность в том, что статус и роль Совета Безопасности как главного органа, ответственного за поддержание междуна-

родного мира и безопасности, ни при каких обстоятельствах не должны ставиться под сомнение либо ослабляться. Стороны вновь заявляют, что необходимым условием обеспечения эффективности и стабильности ООН является сохранение в неизменном виде уставных полномочий нынешних постоянных членов Совета Безопасности.

V

Россия и Китай придают важное значение своему присоединению к Всемирной торговой организации на таких условиях, которые позволили бы им занять равноправное и достойное место в системе мировой торговли, что в полной мере отвечало бы и интересам всех участников данной организации. В настоящее время переговорный процесс по присоединению России и Китая к ВТО вступил в решающую стадию. Стороны считают, что Всемирная торговая организация должна носить универсальный характер, а в отношении условий вступления новых членов следует придерживаться баланса прав и обязательств, учитывать уровень их социально-экономического развития.

VI

Стороны полагают, что международный терроризм, религиозный экстремизм, национальный сепаратизм во всех его формах, а также трансграничная преступная деятельность (незаконный оборот оружия, наркотических средств, психотропных и взрывчатых веществ, экономические правонарушения и т.п.) в настоящее время превратились в серьезные угрозы безопасности суверенных государств, международному миру и стабильности.

Стороны подтверждают решимость предпринимать конкретные согласованные шаги по борьбе с вышеуказанными явлениями на двусторонней и многосторонней основе.

VII

Россия и Китай выражают удовлетворение ходом выполнения Бишкекской декларации глав государств-участников "Шанхайской пятерки" - Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Таджикистан - от 25 августа 1999 года.

Состоявшаяся 1-2 декабря 1999 года встреча руководителей правоохранительных органов пяти государств в Бишкеке явилась крупным практическим шагом в этой области.

Стороны считают, что проведение в 2000 году встречи министров обороны стран "Шанхайской пятерки" явится одним из важных мероприятий по реализации договоренностей глав пяти государств.

Стороны полагают, что назрела необходимость развертывания подготовки встречи министров иностранных дел государств "пятерки".

Стороны поддерживают идею проведения консультаций экспертов "пятерки" по вопросам многостороннего экономического взаимодействия (включая развитие сотрудничества в области транспорта, а также в сфере добычи и транспортировки нефти и газа). Подобные переговоры могли бы стать важной составной частью подготовки к встрече глав правительств Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Таджикистан.

VIII

Стороны заявляют о необходимости скорейшего урегулирования иракской проблемы исключительно политическими методами в строгом соответствии с нормами международной законности при центральной роли Совета Безопасности ООН и на основе принятых им резолюций. Восстановление со-

трудничества Ирака с ООН должно сопровождаться отменой введенных против этой страны экономических санкций.

IX

Стороны выразили серьезную озабоченность развитием ситуации в Косово и вокруг него, эскалацией межэтнической напряженности в крае, особенно в связи с неудовлетворительным выполнением резолюции 1244 Совета Безопасности ООН, и наметившейся тенденцией отрыва Косово от Союзной Республики Югославии. Россия и Китай как два постоянных члена Совета Безопасности ООН призывают все заинтересованные стороны к полному и безусловному выполнению всех положений резолюции 1244 Совета Безопасности ООН, к полному уважению суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославия, к всеобъемлющему и последовательному соблюдению Устава ООН и общепризнанных принципов международного права, законных прав всех национальностей, проживающих в крае Косово.

X

Стороны подтверждают взаимную поддержку в отношении сохранения государственного единства, суверенитета и территориальной целостности друг друга.

Российская Сторона, поддерживая великое дело объединения Китая, подтвердила свою позицию по тайваньскому вопросу, изложенную в ранее принятых Сторонами совместных документах, и выразила неприятие утверждений о том, что связи между сторонами, находящимися на разных берегах Тайваньского пролива, являются "отношениями между государствами". Китайская Сторона выразила удовлетворение вышеупомянутой позицией Российской Стороны.

Китайская Сторона вновь заявила, что чеченская проблема является сугубо внутренним делом Российской Федерации. Китайская Сторона поддерживает предпринимаемые Правительством Российской Федерации действия по борьбе с террористическими и сепаратистскими силами. Российская Сторона выразила удовлетворение вышеупомянутой позицией Китайской Стороны.

* * *

Россия и Китай в соответствии с проводимым ими курсом на равноправное и доверительное стратегическое партнерство, а также исходя из совпадения или близости их позиций как по принципиальным вопросам построения многополярного, демократического и справедливого миропорядка, так и по конкретным актуальным международным проблемам, будут укреплять сотрудничество по вышеупомянутым направлениям. Взаимодействие Сторон в международных делах не направлено против третьих стран и осуществляется в целях защиты собственных коренных национальных интересов, а также во имя укрепления мира и стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе и во всем мире.

Политика

Саммит АТЭС в Окленде

© 2000

С.Гончаренко

В сентябре 1999г. в Окленде (Новая Зеландия) состоялся очередной саммит АТЭС. Предыдущие встречи такого рода проводились в Сиэтле (США, 1993 г.), Богоре (Индонезия, 1994 г.), Осаке (Япония, 1995 г.), Маниле (Филиппины, 1996 г.), Ванкувере (Канада, 1997 г.) и Куала-Лумпуре (Малайзия, 1998 г.). Все они, и саммит АТЭС в Окленде не исключение, привлекли внимание мировой общественности и явились этапными событиями международной жизни.

Всего лишь за десять лет своего существования (с ноября 1989 г.) АТЭС, или форум "Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество" (Asia Pacific Economic Cooperation), стал достаточно представительной и влиятельной международной организацией, в работе которой сейчас участвуют 21 государство и территории АТР. Наиболее активными участниками АТЭС являются США, Япония и Китай, которые своим значительным экономическим весом, большим влиянием в мировой политике и экономике задают тон всей работе форума (ВВП только этих трех стран превышает 13 трлн. долл., то есть составляет значительную часть совокупного ВВП участников форума, оцениваемого почти в 16 трлн.долл.). Участниками АТЭС также являются Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг, Индонезия, Канада, Южная Корея, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Филиппины и Чили. Их вес в мировой политике и экономике меньше, но в рамках АТЭС они (по крайней мере формально) считаются достаточно равноправными партнерами, и это, пожалуй, важная особенность АТЭС.

Россия участвует в работе форума АТЭС с 1998 года, и саммит в Окленде стал второй встречей такого рода, на которой она была представлена. Российскую делегацию на саммите в Окленде возглавил председатель правительства РФ В.В.Путин. В состав официальной российской делегации вошли также министр иностранных дел И.С.Иванов, министр экономики и председатель комиссии правительства РФ по вопросам АТЭС А.Г.Шаповальянц, министр торговли М.Е.Фрадков, глава администрации Хабаровского края и председатель Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС) В.В.Ишаев, депутат Государственной Думы С.С.Сулакшин. Присутствовали и представители российских деловых кругов - руководители восьми крупных российских компаний и банков.

В 1999 г. председателем АТЭС является Новая Зеландия, и поэтому именно там в этом году проводилось большинство мероприятий форума. Как председатель АТЭС, Веллингтон проявил инициативу в определении таких направлений деятельности АТЭС, которые в течение года стали основными для всех участников форума. Это содействие развитию делового сотрудничества в АТР путем уменьшения препятствий на пути торговли и инвестиций, укрепление рыночной инфраструктуры за счет совершенствования экономического управления и повышения квалификации рабочей силы, популяризация деятельности АТЭС в странах региона. Важнейший итог форума в Окленде - что, по сути, было predeterminedo заранее, - демонстрация лидерами этих стран единого подхода в оценке возможностей Азиатско-Тихоокеанского региона для будущего человечества. Так было на шести предыдущих саммитах АТЭС, так было и в Окленде.

По сложившейся традиции, мероприятия саммита прошли в неофициальной обстановке, а предметным итогом саммита стали два документа, принятые по общему согласию (консенсусу) всех участников: декларация лидеров и совместное заявление министров иностранных дел и торговли. Эти документы в достаточно общей форме рассматривают сложившиеся в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире реалии с точки зрения экономических и торговых интересов участников АТЭС и определяют основные контуры их сотрудничества на обозримую перспективу.

В декларации лидеров АТЭС выделены три главных направления тихоокеанского сотрудничества: укрепление рынков и обеспечение их открытости, сохранение лидирующей роли АТЭС в мировой экономике, обеспечение социальной стабильности¹. Основой процветания участников АТЭС лидеры форума считают открытые, транспарантные и хорошо управляемые внутренние и международные рынки. Укрепление рынков предполагается осуществлять путем обеспечения большей транспарентности и предсказуемости управления в корпоративном и государственном секторах, усиления роли конкуренции для повышения эффективности работы предприятий, качественного улучшения мер регулирования, обеспечивающих устойчивый рост, уменьшения сопутствующих расходов и содействия развитию предпринимательства, создания благоприятных региональных и международных условий для конкуренции.

В декларации подтверждены прежние (принятые еще на саммите АТЭС в Богоре в 1994 г.) обязательства участников форума создать в регион систему открытой торговли и свободного движения инвестиций.

Лидеры АТЭС одобрили усилия министров финансов по укреплению финансовых рынков участников АТЭС и созданию условий для возвращения капиталов в регион после ликвидации последствий азиатского финансового кризиса посредством улучшения контроля за финансовыми рынками, развития внутренних рынков ценных бумаг, разработки и применения согласованных принципов корпоративного управления. Министрам финансов также рекомендовано добиваться большего взаимодействия между различными органами АТЭС, в том числе по реализации их рабочих программ.

Поддержку лидеров АТЭС получили высказанные министрами рекомендации по развитию сельской инфраструктуры в регионе АТЭС, распространению передовых технологий в области производства и переработки продовольствия и развития торговли продуктами питания. Лидеры согласились поддержать в ходе нового раунда многосторонних переговоров в ВТО отмену экспортных субсидий на продукцию сельского хозяйства и отмену необоснованных запретов и ограничений на экспорт этой продукции.

Отмечена ключевая роль электронной торговли в налаживании связей между участниками АТЭС, рекомендовано продолжать ее развитие во взаи-

модействии с частным бизнесом. Одобрена инициатива АТЭС, направленная на активизацию сотрудничества по подготовке к возможным последствиям компьютерного сбоя 2000 года.

Лидеры АТЭС заявили, что форум будет и в дальнейшем играть ведущую роль в укреплении мировой экономики и в особенности в укреплении многосторонней торговой системы. Они поддержали предложения министров финансов АТЭС по развитию и укреплению международной финансовой архитектуры и одобрили создание в АТЭС Форума финансовой стабильности и нового неформального механизма для расширения диалога между участниками форума.

В декларации заявлена поддержка началу нового раунда многосторонних переговоров в ВТО, обеспечения полного выполнения имеющихся соглашений в рамках ВТО. Подчеркнуто, что этот раунд должен включать проведение комплексных переговоров по вопросам доступа к рынкам, охватывающих тарифы на промышленные товары (в дополнение к переговорам о тарифах по услугам и продукции сельского хозяйства, по которым уже принято решение), расширить доступ к рынкам для всех участников, и в особенности развивающихся стран, и др.

По мнению лидеров АТЭС, для нового раунда многосторонних переговоров в ВТО должна быть подготовлена сбалансированная и достаточно широкая повестка дня, а сам этот раунд должен быть завершен не позднее, чем за три года или раньше по всем обсуждаемым вопросам. Лидеры АТЭС подчеркнули, что намерены действовать в процессе осуществления нового раунда многосторонних переговоров в ВТО таким образом, чтобы обеспечить взаимное усиление АТЭС и ВТО. Мы стремимся к достижению скорейшего прогресса на переговорах о вступлении в ВТО тех участников АТЭС, которые еще не являются членами ВТО (имеются в виду Вьетнам, Китай, Россия и Тайвань) - по возможности, до начала нового раунда переговоров, отметили лидеры АТЭС.

Важным элементом декларации лидеров является признание того, что всем участникам АТЭС необходима социальная стабильность, что следует усилить сотрудничество в вопросах образования, науки и технологии, обеспечить непрерывное развитие профессиональных навыков рабочей силы. Диспропорции в доходах и благосостоянии между отдельными участниками АТЭС и внутри них могут поставить под угрозу социальную стабильность, и поэтому соответствующие системы социальной защиты должны облегчать экономическое и социальное приспособление, считают лидеры АТЭС.

В декларации лидеров позитивно оценивается Рамочная программа интеграции женщин в АТЭС, она названа лидерами существенным шагом к расширению возможностей женщин содействовать благосостоянию региона и пользоваться его благами (об этой программе говорится и в заявлении министров АТЭС).

Лидеры АТЭС одобрили рекомендации представителей регионального (в особенности малого) бизнеса; они также отметили, что в 1999 г. бизнесмены могли шире, чем раньше, выражать свои взгляды в АТЭС; признано желательным продолжать на всех уровнях диалог с частным сектором.

Как отмечено в декларации, роль лидеров в рамках АТЭС и в собственных странах состоит в том, чтобы проложить курс, который обеспечит устойчивое развитие и принесет существенные социальные выгоды. "Мы признаем, что приспособление к новой экономической ситуации может быть трудным и может сопровождаться социальными издержками, которые должны быть уменьшены. Но мы едины в нашем убеждении, что путь к росту благосостояния требует осуществления непрерывных реформ и корректировки наших политических курсов и взглядов. Создание открытой региональной

системы, в рамках которой развиваются конкуренция и сотрудничество, является лучшим средством совместного достижения процветания в будущем"².

В качестве дополнения к декларации лидеров и в развитие достигнутых ранее договоренностей в Окленде лидерами АТЭС были одобрены и утверждены Принципы АТЭС по развитию конкуренции и проведению реформ в области регулирования. Как подчеркнуто в Декларации, эти принципы составляют ядро программы укрепления рынков участников АТЭС³.

В числе таких принципов названы *недискриминация* (недопустимость разного подхода к иностранным и отечественным компаниям); *всеобъемлющий характер*, то есть широкое применение принципов конкуренции и регулирования в вопросах экономической деятельности и наличие надлежащей единой правовой базы и др.; *транспарентность* в политике и правилах и их выполнении; *ответственность* национальных органов управления за соблюдение конкурентоспособности. Для осуществления этих принципов участники АТЭС намерены определять или пересматривать нормы и меры, ограничивающие возможности частного бизнеса; проводить политику защиты конкуренции и внедрять механизмы конкуренции и реформ; сокращать число излишних правил и процедур регулирования и др.⁴ Утверждая принципы АТЭС, по развитию конкуренции и проведению реформ в области регулирования, лидеры АТЭС сочли необходимым особо подчеркнуть, что движущей силой повышения экономической эффективности и благополучия потребителя являются открытые и основанные на конкуренции рынки. Основываясь на предложении министров форума, лидеры АТЭС рекомендовали составить начальную программу работы по укреплению рынков, главное внимание в которой будет уделено вопросам укрепления рыночной инфраструктуры и усиления людского потенциала.

Важные оценки деятельности АТЭС содержатся в совместном заявлении министров иностранных дел и торговли⁵, основные положения которого (в заявлении они названы темами) выглядят следующим образом. В рамках рассмотренной министрами темы "*Расширение возможностей для предпринимательства в регионе*" значительное внимание в совместном заявлении уделено оценке индивидуальных планов действий участников АТЭС. Министры констатировали, что применение механизма индивидуальных планов действий было в целом успешным, и наметили осуществить в 2000 г. ряд мер, направленных на их дальнейшее совершенствование; при разработке таких планов рекомендовано учитывать мнение деловых кругов АТЭС.

Министры одобрили инициативу пяти участников АТЭС (Австралия, Бруней, США, Филиппины, Япония), представивших свои индивидуальные планы действий для изучения другими участниками АТЭС, и поддержали намерение еще пяти стран АТЭС (Индонезия, Мексика, Перу, Сингапур, Таиланд) представить свои индивидуальные планы действий для такого же изучения в 2000 г. Решено изучить возможность проведения обзоров индивидуальных планов действий на регулярной основе.

Министры отметили, что участники форума, действуя в соответствии с рекомендациями Делового консультативного совета АТЭС, осуществили конкретные изменения в вопросе либерализации торговли и инвестиций. 18 участников АТЭС значительно снизили тарифы, а 12 - сократили число нетарифных мер; 17 участников АТЭС продолжали либерализацию инвестиционных режимов (в том числе на основе рекомендаций АТЭС); 18 участников АТЭС провели мероприятия, позволившие улучшить политику в области конкуренции и государственного регулирования экономики, и др. Одобрена работа Комитета по торговле и инвестициям АТЭС по реализации коллективных планов действий АТЭС, рекомендовано расширять и углублять такие планы в 2000 г. в сфере услуг и включить в программу работы этого Комитета новые области.

Министры позитивно расценили деятельность АТЭС по упрощению процедур в области торговли и инвестиций (предоставление более свободного доступа к информации о состоянии рынков, упорядочение правовых процедур и др.), признали желательным активизировать эту работу и поручили изучить представленное ранее Гонконгом и Китаем предложение о разработке принципов АТЭС по упрощению торговли.

Министры одобрили рекомендации старших должностных лиц АТЭС по осуществлению в регионе "продовольственной программы" - комплекса законодательных мер, внедрение которых позволит ввести во всех странах и территориях АТЭС единые стандарты производства продукции сельского хозяйства и торговли этой продукцией. Министры считают, что форуму следует конструктивно участвовать в предстоящих переговорах в рамках ВТО по сельскому хозяйству, и рекомендовали отменить субсидии производителям продукции сельского хозяйства и снять ограничения на ее экспорт.

В заявлении министров подтверждена готовность АТЭС внести свой вклад в успешное разворачивание нового раунда переговоров в рамках ВТО и одобрена достигнутая в июне 1999 г. договоренность министров торговли АТЭС о том, что предстоящие переговоры в рамках ВТО должны охватить, помимо сферы услуг и сельского хозяйства, и вопросы тарифов на промышленную продукцию.

Министры отметили, что переговоры в рамках ВТО должны предоставить всем странам-участницам, и, в том числе, развивающимся странам, своевременный доступ на рынок, и обеспечить возможность пересмотра и ужесточения выдвигаемых в этой связи правил и требований; министры признали желательным для полноценного участия развивающихся стран в ВТО обеспечивать в отношении этих стран "особый и индивидуальный подход" в вопросе предоставления им помощи.

В заявлении министров рекомендовано продолжить работу по снятию нетарифных ограничений в торговле, и с этой целью намечается продолжать облегчать и унифицировать таможенные процедуры в регионе. Как отмечалось в отчетах СМИ о саммите в Окленде, общий доход региона от увеличения товаропотоков составит 75 млрд. долл., причем наибольший выигрыш от этих мер получают менее развитые страны (то есть и Россия). А развитие электронной торговли и реализации некоторых других программ АТЭС даст еще около 100 млрд. долл. выигрыша⁶.

В заявлении министров содержится положительная оценка инициативы АТЭС по ускорению либерализации тарифов, отмечено, что такая инициатива придала дополнительный импульс процессу подготовки всеобъемлющих переговоров ВТО по тарифам на промышленную продукцию и что эту инициативу следует поддержать в рамках ВТО с тем, чтобы заключить соответствующее соглашение.

В рамках мер, осуществляемых в АТЭС по ранней добровольной секторальной либерализации⁷, министры согласовали и одобрили перечень новых проектов, которые будут осуществляться в отдельных секторах торговли на 1999 год (главным образом, речь идет о научных исследованиях и проведении семинаров). В частности, рекомендовано подготовить исследование по оценке лесных ресурсов с помощью дистанционного зондирования, исследование влияния азиатского финансового кризиса на либерализацию торговли экологически чистыми товарами и др.; решено подготовить и провести ряд семинаров (по созданию механизма комплексного управления прибрежными районами стран-участниц АТЭС, по соблюдению стандартов безопасности международной организации по стандартизации в вопросе производства детских иг-

рушек), намечается провести конференцию АТЭС по вопросам реализации драгоценных камней и ювелирных изделий и др.

В рамках темы "Укрепление функционирования рынков" министры сочли необходимым подчеркнуть, что темп глобализации, масштабы и глубина экономического кризиса определили необходимость политических решений, которые обеспечили бы эффективность, гибкость и конкурентоспособность рынков в регионе АТЭС, и что усилия участников АТЭС не следует ограничивать либерализацией торговли и инвестиций. Как показал экономический кризис, необходимы реформы в политике в области государственного сектора, корпоративного управления и государственной системы, отметили министры. Работа по укреплению рынков может стать интеграционной основой, способной объединить усилия участников АТЭС в таких ключевых областях, как торговля и инвестиции, конкуренция, реформа механизмов регулирования и наращивание потенциала с целью обеспечения устойчивого экономического роста.

В заявлении министров зафиксированы основные составляющие "путеводителя" предстоящей работы АТЭС по укреплению рынков в регионе. К ним отнесены индивидуальное и коллективное осуществление Принципов АТЭС по развитию конкуренции и проведению реформ в области регулирования, работа в области экономического и корпоративного управления, работа АТЭС по экономическому и техническому сотрудничеству, работа по укреплению рыночной (в том числе правовой) инфраструктуры, анализ ситуации на рынках, упрощение процедур торговли, укрепление рынков на конкретных направлениях работы АТЭС (электронная торговля, космическая связь, авиаперевозки, энергетика) и др.

Министры рекомендовали активизировать работу по укреплению экономического и технического сотрудничества в АТЭС (в рамках форума это направление работы обозначается термином ЭКОТЕК) и одобрили назначение соответствующих координаторов. Одобрены программы работы, выдвинутые КНР (освоение технологий будущего), Южной Кореей (стимулирование роста малых и средних предприятий) и Канадой (развитие людского потенциала).

Для активизации обмена информацией по проблематике экономического и технического сотрудничества в АТЭС решено создать расчетную палату ЭКОТЕК; министры приветствовали инициативы отдельных участников по развитию экономического и технического сотрудничества в АТЭС (создание центра предпринимательства в Индонезии, организация молодежного форума АТЭС по формированию профессиональных навыков в Южной Корее, инициатива Австралии в области экономического и финансового менеджмента, создание ассамблеи предприятий АТЭС в Китае и др.).

Министры одобрили деятельность Экономического комитета АТЭС и поддержали сделанный его экспертами вывод о необходимости проведения структурной реформы для поддержания в АТЭС устойчивого роста.

Министры считают, что в регионе необходимо более широко внедрять электронную торговлю; участники АТЭС должны в 2000 г. оценить свои возможности в этом плане, а старшие должностные лица АТЭС - разработать для участников форума план поддержки применения электронных методов торговли малыми и средними предприятиями. Рекомендовано придерживаться согласованных ранее сроков перехода к электронной торговле (2005 г. - для развитых стран-участниц АТЭС, 2010 г. - для развивающихся). Поддержаны предложения Японии и Брунея о проведении в 2000 г. в этих странах семинаров по электронной торговле.

Министры отметили заинтересованность всех участников АТЭС в обеспечении готовности региона к возникновению компьютерной проблемы 2000 г., приветствовали меры, предпринимаемые участниками АТЭС для ее

преодоления, и особо отметили усилия в этом направлении Австралии, Канады, Сингапура, США и Японии. Одобрены три основных вида мероприятий, проведенных в данном вопросе в рамках АТЭС: обмен информацией об оценке готовности участников АТЭС преодолевать эту проблему (в АТЭС создан специальный сайт по компьютерной проблеме 2000 г., функционирует сеть координационных пунктов и разработан вопросник, касающийся степени готовности в ключевых секторах); трансграничное планирование на случай возникновения чрезвычайных ситуаций (рабочие совещания по этому вопросу проведены в сентябре - ноябре 1999 г. в Таиланде, Перу и Южной Корее); интенсивный обмен информацией и "ноу-хау" в ключевых секторах.

Существенное внимание министры уделили вопросам развития в рамках АТЭС биотехнологии, которая, как было подчеркнуто в заявлении, может внести важный вклад в увеличение объема производства продукции сельского хозяйства. Министры отметили желательность использования транспарентных и научно обоснованных подходов к внедрению и использованию продуктов биотехнологии и технического сотрудничества с учетом требований ВТО. Рекомендовано в начале 2000 г. обсудить доклад экспертов АТЭС по вопросам технического сотрудничества в области сельского хозяйства и вынести вопрос о биотехнологии на рассмотрение министров торговли АТЭС в июне 2000 г.

В рамках темы "*Расширение поддержки АТЭС*" министры отметили необходимость проведения конкретных мероприятий для повышения информированности о целях АТЭС и для обеспечения более широкого участия в экономической деятельности.

Министры решили шире информировать общественность о целях и задачах АТЭС, и с этой целью рекомендовали распространять реалистичную информацию о форуме, не содержащую специальных и сложных для восприятия терминов и соответствующую индивидуальным интересам людей.

В заявлении министров отмечена необходимость преодоления социальных последствий кризиса путем повышения степени информированности участников АТЭС о таких последствиях, проведения более социально ориентированной политики и обеспечения социальных потребностей людей (в том числе и за счет изменения направленности двусторонних программ развития), наращивания потенциала участников АТЭС в вопросах создания и укрепления систем социального обеспечения. Решено, что в 2000 г. Рабочая группа АТЭС по развитию людских ресурсов и Экономический комитет АТЭС представят доклад о работе по обеспечению социальной защищенности населения в регионе АТЭС. Министрами поддержано предложение Таиланда провести в марте 2000 г. симпозиум АТЭС по вопросам пенсионной реформы.

В Окленде, как и в ходе предыдущих министерских встреч в рамках саммитов АТЭС, министры отметили необходимость поддержания для форума тесных связей с деловыми кругами региона. Отмечено большое значение проводимых параллельно со встречами министров АТЭС совещаний представителей бизнеса (Деловой форум, Сеть руководителей женских организаций и др.), предоставляющих хорошие возможности для установления прямых контактов между министрами и деловым сообществом; высказан призыв к Деловому консультативному совету АТЭС расширить прямые связи с ключевыми органами АТЭС. В заявлении министров отражены и некоторые другие конкретные вопросы деятельности АТЭС.

По сложившейся традиции, декларация лидеров АТЭС, совместное заявление министров и другие документы саммита подвели основные итоги работы форума за период после саммита АТЭС в Куала-Лумпуре, который состоялся в ноябре 1998 г. По сути, в документах Оклендского саммита констатируется динамика атэсовского процесса, продемонстрировано, что в рамках

форума продолжается активная работа по формированию новой инфраструктуры сотрудничества.

В странах АТЭС итоги саммита в Окленде получили в целом позитивную оценку. В то же время как в рамках форума, так и за его пределами высказываются несходные мнения об этом саммите, что достаточно наглядно демонстрирует неоднозначный, хотя и заинтересованный подход многих государств к реалиям и перспективам тихоокеанской интеграции. В общем-то не удивительно хвалебные реплики в американской печати: ведь США были не только одним из основателей АТЭС, но и являются наиболее активным участником форума. Видимо, объяснима и критика саммита и деятельности форума в целом некоторыми азиатскими участниками. Как и в прошлом году, немало таких оценок звучит в Малайзии, руководители которой считают, что участникам АТЭС не следует идти на поводу у США и поддаваться американскому нажиму в вопросе ускоренного открытия своих рынков. Премьер-министр этой страны Махатхир Мохамад еще за месяц до саммита критически отозвался о деятельности АТЭС, заявив, что форум "не желает делать решительные шаги, в особенности в отношении финансового кризиса"⁸, а потом и вообще не приехал в Окленд (Малайзию вместо него представлял вице-премьер Абдулла Ахмад Бадави). Как считают руководители развивающихся стран-участниц АТЭС, этот демарш Малайзии отражает недовольство развивающихся стран отсутствием конкретных результатов деятельности форума и демонстрирует их озабоченность тем, что открытие рынков нанесет ущерб их национальным экономикам.

Развивающиеся страны - участницы АТЭС не скрывают, что в значительной степени рассматривают форум как организацию, способную помочь им преодолеть отставание от развитых стран, - а те, в свою очередь, стремятся шире проникнуть на рынки стран с более слабой экономикой. Только взаимодействие их интересов на основе улучшения функционирования международной финансовой системы и координация макроэкономической политики способны привести к формированию открытой региональной системы, создания которой и добиваются участники АТЭС. Такая мысль неоднократно проводилась и на саммите АТЭС в Окленде - хотя при этом, впрочем, четко не разъяснялось, как же этого достичь в намечаемые АТЭС сроки. Высказывалась и такая точка зрения (ее придерживаются деловые круги Гонконга), что существование АТЭС необходимо до тех пор, пока в его рамках обсуждаются важные вопросы, - вне зависимости от того, связаны ли они с торговлей⁹.

С известной разочарованностью воспринимают итоги саммита в финансовых кругах Европы: ведь, по сути, участники форума опять так и не пошли на то, чтобы определить место и роль европейского капитала в процессах тихоокеанской интеграции. Реакцией на такую "недооценку" роли Европы можно, видимо, считать достаточно раздраженный редакционный комментарий итогов саммита в британской "Файнэншл таймс", появившийся после завершения мероприятий в Окленде.

"Файнэншл таймс" (которую нередко называют главной экономической газетой планеты) достаточно негативно оценивает усилия участников АТЭС по созданию в регионе режима свободной торговли и борьбы с протекционизмом. Заявления о развитии региональной торговли, по мнению газеты, выступают как удобное прикрытие стремлений США к стратегическому вмешательству в Азии, осуществляемому при участии Китая. Впрочем, уже в ходе нового раунда многосторонних переговоров в ВТО может выясниться, что планы США не осуществимы, и в этом случае, подчеркивает "Файнэншл таймс", будущее АТЭС будет зависеть от того, смогут ли его участники придать форуму более ясно выраженное измерение в политических вопросах и в

вопросах безопасности¹⁰. Видимо, главный элемент такой оценки - недовольство европейского капитала тем, что его устраняют от участия в тихоокеанском экономическом сотрудничестве. Впрочем, не исключено, что уже в ближайшее время появятся и совсем другие оценки. Ожидается, что АТЭС расширит взаимодействие с ВТО и что будут установлены отношения между АТЭС и ЕС (неформальная встреча "троек" их старших должностных лиц проведена в октябре 1999 г. в Сингапуре).

Выдвижение АТЭС на авансцену региональной (а в перспективе и мировой) экономической интеграции заметно сужает возможности других, не менее представительных и потенциально столь же влиятельных региональных экономических организаций: СТЭС (Совет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству) и ТЭС (Тихоокеанский экономический совет) и ведет к обостренному восприятию ими атэсовских инициатив. Так, в ТЭС критически оцениваются индивидуальные планы действий участников АТЭС. Эти планы - история прошлых достижений, а не дорога в будущее, пишет гонконгский журнал "Эйшауик"; давайте признаем, что эти планы провалились, и рассмотрим другие возможности, предлагает председатель ТЭС Гельмут Сохмен¹¹.

Необходимо подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Процессы либерализации торговли в АТЭС идут гораздо медленнее, чем ожидалось, и те участники форума, которые больше других зависят от региональной торговли и потому заинтересованы в ее активизации и либерализации, ищут новые пути и выдвигают новые инициативы (которые, что вполне естественно, не всегда отвечают интересам всех участников АТЭС). Так, в Окленде сразу несколько государств заявили о намерении заключить двусторонние соглашения о свободной торговле с отдельными участниками АТЭС. С такими заявлениями выступили Сингапур (который уже ведет переговоры с Чили, Мексикой и Новой Зеландией) и Южная Корея (обсуждает аналогичные вопросы с КНР и Таиландом). Новая Зеландия предложила создать зону свободной торговли в составе пяти стран АТЭС. В состав этой "тихоокеанской пятерки", помимо самой Новой Зеландии, предлагается включить Австралию, Сингапур, США и Чили. Предполагается, что эти пять стран договорятся по широкому кругу вопросов торговли - от ликвидации ограничений на экспорт услуг до сокращения экспортных субсидий¹².

* * *

По сложившейся в АТЭС традиции, ежегодная встреча лидеров практически всех стран и территорий Азиатско-Тихоокеанского региона была использована ее участниками и для дискуссий по достаточно широкому кругу международных проблем и двусторонних отношений. Одна из двусторонних встреч лидеров привлекла особое внимание мировой общественности. Речь идет о беседе президента США Б.Клинтона с председателем КНР Цзян Цзэминем - первой их встрече после мая 1999 г., когда в ходе одной из бомбардировок Белграда авиацией НАТО пострадало здание посольства КНР в Югославии, погибли граждане КНР, а Пекин выразил резкий протест Вашингтону. В Окленде, по сути, эта страница двусторонних отношений была перевернута.

Одной из важнейших тем американо-китайского диалога в Окленде был и вопрос о вступлении Китая в ВТО (без поддержки США эту проблему Пекину решить трудно). К концу 90-х гг. Китай стал одним из крупнейших мировых экспортеров (в 1998 г. экспорт Китая составил почти 183 млрд. долл.). Китай поддерживает активные торгово-экономические отношения со странами АТР, ЕС, США, Японией и Канадой, и это, конечно, веский довод в пользу его участия в ВТО. В Вашингтоне не подвергают сомнению право Китая на

членство в ВТО, но увязывают свою поддержку с позицией Пекина по Тайваню и в вопросе о правах человека.

Участники оклендского саммита с известной озабоченностью следили за событиями в Восточном Тиморе. Так совпало, что в дни проведения мероприятий саммита подводились итоги прошедшего в Восточном Тиморе несколько ранее референдума, в ходе которого жители этой территории высказались за предоставление Восточному Тимору независимости.

Реализация итогов референдума требовала создания таких условий, при которых обеспечивался бы вывод из Восточного Тимора подразделений индонезийской армии, а власть перешла бы к Национальному совету тиморского сопротивления во главе с его руководителем Шанана Гусмао. Гарантом мирной передачи власти могли бы стать миротворческие подразделения ООН, однако их введение на территорию Восточного Тимора могло произойти только с согласия президента Индонезии Хабиби, а тот долгое время колебался. Под нажимом США (Б.Клинтон заявил, что США пересматривают программы экономического сотрудничества и торговли с Восточным Тимором и что продолжение Индонезией прежней политики в отношении Восточного Тимора ставит под угрозу ее будущее) президент Индонезии Хабиби заявил о своей согласии на эту операцию. Это произошло 12 сентября 1999 г. (то есть в ходе саммита). Известие о таком решении было с немалым облегчением встречено всеми участниками саммита, поскольку позволило предотвратить дальнейшие столкновения проиндонезийских сил (отрядов вооруженной милиции) и сторонников независимости Восточного Тимора, имевшие место в Дили (столица Восточного Тимора) и некоторых других городах.

Саммит АТЭС в Окленде стал международным дебютом российского премьера В.В.Путина. Помимо участия в мероприятиях саммита, он провел несколько двусторонних встреч - с президентом США Б.Клинтоном, председателем КНР Цзян Цзэминем, премьер-министрами Японии К.Обути, Вьетнама Фам Ван Кхаем, Новой Зеландии Дж.Шипли и Канады Ж.Кретьеном. Если это не случайные собеседники (как правило, такие встречи непродолжительны и обычно имеют главной целью установление и поддержание личных контактов), то похоже, что у руководителей России постепенно формируется в АТЭС круг постоянных собеседников; на саммите 1998 г. в Куала-Лумпуре Е.М.Примаков тоже встречался с вице-президентом США А.Гором (Б.Клинтон на этот саммит не приезжал), премьер-министрами Вьетнама и Канады.

Помимо встреч на высшем уровне, в Окленде состоялись двусторонние и достаточно продуктивные беседы российских представителей - участников официальной делегации - с участниками других делегаций, в ходе которых традиционно уточнялись позиции сторон по международным и двусторонним вопросам. Как уже отмечено выше, только 4 участника АТЭС пока не участвуют в ВТО, и на саммите в Окленде была высказана поддержка их скорейшему приему в эту организацию и участию в будущем "Раунде тысячелетия" ВТО. Это обстоятельство тоже стало для России важным итогом саммита в Окленде.

Мероприятия саммита показали, что Россия постепенно утверждается в качестве участника этого форума как страна, имеющая немалый промышленный и людской потенциал и располагающая обширным рынком. Россия поддержала рекомендацию саммита о необходимости преодоления негативных последствий регионального финансового кризиса прежде всего для беднейших слоев населения, Россия считает необходимым реформирование международной финансовой системы для повышения ее устойчивости и предсказуемости, и заявила, что намерена продолжать курс на реформы и увеличение открытости своей экономики. Другое дело, что сама Россия пока только определяется в своем отношении к саммиту АТЭС и пытается свыкнуться со все еще новой

для нее ролью участника АТЭС, а у российских политиков и бизнесменов пока не сформировалось единого подхода к оценке российского участия в АТЭС. Особенно наглядно это видно из содержания тех интервью, с которыми выступили в печати по итогам саммита в Окленде некоторые участники российской делегации.

Так, заместитель министра иностранных дел РФ И.Д.Иванов считает, что, вступив в АТЭС, Россия предметно столкнулась с проблемами, решение которых необходимо уже не только ей самой, но и другим участникам форума. Одной из главных проблем такого рода он полагает высокие транспортные тарифы, которые затрудняют доставку товаров от центра России в регионы Сибири и Дальнего Востока (интересно, что эта мысль российского дипломата нашла подтверждение и в интервью ряда губернаторов регионов Дальнего Востока российским СМИ в сентябре-октябре 1999 г.). В результате получается, говорит И.Д.Иванов, что, оставаясь формально частью внутреннего рынка России, эти регионы на самом деле стали частью внешнего рынка Тихоокеанского региона. Поскольку в азиатской части страны мало людских ресурсов, Россия неизбежно придет к пониманию того, что в ее интересах поднять уровень деловых отношений с Азией до того состояния, которое уже существует с Европой. У России есть достаточно большие возможности по части рыболовства, судоходства, науки и техники, по космической связи, и здесь можно получить ниши, которые пока не заполнены. Здесь меньше, чем в Европе, препятствий к торговле, но мы хуже знаем рынки АТР; нам надо не прозевать момент, когда рынки в АТР открываются¹³.

Несколько по-иному рассматривают возможности России в АТЭС представители российских деловых кругов - участники мероприятий саммита в Окленде, которые дают практические оценки российского участия в АТЭС. Как считает заместитель генерального директора ОАО "Ростелеком" и один из трех представителей российских деловых кругов в Деловом консультативном совете АТЭС А.Вышлов, пока преждевременно ожидать серьезного включения российского бизнеса в работу АТЭС. Представителям России следует участвовать в проводимом Деловым консультативным советом АТЭС мониторинге действий, которые предпринимают участники форума в рамках либерализации торговли, но у нее пока нет механизма, который передавал бы информацию о работе АТЭС заинтересованным кругам, нет аналитических служб, как это принято в странах АТР¹⁴.

Работу в АТЭС Россия начала только в прошлом году, и поэтому следует присмотреться, найти интересные проекты и партнеров, считает вице-президент Межпромбанка и участник заседания Делового консультативного совета АТЭС в Окленде В.Дейнека. В АТР имеются большие возможности по закупке ценных бумаг, и поэтому одним из таких проектов могло бы стать создание и нормальное функционирование азиатского рынка ценных бумаг, на котором могли бы котироваться и акции российских компаний, принося инвестиции¹⁵.

Как видим, в России по-разному оценивают возможности, которые может дать ей АТЭС. Впрочем, может быть, это и неплохо - ведь только разноплановый подход и способен, по сути, сделать наше участие в форуме максимально выгодным и эффективным для России. Главное не отказываться от такого участия.

-
1. The APEC Challenge. APEC Economic Leaders' Declaration. Auckland, New Zealand, 13 September 1999. APEC Secretariat. Singapore, 1999. P. 2
 2. Ibid. P. 5.

3. Principles to Enhance Competition and Regulatory Reform. Open and Competitive Markets are the Key Drivers of Economic Efficiency and Consumer Welfare. Attachment to APEC Economic Leaders' Declaration. Auckland, New Zealand, 13 September 1999. APEC Secretariat. Singapore, 1999. P. 3.
4. Ibid. P. 4.
5. Eleventh APEC Ministerial Meeting (Auckland, New Zealand, 9-10 September 1999). Joint Statement. APEC Secretariat. Singapore, 1999. P. 6.
6. Независимая газета. 1999. 15 сентября. С.6.
7. В АТЭС под термином "ранняя добровольная секторальная либерализация" (Early Voluntary Sectoral Liberalization) подразумевается принятие комплекса мер, обеспечивающих открытие рынков отдельных товаров (секторов) и экономическое и техническое сотрудничество в торговле ими. Понятием "ранняя" обозначается реализация этих мер до срока, установленного для принятия таких мер в декларации саммита АТЭС в Богоре (2010 г. для развитых стран-участниц АТЭС и 2020 г. – для развивающихся участников АТЭС). Договоренность об осуществлении комплекса мер по "ранней добровольной секторальной либерализации" достигнута на саммите АТЭС в Осаке и утверждена на саммите АТЭС в Маниле.
На саммите АТЭС в Ванкувере зафиксирована договоренность участников АТЭС о том, в каких сферах либерализация рынка будет осуществлена в первую очередь (обозначено 15 таких секторов). Намечены девять секторов, в рамках которых конкретные меры по либерализации торговли начнут осуществляться уже с 1999 г. Помимо информационных технологий и телекоммуникаций, решение по которым было принято на саммите 1996 г. в Маниле, к ним отнесены энергетическое оборудование, химические товары, рыба и рыбопродукты, древесина, медицинское оборудование, игрушки и ювелирные изделия, товары и услуги, связанные с охраной окружающей среды. По некоторым оценкам, в АТЭС в этих секторах экономики ежегодно производится товаров на 700 млрд. долл. Также намечено до 2010 г. (то есть до установленного на саммите в Богоре срока) либерализовать продукцию еще шести секторов - масличные культуры и масла, продовольственные товары, натуральный и синтетический каучук, удобрения, автомобили и авиационная техника. По некоторым подсчетам, в этих 15 секторах сосредоточено около 40 процентов всей торговли участников АТЭС.
На саммите АТЭС в Куала-Лумпуре было решено передать тематику РДСЛ в ВТО и прислушаться к рекомендациям экспертов ВТО, которые, как намечалось, будут высказаны ими в Окленде. Однако в Окленде ВТО не представила такие рекомендации, и теперь ожидается, что они будут высказаны в ходе очередного раунда многосторонних переговоров ВТО в Сизтле.
8. Asiaweek. September 17, 1999. P.14.
9. Does APEC Have Value? The Auckland achievements were not trade- related. So what? // Asiaweek. September 24, 1999. P.22.
10. Apec's role. // Financial Times. September 14, 1999. P. 15.
11. Asiaweek. September 24, 1999. P.22.
12. Far Eastern Economic Review. September 23, 1999. P.51.
13. Косырев Д. В единую Европу не успели. Успеem ли в единую Азию?// Независимая газета. 1999г. 21.сентября. С.9.
14. Там же. С.11.
15. Там же.

Геополитические трудности России в связи с расширением НАТО на Восток (оценка китайских ученых)

© 2000

Ван Фуши, Вэнь Ли

Начавшееся в середине 90-х гг. расширение НАТО на Восток, вне сомнения, стало показателем того, что после распада СССР и системы двухполюсного мира начались, можно сказать, коренные изменения во всей архитектонике мира. Это событие явилось свидетельством того, что после такого события, сколько бы ни настаивали в России на идеях "общечеловеческих ценностей" и "критериях цивилизованного государства", она все-таки не была принята Западом. Противоречия между Востоком и Западом, равно как и противоречия между Севером и Югом, сопровождавшиеся противостоянием во второй половине нынешнего столетия, отнюдь не исчезли с ликвидацией системы двухполюсного мира. Напротив, после того как НАТО решительно приступала к расширению на Восток, эти противоречия проявились еще более наглядно. Еще когда только началась дискуссия относительно планов расширения НАТО на Восток, некоторые ученые России понимали, что эта акция НАТО "создает определенную угрозу национальным интересам России в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР)"¹. В 1997 г., как только был подписан в Париже "Основополагающий акт" между Россией и НАТО, некоторые японские газеты тут же объявили, что Россия "переориентирует свою внешнюю политику на Восток, чтобы компенсировать свое поражение в западноевропейской политике"². Да и бывший премьер Японии Р.Хасимото открыто заявил, что расширение НАТО на Восток - "это хорошее дело. Мы должны видеть, какое влияние оно окажет на Азию"³. Все это говорит о том, что влияние, которое окажет расширение НАТО на Восток на политику России в Азии, у многих находилось в поле зрения. 22 марта 1997 г., сразу же по завершении российско-американского саммита, "Независимая газета" писала, что президент Ельцин лично заявил президенту Клинтону, что в случае расширения НАТО на Восток Россия вынуждена будет сделать большой упор на Восток - на углубление обменов с Китаем, Индией и Ираном. Некоторые ученые России придерживались аналогичной точки зрения⁴.

Разумеется, в том, что Россия сделала акцент на развитие отношений с Китаем, Индией и Ираном, была своя логика, были для этого и определенные объективные возможности. Тем не менее хорошо известно и то, что Россия с давних пор представляет собой самостоятельную ветвь европейской христианской цивилизации, в то время как Китай, Индия и Иран - это государства с древнейшей цивилизацией, гораздо более древней, чем европейская христиан-

ская цивилизация. Несмотря на известные трудности, они не прерывали и не прерывают свою самобытную историю и культуру. В XX в. они в разное время смыли национальный позор колониализма, навязанный Западом в новое время, и ныне они решительно отстаивают право на собственный путь развития. Очень трудно предполагать, что в новом веке они смогут отказаться от громадных результатов, достигнутых на этом пути, и, пойдя вспять, принять главенство "некоего центра сил", принять политические и экономические порядки в мире, провозглашаемые и устанавливаемые какой-то мировой державой. Но это только одна сторона проблемы. Другая сторона заключается в том, что, хотя после развала СССР большая часть территории России осталась в Азии, ее политический и экономический центры по-прежнему находятся в европейской части. Многочисленные статистические данные свидетельствуют о том, что основным агентом торгово-экономических связей, а также источником иностранных инвестиций России является Европа. Сложные перипетии процесса расширения НАТО на Восток в свою очередь показали, что главной ареной, где Россия отстаивает свой статус великой державы, также является Европа. Если принять во внимание многие исторические и актуальные объективные факторы, то очень трудно предположить, что Россия окончательно "покидает Европу и вступает в Азию". Поэтому опора на великие державы Азии в качестве "ответа" на расширение НАТО на Восток может дать результат в полной мере только в будущем, когда Россия, быть может, сделает свой стратегический выбор. Да и то сказать - это весьма трудный выбор.

Нет, разумеется, никакого сомнения в том, что по мере ускорения процесса развития мира в сторону многополюсности и усиления стран Азии, особенно стран Северо-Восточной Азии, во второй половине 90-х годов, роль азиатских государств, в которых сбалансированы народонаселение, территория и экономика и которые должны будут рассматриваться как великие державы, будет возрастать в деле установления нового мирового политического и экономического порядка. Однако если брать только три страны, о которых говорят в России, - Китай, Индию и Иран, то их вес в мировой стратегии России будет не совсем одинаковым. Здесь роль китайско-российских отношений очевидно главнейшая. Разработка и развитие Россией нового типа отношений с Китаем - это, можно сказать, ее неизбежный выбор.

Однако отношения России с двумя такими странами, как Индия и Иран, не обязательно будут такими же прозрачными и предсказуемыми или могут играть такую же важную роль в осуществлении Россией своей стратегии в мировой политике, как российско-китайские отношения. Если объективно смотреть, то нынешние российско-индийские отношения скорее имеют для российской геополитической стратегии региональное, нежели глобальное значение. К тому же все действия Индии в Южной Азии всегда сковываются ее "спутником" Пакистаном. После того как исчез двухполюсный мир, в отношениях России, Индии и Пакистана в отличие от отношений, существовавших ранее между СССР, Индией и Пакистаном, произошли качественные изменения. В последние годы драматически изменилась обстановка в Афганистане, что также коренным образом влияет на проблему поддержания безопасности в районе южных границ России.

Российско-иранские отношения по своей сложности ничуть не уступают российско-индийским отношениям. Иран, без сомнения, вследствие своего особого географического положения, а также в связи с всевозрастающей ролью мусульманских стран в формировании новой архитектоники мира, является в известной мере сложной зоной мира, которая никак не сможет избежать трудностей, если любая великая держава Запада силой попытается навязать свое господство в мире. Вместе с тем рассуждения российских авторов,

выступающих за использование Ирана для противодействия расширению НАТО на Восток, вольно или невольно вызывают воспоминания об истории любви и ненависти в отношениях царской России и Советского Союза с тремя южными мусульманскими соседями, мусульманскими странами - Турцией, Ираном и Афганистаном. Упор на развитие связей с Ираном в настоящее время сводится для России, в конечном итоге, к вопросу о плате за это. Ведь на рубеже веков наблюдается день ото дня все более очевидное оживление мировых исламских сил и даже исламского фундаментализма. Ввиду того, что в Иране политические и религиозные силы объединены и действуют специфические шиитские мусульманские фундаменталисты, при развитии связей с Ираном России придется делать очень тяжелый выбор как в плане международной политики, политики в отношении СНГ и даже в плане внутренней политики. К тому же, хотя Иран со времени "исламской революции" и до настоящего времени сохраняет сильную антизападную позицию, тем не менее за последние 20 лет накопилось немало фактов, когда политика Ирана коррелируется в пользу "реализма". Многочисленные факты последнего времени говорят и за то, что Иран сам по себе меняется. И в российско-иранских отношениях, очевидно, существует немало переменных величин.

Если расширение НАТО на Восток весьма определенно показало, что после ликвидации двухполюсного мира противоречия между Востоком и Западом продолжают существовать, то и неблагоприятная геополитическая и экономическая обстановка России также четко проявилась в связи с этим в его отношениях с "ближним зарубежьем", со странами, бывшего СССР, а именно: страны СНГ "во главе" с Россией и страны Балтии. Не мог не привлечь внимание тот факт, что одновременно с тем, что 27 мая 1977 г. президент РФ Б.Н.Ельцин и руководство 16 государств-членов НАТО во главе с ее генеральным секретарем Х.Соланой собрались, чтобы подписать "парижский Основополагающий акт", в Таллине в это время состоялась встреча руководителей Польши, трех стран Балтии и Украины, чтобы вновь подтвердить свое позитивное отношение к расширению НАТО на Восток. После этого, несмотря на большие усилия, направленные на дальнейшее укрепление связей с Белоруссией, а также многократные попытки, используя различные доводы, рационализировать и улучшить отношения с Украиной, общая ситуация развивается для России все более неблагоприятно. Несмотря на то, что российское руководство использует различные поводы, чтобы вновь и вновь заявить, что оно решительно не приемлет расширение НАТО на территории бывших республик СССР, в реальности оно не смогло предотвратить первую очередь расширения НАТО - на территории Польши, Чехии, Венгрии. Оно не сможет, по ряду сложных исторических и актуальных причин, задержать это расширение и на другие страны Восточной Европы - страны Балтии и даже на Украину.

В настоящее время самым настоятельным и неотложным для России является стабилизация своего положения на Северном Кавказе и в Центральной Азии. В первой половине 1997 г., как раз когда в России наблюдался пик выступлений против расширения НАТО на Восток, генеральный секретарь НАТО Х.Солана наносил свой исторический визит в три страны Кавказа и четыре страны Центральной Азии (кроме Таджикистана). А это уже - совсем не Украина и не Белоруссия.

Начиная с 1801 г., когда Грузия признала себя "вассалом" царской России, этот крупный район с неславянским населением в течение без малого 200 лет был подчинен царской России. Еще до распада СССР здесь то и дело возникали межнациональные конфликты и было ясно, что центр постепенно утрачивает контроль над целостностью страны. Некоторые народы восставали и даже вступали в войну с государством, и так продолжалось долго. В глазах

такого геополитика Запада, как З.Бжезинский, этот крупный район после распада СССР оказался просто "пустым" местом, которое он назвал "черной дырой современной истории"⁵.

Что касается собственно стран НАТО в их отношении к планам расширения на Восток, то, несмотря на многократные встречи на самом высоком уровне в Хельсинки, Париже, Денвере и других местах, так и не были очерчены границы возможного расширения. Визит Х.Солана в страны СНГ в западной части Центральной Азии - это для России нехорошее предзнаменование. Хотя эти семь стран по-разному относятся к расширению НАТО на Восток, тем не менее ни с одной из них у России нет полного единства по данной проблеме, такого как, скажем с Белоруссией. С точки зрения интересов безопасности России ни конфликты на Среднем Востоке, ни борьба за нефтяные богатства Персидского залива, ни даже военно-стратегическое присутствие в Индийском океане по своей важности сегодня не идут ни в какое сравнение с положением России на Кавказе и в Центральной Азии. В связи с расширением НАТО на Восток перед Россией встала чрезвычайной важности проблема: как стабилизировать и контролировать отношения с Кавказом и странами Средней Азии.

Следует отметить, что после распада СССР Россия, используя организацию СНГ, все-таки добилась некоторых результатов в деле "интеграции" бывших республик СССР. Однако нельзя не видеть, что, хотя за 5 с лишним лет и подписано примерно 1300 официальных соглашений между странами СНГ, но оформлены в какой-то степени пока только союз России с Белоруссией, таможенный союз России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии. Между остальными странами складываются сложные и запутанные отношения. Если взять во внимание геополитические и экономические факторы да плюс исторические, культурные, религиозные, национальные и даже языковые различия, то конкурирующими с Россией силами влияния выступают ныне не только США и другие страны Запада, но и Турция, Иран, отдельные арабские страны и даже Япония и Южная Корея. В 1996 г. объем экспорта США в пять средне-азиатских стран достиг 755 миллионов долларов, в три раза больше, чем в 1995 г.⁶ Все отчетливее дает о себе знать проникновение международного западного капитала в страны Средней Азии и Кавказа в таких стратегических направлениях, как разработка природных ресурсов, выбор направления транспортных магистралей и выходов к морю. Уже появляются ростки пересечения коренных интересов этих стран и их окружения.

Тем не менее все еще есть объективные факторы, благоприятствующие усилению влияния России на дальнейшее сплочение стран Средней Азии и Кавказа в рамках стран СНГ, наследника Советского Союза, создававшегося усилиями нескольких поколений в этих странах, государства с целостной системой народного хозяйства, государства, в котором в течение ряда поколений были распространены смешанные браки. Сегодня не только в России, но и в других странах СНГ распространено понимание того факта, что внезапный разрыв единой целостной народнохозяйственной системы нанес каждой стране громадный урон.

В этом плане заслуживает внимания проблема так называемой "нерегулярной торговли" между Россией и СНГ. В условиях отсутствия границ и сохранения родственных связей, а также из-за сохранения между отдельными предприятиями традиционных экономических связей, эта "нерегулярная торговля" ясно демонстрирует, что между Россией и странами СНГ по-прежнему сохраняются довольно тесные связи. Преимущество России здесь в том, что иностранный международный капитал пока не готов окончательно занять эту нишу. Россия предпринимает усилия для экономической интеграции стран

СНГ. В частности, наряду с созданием финансово-промышленных групп в самой России, предлагается на базе банковской системы и традиционных экономических связей создавать наднациональные финансово-промышленные группы и даже преобразовать долги перед Россией в акции для России. Это - один из методов укрепления СНГ: начать с усиления экономической интеграции. Пока же политика России за 5 с лишним лет в отношении СНГ оставляет явной впечатление неопределенности. В условиях, когда расширение НАТО на Восток ставит перед Россией новые геополитические и экономические проблемы, перед ней встает и новая проблема выбора отношений со среднеазиатской частью СНГ.

Начало расширения НАТО на Восток означает, что для России складывается в Европе новая геополитическая обстановка. Вслед за этим на всей периферии России могут возникнуть такого же рода изменения, которым ей будет очень трудно противостоять. Многовековой исторический опыт свидетельствует о том, что как бы далеко от российского побережья Тихого океана ни находился ее политический и экономический центр, на процветание России это оказывало ключевое влияние. Нынешнее географическое положение России здесь в корне отличается от положения СССР и царской России. Да и новый Азиатско-тихоокеанский район уже совершенно не тот, каким он был прежде.

Известно, что в середине 80-х годов в России по-новому и более основательно начали смотреть на новую международную политическую и экономическую ситуацию в Восточной Азии. За десять с лишним лет выделяется два этапа - существование СССР и РФ. Хотя в последний период в России шло все более глубокое изучение и проводилось все более полное описание Азиатско-тихоокеанского региона, РФ так и не смогла до сего дня вернуть своего громадного влияния, которое СССР оказывал на этот регион в годы холодной войны. К примеру, по самому взрывоопасному вопросу в этом регионе - проблеме Корейского полуострова. Хотя Россия вновь и вновь подчеркивает наличие здесь своих "традиционных и актуальных интересов" и даже выступает с соответствующими предложениями относительно снижения взрывоопасности и развития международного сотрудничества, тем не менее по двум крупным проблемам (ядерная проблема Севера и Соглашение о приостановке войны в Корее), по которым идут международные переговоры, Россия может остаться в роли стороннего наблюдателя. Обычно в России считается, что, хотя силы России намного меньше, чем СССР, но в Азиатско-тихоокеанском регионе она по-прежнему обладает определенным "геополитическим и военным преимуществом". Однако сейчас, в условиях, когда расширение НАТО на Восток изменяет военно-стратегическую архитектуру на всей планете, сможет ли Россия сохранить эти "преимущества" и как будут развиваться события - вопрос, заслуживающий самого тщательного внимания.

В апреле 1996 г. в совместной американо-японской декларации была подчеркнута необходимость усиления договора безопасности. И это при том, что СССР уже больше не существовал, и у США и Японии не было возможности оправдывать свои действия существованием мнимого врага - СССР, а американская сторона даже особо подчеркнула, что в японо-российских территориальных спорах США придерживается нейтральной позиции. Но само содержание этой декларации совершенно очевидно выходит за рамки американо-японских отношений. Обе стороны до сих пор очень смутно толкуют проблему "периферийных районов" Японии, чем вызывают настороженность у стран Восточной Азии. Еще бы: разговоры о самороспуске НАТО и свободной от оружия Восточной Европы в конечном итоге завершились расширением НАТО на Восток. Есть все основания верить, что коль скоро Россия не смогла надлежащим образом решить проблемы, оставленные второй мировой войной

в Азии, то она никак не может ослабить бдительность в отношении военных союзов в Азиатско-тихоокеанском регионе, центром которых являются США.

С другой стороны, как быть России перед лицом бурно развивающегося Азиатско-тихоокеанского региона в условиях отставания российского Дальнего Востока? В общем, несмотря на провозглашение этого направления внешней политики России ведущим, российские исследователи говорят больше о потенциальных возможностях ее осуществления, а не о реальных делах⁷.

Одновременно с этим в прибрежных районах Тихого океана обстановка в экономике и в целом в обществе не только не изменилась в лучшую сторону, но эти районы постепенно погрязли во всеобщем кризисе - экономическом, общественном и политическом. В последние 20 с лишним лет развитие экономики районов российского Дальнего Востока все более и более отставало от развития сопредельных стран. После расширения НАТО на Восток, особенно после двух неофициальных встреч глав России и Японии начали обнаруживаться некоторые свидетельства об изменении геополитического и экономического положения России в Азиатско-тихоокеанском регионе, особенно в Восточной Азии. Однако, как овладеть особенностями этого региона, как продвигнуться вперед и догнать развивающийся регион - это большой вопрос для России сегодня и в будущем.

© 2000

*Перевод с китайского языка
Г.Богданова*

1. Китай. Китайская цивилизация и мир. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 1996. Часть I. С. 165.
2. Санкэй симбун. 1997. 29 мая.
3. Франс - пресс. 1977. 28 мая.
4. Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С. 42-43.
5. Значительная утрата контроля и большой хаос: Общественные науки в Китае. 1995. С. 167. (на кит. яз.)
6. Бизнес Дейли. 1997. 11 июня.
7. Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 33.

Япония: коалиционный выбор либерал-демократов

© 2000

А. Сенаторов, И. Цветова

Наиболее заметным явлением в политической жизни Японии завершающего десятилетия XX в. стал переход к коалиционной форме правления как следствие утраты в 1993 г. Либерально-демократической партией (ЛДП) сохранявшейся на протяжении 38 лет монополии на власть. Как признано в самой Японии, непрерывное однопартийное правление, неотвратимо ведущее к сращиванию интересов политиков, бюрократии и деловых кругов, не только породило крупномасштабную коррупцию, но и явилось причиной приостановки динамичного развития страны, неспособности ее правительства своевременно и адекватно реагировать на важные внутренние и международные перемены.

Коалиционное правление на фоне меняющейся расстановки политических сил (июль 1993 – май 1998 гг.)

Не удивительно, что японское общественное мнение восприняло отстранение ЛДП от власти как приближение к характерной для демократических государств сменяемости власти путем борьбы за нее различных политических партий. Однако на практике образованные без участия ЛДП новые многопартийные правительства (кабинет М. Хосокава, август 1993 – апрель 1994 гг.; кабинет Ц. Хата, апрель – июнь 1994 г.) укорениться не смогли. Менее чем через год либерал-демократы вновь участвовали в формировании правительства, на этот раз коалиционного, совместно с их прежним противником, Социалистической партией Японии (СПЯ), и небольшой Новой партией Сакигакэ. В этом правительстве, которое с июня 1994 г. по январь 1996 г. возглавлял социалист Т. Мураяма, либерал-демократы, заняв важные посты, с самого начала смогли обеспечить себе лидирующее положение. Позже они взяли в свои руки и формирование правительства. Так появился кабинет Р. Хасимото (январь 1996 – июль 1998 гг.), до ноября 1996 г. действовавший в трехпартийном составе, а затем на волне успешного выступления ЛДП на выборах в палату представителей реорганизованный без участия в нем партнеров по коалиции. Более полутора лет Социал-демократическая партия (СДП, так стала называться СПЯ после крупных преобразований в январе 1996 г.) и Новая партия Сакигакэ формально оставались правящими партиями, осуществлявшими "внеправительственное сотрудничество" с ЛДП, но их реальное воздействие на правительственную политику стремительно падало. Незадолго

Сенаторов Алексей Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН.

Цветова Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

до выборов в палату советников, состоявшихся в июле 1998 г., оба союзника либерал-демократов объявили о своем выходе из правящей коалиции. Произошел полный возврат к единоличному правлению Либерально-демократической партии.

Логика и суть зигзагов коалиционного правления в Японии объяснялась рядом характерных черт непрекращающейся до настоящего времени перестройки японских политических сил.

Во-первых, банкротство однопартийного правления символизировало конец сложившейся в послевоенной Японии политической системы, главным элементом которой было противоборство ее двух главных субъектов – ЛДП и СПЯ. Обе партии переживали кризис, их авторитет и влияние стремительно падали. До настоящего времени ЛДП так и не достигла былой популярности, а СПЯ (теперь СДП) ушла с авансены политической жизни, скатившись в разряд второстепенных оппозиционных партий. В то же время в стране не появилось какой-либо другой партии, которая уже сейчас могла бы сравниться с прежней СПЯ по способности соперничать с либерал-демократами.

Во-вторых, поражение ЛДП не было следствием превосходства над ней совокупных сил прежней оппозиции. В начале 90-х годов оппозиционный лагерь был представлен стоящими на его левом фланге социалистической и коммунистической партиями, а также ориентированными на центристскую политику Комэйто (Партия чистой политики, опирающаяся на буддистскую организацию Сока гаккай), Партией демократического социализма (ПДС) и небольшим Социал-демократическим союзом (СДС). Между пятью партиями оппозиции существовали труднопреодолимые идейно-политические разногласия.

К завершению однопартийного либерально-демократического правления привел раскол в рядах самой правящей партии. Более того, консервативные политики, покинувшие ЛДП, стали самыми инициативными участниками всех последующих перемен в расстановке политических сил. Их активность способствовала формированию исключительно разнородной семипартийной коалиции, правительство которой пришло на смену кабинету либерал-демократов. Но именно они же, руководствуясь в первую очередь собственными эгоистическими интересами и проявляя нетерпимость к левому крылу среди новых правящих сил, а именно, к социалистам, явились главными виновниками недолговечности первых коалиционных правительств, подтолкнули СПЯ к образованию иной правящей коалиции, совместно с либерал-демократами.

Выходцы из ЛДП были вдохновлены идеей установления в Японии двухпартийной системы, создания для осуществления этой цели новой крупной партии, способной на равных соперничать с ЛДП за власть. Однако именно их поведение, авторитарность их лидеров парадоксальным образом привели к развалу собственного детища – Партии новых рубежей (ПНР), которая смогла просуществовать всего три года (декабрь 1994 – декабрь 1997 гг.).

К этому следует добавить, что другие выходцы из ЛДП, обосновавшиеся в Новой партии Сакигакэ, способствовали расколу СДП и ее крупному поражению на выборах в палату представителей осенью 1996 г. Совместно с большой группой депутатов парламента из СДП они создали Демократическую партию, которая сразу же заняла второе, после ПНР, место среди парламентской оппозиции.

Разумеется, уход многих видных политиков из ЛДП нанес этой партии большой ущерб. Но их практическая деятельность в новых партиях независимо от выдвигаемых ими целей в конечном счете играла на руку либерал-демократам. К тому же некоторые из консервативных политиков, потерпевшие неудачу, возвращались в ряды ЛДП, укрепляя ее парламентские позиции. Это

явилось одним из факторов восстановления численного большинства либерал-демократов в ключевой палате парламента – палате представителей.

Трудности однопартийного правления

Состоявшиеся в июле 1998 г. выборы в палату советников, на которых переизбиралась половина ее состава, окончились для ЛДП весьма неудачно. Либерал-демократы не смогли решить поставленную задачу добиться восстановления утерянного ранее большинства в этой палате, напротив, число их парламентариев здесь еще более сократилось. На выборах по пропорциональной системе за ЛДП голосовала лишь четвертая часть избирателей. По этому показателю к либерал-демократам почти вплотную приблизилась оппозиционная Демократическая партия.

При таком исходе выборов председатель ЛДП и премьер-министр Р. Хасимото был вынужден уйти в отставку, новым лидером партии стал К. Обути. Преимущество либерал-демократов в палате представителей, за которой закреплено решающее слово в избрании премьер-министра, обеспечило возможность К. Обути сформировать 30 июля однопартийное правительство. Большинство же палаты советников проголосовало за другого кандидата – лидера Демократической партии Н. Кан.

Кабинет К. Обути приступил к работе в критической для японского государства обстановке. Правительству требовалось немедленно заняться решением первоочередной задачи по выводу страны из экономического застоя. Важность этой задачи усугублялась тем, что неудача ЛДП на выборах в палату советников явилась в первую очередь следствием провала экономической политики, проводимой предыдущим кабинетом, возглавлявшимся либерал-демократом Р. Хасимото. Новому правительству предстояло в короткий срок выправить хозяйственную конъюнктуру, не прекращая начатые структурные реформы.

Для эффективного руководства страной в сложной экономической обстановке требовалось срочное прикрытие “ахиллесовой пяты” либерал-демократов, которой являлось отсутствие у них большинства в палате советников, необходимого для законодательного закрепления важнейших правительственных решений.

Вместе с тем трудности, стоящие перед правящей партией и ее правительством, отнюдь не означали, что для партий оппозиции складывалась благоприятная обстановка. Вопреки раздававшимся заявлениям о том, что ЛДП, которой на выборах большинство избирателей выразило фактическое недоверие, не имеет морального права на продолжение монопольного правления, призывы Демократической партии к сплочению оппозиции в противостоянии либерал-демократам не встретили отклика в других партиях, причем не только по идеологическим, политическим, личностным и эмоциональным причинам. Среди оппозиции не было уверенности в том, что решительные действия, включая выражение недоверия правительству, провоцирующее роспуск палаты представителей и назначение досрочных выборов, пойдут им на пользу, а не будут восприняты электоратом в столь сложной обстановке в стране как “раскачивание лодки во время шторма”.

Однако, принимая во внимание поражение на выборах в палату советников вкупе с уроками отстранения от власти в 1993 г., либерал-демократы не воспользовались раздробленностью парламентской оппозиции и воздержались от решительных действий по проведению в жизнь собственных планов и пошли по пути диалога с оппонентами.

Сформированное К. Обути “правительство экономического возрождения” в качестве своих приоритетных задач определило восстановление нормальной деятельности банковских учреждений и создание условий для оживления пред-

принимательства, в том числе путем продолжения структурных реформ, не исключая, однако, их корректировки, особенно по срокам осуществления.

В программной речи в парламенте глава правительства обещал привлечь к работе “народные интеллектуальные силы” для вывода страны из экономического застоя, внимательно прислушиваться к “голосу народа, начиная с трудящихся, мелких и средних предпринимателей”¹. В течение месяца премьер-министр учредил Совет экономической стратегии в составе видных деятелей делового мира и ученых, который сразу же приступил к разработке рекомендаций для правительства.

Одновременно К. Обути приступил к персональным консультациям с лидерами оппозиционных партий в целях нахождения компромисса по законопроектам, определяющим пути финансового оздоровления. От участия в консультациях была отстранена только Коммунистическая партия Японии (КПЯ). В результате в ходе чрезвычайной сессии парламента (август – октябрь 1998 г.), названной “финансовой”, серия важных решений, касающихся антикризисных мер и оздоровления финансовой системы, была лишь наполовину принята по предложениям правительства, причем нередко с существенными поправками по требованию оппозиции, а вторая их половина родилась с подачи различных партий, что было весьма необычно для японской парламентской практики. Средства массовой информации комментировали ход этой сессии нередко в карикатурном виде, представляя уступки правительства оппозиционным партиям как проявление его бессилия и т.д. Авторитету правительства был нанесен заметный урон, что подтвердили опросы общественного мнения. Тем не менее итоги “финансовой” сессии парламента свидетельствовали о наличии реальной возможности искать пути решения насущных экономических проблем не методами конфронтации, а с помощью конструктивного диалога.

Проблемы отношений ЛДП с партиями оппозиции приобрели особую значимость не только с точки зрения поддержки правительственной программы, направленной на преодоление экономических трудностей. Предстояло проведение через парламент внесенных при кабинете Р. Хасимото законопроектов, утверждающих новые Руководящие принципы японо-американского оборонного сотрудничества, подписанных правительствами двух стран в сентябре 1997 г. Этот документ прокламировал расширение географических рамок, содержания и форм оборонного сотрудничества между Японией и США, что вызвало беспокойство соседних стран, а также встретило критическое или, по меньшей мере, прохладное отношение японской общественности.

В этих условиях либерал-демократы все более склонялись к курсу на усиление политических консультаций с близкими им по взглядам партиями оппозиции и перевод сотрудничества с ними на регулярную основу. Ближе всех по мировоззрению к ЛДП была Либеральная партия (ЛП), образованная в январе 1998 г. группой парламентариев – бывших либерал-демократов из распущенной Партии новых рубежей. Авторитарный руководитель ЛП И. Одзава в свое время состоял в наиболее влиятельной фракции внутри ЛДП, к которой принадлежал и нынешний премьер-министр К. Обути, и сумел подняться до поста генерального секретаря партии. Уйдя из ЛДП, И. Одзава стал центральной фигурой политической перестройки, в том числе инициатором и руководителем Партии новых рубежей. ЛДП никогда не отгораживалась от своих прежних единомышленников, да и сам И. Одзава время от времени заявлял о готовности к “частичной консервативно-консервативной коалиции”, но одновременно подвергал ЛДП жесткой критике, что не могло не вызывать раздражения и даже ненависти у ее руководства. Помимо эмоционального момента интерес ЛДП к ЛП ослаблялся и относительно скромными возможностями последней. По численности депутатского корпуса в парламенте (40 в

палате представителей и 12 в палате советников) ЛП занимала лишь третье место среди партий оппозиции.

С точки зрения восполнения недостающей поддержки в парламенте для ЛДП большой интерес представляли парламентарии бывшей Комэйто. Часть из них (депутаты палаты представителей) вошла в 1994 г. в Партию новых рубежей, а после роспуска ПНР учредила Новую партию Мир. Вторая часть (депутаты палаты советников) продолжала деятельность в составе реорганизованной партии Комэй. Обе группы парламентариев постоянно взаимодействовали, имея мощную поддержку Сока гаккай. По численности в парламенте (47 в палате представителей и 22 в палате советников) они занимали второе после ДП место среди оппозиции. Политический вес этой силы оппозиции возрос после того, как в ноябре 1998 г. было провозглашено воссоздание Комэйто. В ее учредительных документах во многом повторялись принципы прежней Комэйто – приверженность идеям мира и гуманизма, защита благосостояния средних слоев населения. Комэйто была названа “партией центра”. Руководство Комэйто не скрывало своего намерения, заняв место между ЛДП и ДП, в практической политике спекулировать на своей значимости в не удовлетворяющей интересы каждой из этих двух партий общей расстановке политических сил.

ЛДП вела работу в обоих направлениях, добиваясь сближения как с Либеральной партией, так и с Комэйто.

Образование “консервативно-консервативной” коалиции

19 ноября 1998 г. К. Обути, взяв на себя инициативу и ответственность, на личной встрече с главой Либеральной партии И. Одзава дал позитивный ответ на его предложение войти в коалицию с правящей партией. Для К. Обути это было довольно смелое решение, поскольку речь шла о заключении союза с “раскольником”, неизменным, начиная с 1993 г., критиком политики либерал-демократов и их руководства, не стесняющимся самых резких и обидных выражений. С другой стороны, и лидеру ЛП И. Одзава было нежелательным предстать в глазах общественности кающимся “блудным сыном”, возвращающимся в объятия своей семьи – ЛДП. Но трезвый расчет взял верх над эмоциями. Коалиция представлялась обеим сторонам взаимовыгодной. Либерал-демократам она была нужна в первую очередь для упрочения парламентских позиций, хотя присоединившихся голосов ЛП в палате советников еще не доставало до желаемого депутатского большинства. Что же касается Либеральной партии, то вхождение в коалицию имело для нее большее значение, поскольку самостоятельное существование этой относительно небольшой группы консервативных политиков в случае продолжения ее противостояния либерал-демократам было вообще бесперспективно.

Переговоры по согласованию политической платформы новой коалиции и способов дальнейшего взаимодействия двух партий длились около двух месяцев. Либеральная партия избрала тактику навязывания правящей партии обсуждения собственных предложений, что должно было гарантировать “сохранение лица” ее руководителя, а также создать условия для укрепления позиций на будущих парламентских выборах.

Политические консультации выявили различие подходов двух партий к решению некоторых актуальных проблем, особенно заметное в сфере обеспечения безопасности. ЛДП отвергла домогательства ЛП, добивавшейся пересмотра правительственного толкования “мирной” статьи конституции, согласно которому непосредственное участие Японии в применении вооруженной силы не допускается. Не согласилась ЛДП и “уточнить” понятие “критической ситуации вокруг Японии”, недвусмысленно указать, как требовал И. Одзава,

что имеется в виду расширение зоны японо-американского оборонного сотрудничества далеко за пределы Японии, распространив ее на районы, прилегающие к территориям КНР и России. Тем не менее эти разногласия не помешали ЛДП и ЛП договориться о проведении единой политики в сфере обеспечения безопасности, предполагавшей как расширение оборонного сотрудничества с США, так и активизацию участия Японии в миротворческой деятельности ООН.

По ряду других вопросов, включая, например, сокращение числа министерских постов в правительстве, повышение уровня участия правительства в парламентских дебатах, у ЛДП не было оснований для возражений. ЛДП пошла навстречу ЛП и в части, касающейся ее требований совместно добиваться сокращения численности палаты представителей на 50 человек за счет квоты депутатов, избирающихся по пропорциональной системе, по партийным спискам. Реализация этого предложения существенно расширила бы сферу мажоритарных выборов по одномандатным округам. Для ЛП, не располагающей разветвленной сетью партийных организаций и не пользующейся достаточной популярностью на общенациональном уровне, но обладающей во многих одномандатных округах влиятельными организациями персональной поддержки ее депутатов, такой пересмотр имел бы большое значение, хотя в принципе выборы по одномандатным округам особенно выгодны крупным партиям, следовательно, и ЛДП.

По окончании переговоров, в канун открытия очередной парламентской сессии, 14 января 1999 г. К. Обути реорганизовал однопартийный кабинет в коалиционное правительство, в котором ЛП получила пост министра по делам самоуправления. Премьер-министр заявил о достижении между двумя партиями "взаимного сотрудничества на принципах нового консерватизма". Со своей стороны И. Одзава, известный как настойчивый пропагандист и проводник неоконсервативных идей, подчеркнул, что требования ЛП "согласованы и подтверждены обеими партиями почти полностью", "ЛП не отказалась от них и не отступила"². Новая правящая коалиция была охарактеризована в Японии как "консервативно-консервативная".

Одновременно с принятием Либеральной партии в правящую коалицию либерал-демократы добились немалых успехов в привлечении на свою сторону Комэйто, которая, формально оставаясь в оппозиции, поддерживала практически все правительственные решения, правда, иногда добиваясь определенных уступок со стороны правящей партии.

Расширение сотрудничества с Комэйто, курс на ее включение в правящую коалицию

Весной 1999 г. большинством голосов ЛДП, ЛП и Комэйто в парламенте были одобрены с учетом поправок законопроекты, касающиеся японо-американского оборонного сотрудничества в "кризисных ситуациях вокруг Японии". Одна из поправок предусматривала обязательный порядок предварительного, а в "неотложных случаях" последующего одобрения парламентом некоторых, предусмотренных планами, действий сил самообороны, включая участие в тыловом обеспечении боевых действий американских вооруженных сил.

Численный перевес этой "тройки" в парламенте (см. Таблицу 1) открыл путь к законодательному закреплению большинства других правительственных решений кабинета К. Обути. За 207 дней работы 145-й очередной сессии парламента (январь – август 1999 г.) были одобрены 110 и перенесены на последующее рассмотрение 15 правительственных законопроектов. Правитель-

ственная инициатива вновь довлела над депутатской (по предложениям депутатов было принято 18 законодательных актов).

Таблица 1

Партийный состав парламента Японии (июль 1998 г.)

Название партии	Число депутатов	
	Палата представи- телей	Палата советни- ков
Либерально-демократическая партия	266	105
Демократическая партия	92	56
Комэйто	52	24
Либеральная партия	39	12
Коммунистическая партия Японии	26	23
Социал-демократическая партия	14	14
Прочие партии и группы	4	14
Беспартийные	6	4
Всего	499 (одно место ва- кантное)	252

В обстановке демократического соперничества, но в целом не отклоняясь от замысла правительства, парламент принял большую группу законов, направленных на восстановление экономической конъюнктуры, создание условий для вывода экономики из застоя и продолжение реформ, адаптирующих страну к новым внутренним и международным условиям.

Часть законов экономического блока намечала меры по усилению конкурентоспособности японской промышленности и нормализации деятельности финансовых учреждений. Другие ставили в плоскость практической реализации целый ряд важных мер в рамках уже идущей административной реформы, которая по замыслу ее инициаторов должна приблизить Японию к неолиберальной модели "малого правительства". В их числе 17 законов о реорганизации центральных правительственных органов путем сокращения, слияния, перераспределения функций министерств и управлений, которые предстоит осуществить к январю 2001 г., а так же многочисленные поправки к 475 законам, начиная с Закона о местном самоуправлении, предусматривающие основательную децентрализацию, передачу части полномочий центра на места. Существенно был обновлен действовавший в стране с 1961 г. Основной сельскохозяйственный закон, значительно расширявший теперь использование рыночных отношений в сельском хозяйстве.

Вместе с тем правительство использовало благоприятное для него изменение соотношения сил в парламенте для одобрения некоторых законов, которые по существу направлены на расширение правительственного контроля за жизнью общества и таят в себе угрозу ущемления прав и свобод граждан. К числу таких, именуемых многими японцами "государственными" законов относился пакет законов о мерах по борьбе с организованной преступностью, включающих упрощение процедуры получения разрешения на прослушивание телефонных разговоров. Он был принят в парламенте вопреки упорному сопротивлению Демократической партии, коммунистов и социал-демократов. Еще один такого рода закон теперь официально признавал государственными символами флаг "*хи-но мару*", представляющий собой белое полотнище с красным кругом посередине, и восславляющей императора гимн "*ки-ми-га ё*", что являлось предметом ожесточенных споров в послевоенной Япо-

нии. Правительство не захотело считаться с тем, что для половины населения страны "*хи-но мару*" и "*кими-га ё*" до сих пор ассоциируются с милитаристским прошлым, а текст гимна, воспевая императорское правление, входит в явное противоречие с конституционным принципом народовластия. Особенность принятия данного закона состояла в том, что в его поддержку выступила не только Комэйто, которая спешно пересмотрела свою позицию по этому вопросу, но и половина депутатов Демократической партии, в основном из числа бывших либерал-демократов.

Принятие поправок к Закону о парламенте, согласно которым в обеих палатах учреждались комиссии по изучению конституции, также отражало глубокие перемены в соотношении политических сил. В результате дискуссия о возможности или недопустимости пересмотра конституции 1947 г., продолжавшаяся в различных политических и общественных кругах весь послевоенный период, выносилась на государственный уровень. Против этого решения голосовали только коммунисты и социал-демократы. Нельзя не отметить осторожность ЛДП, по инициативе которой новым парламентским комиссиям было предписано лишь "комплексное изучение конституции" в течение пяти лет и представление затем отчетов председателям своих палат без права на внесение каких-либо законопроектов. Ограниченный статус комиссий удовлетворил тех депутатов как в среде оппозиции, так и в самой ЛДП, которые не считали пересмотр конституции, особенно ее девятой "мирной" статьи, своевременным.

Сближение взглядов Комэйто с ЛДП по многим актуальным проблемам, являвшимся предметом споров в парламенте, побудило руководство правящей партии вновь по инициативе К. Обути рассмотреть возможность присоединения Комэйто к правящей коалиции. В июле 1999 г. К. Обути сделал Комэйто соответствующее официальное предложение. Комэйто, созвав чрезвычайный съезд, одобрила на нем участие в правительственном блоке. Это было крутым, но все же предсказуемым пересмотром политической ориентации Комэйто. Он был инициирован главным образом депутатами парламента, которые пришли из распущенной Партии новых рубежей, где они тесно сотрудничали с ее лидером И. Одава, теперь снова оказавшимся в правящем лагере. Эти депутаты настойчиво пропагандировали мысль о том, что вхождение в коалицию с ЛДП дает возможность влиять на определение правительственной политики с учетом пожеланий собственного электората. Некоторые частные уступки, которые ЛДП уже сделала навстречу Комэйто, порождали у них надежду, что на этом пути популярность партии в средних городских слоях населения, главной ее опоры, может возрасти. В ответ на сомнения, подтверждавшиеся ссылками на окончившийся сокрушительным поражением опыт участия социал-демократов в правящей коалиции с ЛДП, руководители Комэйто заявляли, что в отличие от СДП они сохраняют собственную политическую линию, не меняя ее в угоду правящей партии. Кроме того, Комэйто рассчитывала в процессе сближения с ЛДП добиться уступок, создающих более благоприятные для нее условия на будущих парламентских выборах. Комэйто считала возможным установить сотрудничество с ЛДП на выборах и даже намеревалась с помощью последней добиться пересмотра порядка выборов в палату представителей путем, хотя бы частичного, возвращения к избранию ее депутатов по многомандатным округам.

Определенные колебания по поводу включения Комэйто в правящую коалицию испытывала и ЛДП. Значительная часть либерал-демократов сомневалась в долговечности дружеских отношений и лояльности Комэйто. По политическим взглядам им, несомненно, была ближе Либеральная партия. Многие видели проблему и в том, что ЛДП, будучи светской партией, которая должна уважать конституционный принцип отделения государства от рели-

гии, идет на постоянное сотрудничество с партией, до сих пор нередко считающейся политическим филиалом религиозной организации Сока гаккай. Эти сомнения усугублялись болезненной реакцией Либеральной партии на сближение ЛДП с Комэйто. В ЛП не без оснований полагали, что в новой коалиции ЛДП будет отдавать предпочтение тому партнеру, который обладает большей численностью депутатов в парламенте. Вхождение Комэйто в союз с ЛДП обеспечивало последней превосходство над оппозицией в палате советников, то есть то, чего не мог дать союз с малочисленной ЛП. Большой интерес для ЛДП представляло и сотрудничество с Комэйто на выборах, поскольку в этом случае либерал-демократы могли рассчитывать на мощную поддержку со стороны социальной опоры Комэйто — многочисленных адептов Сока гаккай. Ничего подобного предложить либерал-демократам ЛП не была в состоянии. И все-таки у Либеральной партии имелся сильный козырь — наличие в ЛДП большого числа политических единомышленников, что позволило И. Одзава прибегнуть к прямой угрозе покинуть правящую коалицию в случае, если в ЛДП не будет считаться с интересами его партии, отдавая предпочтение Комэйто. Однако это не поколебало решимости К. Обути и его сторонников в ЛДП установить полноценное сотрудничество с Комэйто, включив ее в правящий блок. Осуществление этого замысла было несколько отсрочено в связи с выборами председателя ЛДП, полномочия которого истекали в сентябре 1999 г.

Рождение трехпартийной правящей коалиции

Еще задолго до выборов К. Обути твердо решил добиваться переизбрания и в своей победе не сомневался. Его соперниками выступили К. Като и Т. Ямадзаки, влиятельные политики, за которыми стояли собственные внутрипартийные фракции. Однако эти претенденты на руководство правящей партией и, следовательно, пост премьер-министра не могли не признавать, что при К. Обути либерал-демократы существенно укрепили свои позиции, а рейтинг правительства в общественном мнении с конца 1998 г. непрерывно повышался. Впрочем, К. Като и Т. Ямадзаки не скрывали, что их участие в выборах председателя ЛДП строилось в расчете не на нынешнюю победу, а лишь создание задела для последующей попытки добиться успеха. Тем не менее избирательная кампания отличалась большим накалом, причем оба соперника основное внимание уделяли критике курса К. Обути на расширение правящей коалиции за счет Комэйто. За переизбрание К. Обути председателем ЛДП проголосовали около 70% ее депутатов парламента и примерно такая же доля членов и “друзей” партии.

21 сентября 1999 г. К. Обути подтвердил намерение в срочном порядке оформить включение Комэйто в правящую коалицию. Начатые ранее консультации между ЛДП и Комэйто по согласованию политических позиций были переведены на высший уровень, в них также включилась Либеральная партия. Переговоры завершились заключением 4 октября 1999 г. трехпартийного соглашения. На первое место в нем было вынесено компромиссное решение по вопросу о сокращении численности членов палаты представителей. Согласившись в принципе уменьшить состав этой палаты на 50 человек, как ранее договорились между собой ЛДП и ЛП, стороны постановили первоначально сократить ее на 20 человек, а решение о форме последующего сокращения определить позже, с учетом интересов как ЛП, так и Комэйто. Без особых трудностей было согласовано принципиальное направление экономической политики (формирование государственного бюджета на следующий год, стимулирование внутреннего спроса посредством пересмотра налоговой системы и т.п.). Явным проявлением внимания к пожеланиям Комэйто стало включение в соглашение блока мероприятий правительства в сфере социального обеспечения,

которые, однако, носили довольно неконкретный характер. Раздел "Обеспечение безопасности" ориентировал коалицию на разработку и принятие законов, определяющих систему чрезвычайных мер в "кризисных ситуациях", обеспечивающих возможность расширения участия японских сил самообороны в основных видах миротворческой деятельности ООН, за исключением тех, которые сопряжены с непосредственным применением вооруженной силы³.

5 октября 1999 г., на следующий день после достижения трехпартийного соглашения, К. Обути коренным образом реорганизовал кабинет министров. Из прежнего состава только министр финансов К. Миядзава и начальник управления экономического планирования Т. Сакай сохранили свои посты. Партнеры по коалиции получили по одному месту в правительстве: Либеральная партия - пост министра транспорта и по совместительству начальника управления развития Хоккайдо, Комэйто - пост начальника управления общих дел и координации. По политической ориентации участвующих в коалиции партий новый правительственный блок можно было бы назвать "правоцентристским", однако по существу в нем сохранялось несомненное превосходство консерваторов как количественное, так и качественное - либерал-демократы свои лидирующие позиции в правительстве не ослабили.

Итак, в Японии начинает утверждаться коалиционная форма правления. Это подтвердили события 1998-1999 гг., когда либерал-демократы, вернув себе потенциальную возможность единолично управлять страной, были вынуждены искать политических союзников, которыми стали трудно совместимые между собой Либеральная партия и Комэйто.

Сегодня в Японии часто задаются вопросом, каковы последствия 90-х годов с их непрерывной политической чехардой, не означает ли нынешняя доминирующая роль ЛДП в правящей коалиции появления лишь новой формы монопольного правления этой партии. Однозначного ответа на этот вопрос пока нет.

Не исключено, в частности, такое развитие событий, как возвращение политиков Либеральной партии в ряды ЛДП, что означало бы еще большее усиление доминирования последней в системе коалиционного правления. Многое будет зависеть и от линии Комэйто, от того, насколько настойчиво она будет отстаивать самостоятельные позиции и сможет ли надолго ужиться с партнерами по коалиции. Во всяком случае, до очередных выборов в палату представителей, которые должны состояться осенью 2000 г., крупных помех для сохранения нынешней коалиции, на наш взгляд, не предвидится.

Что же дал японскому обществу переход к коалиционному правлению с его меняющимся с начала 1993 г. составом?

За эти годы в стране проведена широко разрекламированная политическая реформа, начата административная реформа, определены ее основные направления, заявлено о намерении приступить к реформированию финансовой системы, промышленности и сельского хозяйства, социального обеспечения, образования. Следовательно, переход к коалиционному правлению стал фактором, оказавшим существенное влияние на разные сферы жизни японского общества. Однако содержание и масштабы уже свершившихся перемен вызывают весьма пессимистические отклики в самой Японии. Политическая реформа, провозглашавшаяся во имя "чистой политики", этой цели фактически не достигла, сосредоточившись главным образом на изменении избирательной системы, что было умело использовано либерал-демократами для восстановления собственных позиций. С большим трудом продвигаются и прочие реформы, за основу которых взята американская неолиберальная модель, учитывающая национальную специфику, что порождает как открытое, так и скрытое сопротивление им.

Со времени своего образования в 1955 г. Либерально-демократическая партия пропагандировала себя и, надо сказать, весьма результативно в качестве единственной в стране политической силы, способной обеспечить успешное экономическое развитие и политическую стабильность Японии. Переход к коалиционному правлению разрушил миф о ЛДП как незаменимом и единственно возможном субъекте власти. За годы существования коалиционных правительств ряду партий, помимо ЛДП, удалось приобщиться к системе власти, познать реалии непосредственного участия в управлении страной. Это послужило одной из причин ослабления остроты противостояния в соперничестве за власть, расширило возможности нахождения компромиссных решений по спорным проблемам. Сам же процесс принятия политических решений стал более прозрачным, открытым для общественности, что в принципе должно было способствовать активизации электората в выражении своих политических предпочтений.

Японская общественность восприняла форму коалиционного правления как отвечающую национальному менталитету. Ее тревожит перспектива возврата монопольного правления ЛДП, и в то же время опасения вызывает чрезмерное расширение рамок нынешней правящей коалиции. Численность депутатского корпуса правящих партий сейчас приблизилась к двум третям всего состава палаты представителей, достигнуто и прочное их преобладание над оппозицией в палате советников. Столь неравное соотношение партийных сил в высшем органе государственной власти у одних вызывает одобрение, порождая надежду на твердое руководство и политическую стабильность, необходимые для оздоровления экономики. У других – беспокойство, не приведет ли оно к вседозволенности в действиях правительства, к выхолащиванию демократии и полному игнорированию мнения оппозиционных партий, отстаивающих интересы значительной части электората.

-
1. Асахи симбун. 1998. 8 августа
 2. Там же. 1999. 15 января
 3. Нихон кэйдзай симбун. 1999. 4 октября

Экзамены в системе государственной службы КНР

© 2000

А.Копков

С октября 1993 г. в Китае внедряется новая система государственной службы. В условиях углубления реформ экономической системы, исходя из необходимости повышения эффективности работы государственных административных органов, о чем постоянно говорится с трибун партийных и правительственных форумов последних лет, а также в духе концепции дифференцированного управления кадрами, основным объектом новой системы являются государственные служащие, то есть, по определению, «сотрудники государственных административных органов всех уровней за исключением рабочих и обслуживающего персонала».¹ Другими словами, от обратного, принцип единообразия государственной службы нарушается в отношении работников остальных государственных органов, а также государственных предприятий, компаний, практических учреждений и т.д. Это важный и принципиальный момент, без понимания которого вряд ли можно представить себе целесообразность и эффективность введения новой системы.

Помимо всего прочего, представляется, что наиболее яркой ее особенностью, свидетельствующей об ее адекватности происходящим в стране изменениям, являются привносимые механизмы формирования корпуса государственных служащих, другими словами, комплектации штатов государственных административных органов. «Временным положением о государственных служащих»², базовым нормативным актом всей системы, предусматривается всего два варианта возможных путей быть в нее включенным.

Первый вариант предусмотрен системой ротации государственных служащих, а именно одной из ее форм – «переводом на другую должность», что понимается как назначение работников извне в состав государственных административных органов для замещения руководящих или неруководящих должностей на уровне помощника референта и выше, а также назначение государственных служащих на должности вне государственных административных учреждений. Образно говоря, эта форма ротации является как «входом», так и «выходом» из системы государственных служащих, что является главным ее отличием от других форм ротации, где перемещения осуществляются только по должностям в рамках системы государственных административных органов. Необходимо отметить, что при «перевод» кандидаты не сдают никаких экзаменов, но проходят строгую проверку по идейно-политической, профессиональной подготовке в соответствии с требованиями, предъявляемыми к служащим в их новой должности. После перевода в государственный административный орган претендентам сразу присваивается статус государственного служащего, а официальное назначение на должность осуществляется не по

результатам испытательного срока, а после прохождения соответствующего курса подготовки, конкретное содержание и сроки которого определяются компетентным органом.

Конечно, сам механизм ротации не является чем-то новым в области управления кадрами. Однако в данном случае принципиальное отличие от ротации в системе ганьбу заключается в том, что предусмотрены ограничения при «выходе». Раньше путем «перевода» назначения осуществлялись по всем должностям государственной службы. Другой важной особенностью является то, что если раньше при «выходе» из системы государственных административных органов ганьбу сохраняли свой статус, то в новых условиях лица, вышедшие из системы, лишаются статуса государственного служащего со всеми вытекающими отсюда последствиями. В случае повторного зачисления на службу они должны наравне с другими пройти соответствующие процедуры до присвоения статуса государственного служащего и официального назначения на должность.

Второй вариант предусматривает участие кандидата в конкурсных экзаменах. Именно проведение конкурсов на замещение вакантных должностей расценивается китайскими СМИ, да и общественным мнением, как чуть ли не главное завоевание новой системы кадрового управления, ибо это, с одной стороны, делает ее более доступной, открытой, привлекая «свежие силы», а с другой - обеспечивает соответствующим качеством. Представляется, что содержание этого механизма заслуживает особого внимания, и не только потому, что этот элемент системы в настоящее время получил наиболее полное применение на практике, но и потому, что его содержание отчасти может быть востребовано в условиях российской системы государственной службы.

В соответствии с «Временным положением о государственных служащих» и «Временным положением о зачислении на службу государственных служащих», принятом Министерством кадров 7 июня 1994 г., для замещения неруководящих должностей в государственных административных органах, начиная от сотрудника-секретаря заведующего сектором и ниже, отбор кандидатов осуществляется путем проведения открытых конкурсных экзаменов.³

Проведению самого конкурса предшествует этап согласования и утверждения необходимого числа дополнительных служащих. Это момент принципиальный, являющийся основанием для всей дальнейшей работы, ибо важнейшим условием обоснования соответствующих механизмов управления государственными служащими является наличие вакантных должностей в рамках утвержденного штатного расписания определенного административного органа.

Административные органы подают заявления о наборе персонала в кадровые службы соответствующего уровня, где указывают название должности, причину появления вакансии, предоставляемые условия при замещении должности, то есть заработную плату, льготы, социальные гарантии и т.д., а также интеллектуальные, профессиональные и другие необходимые требования, предъявляемые к служащему, исполняющему обязанности по данной должности.

Если речь идет о центральных органах, то вся работа замыкается на Министерство кадров Госсовета, которое рассматривает подаваемые заявления и утверждает план по приему новых служащих. Соответственно план по приему служащих в местные административные органы утверждается в таком же порядке, но уже Управлениями по кадрам народных правительств провинций, автономных районов и городов центрального подчинения.

Утвержденный план со всей сопровождающей его документацией и соответствующим постановлением кадрового ведомства передается в структуры непосредственно занимающиеся организацией и проведением всех связанных

с конкурсом мероприятий. На уровне центральных административных органов такой структурой является созданный в мае 1994 г. Экзаменационный центр государственных служащих при Министерстве кадров. Он возник на основе слияния Центра по конкурсному набору служащих и Всекитайского центра по руководству проведением экзаменов на присвоение служебных званий — структур, занимавшихся конкурсным набором персонала и его аттестацией еще до официального введения системы государственных служащих, в период ее экспериментального применения. На уровне народных правительств провинций, автономных районов и городов центрального подчинения существуют аналогичные ведомства с той же функциональной нагрузкой.

На основании утвержденного плана, указанные структуры формируют экзаменационную комиссию, рабочие группы, готовят необходимые печатные материалы (бланки, анкеты, справочную литературу), должным образом оборудуют экзаменационные классы и т. п. В состав экзаменационной комиссии и ее рабочих групп как правило входят работники кадровых служб соответствующего уровня, специалисты экзаменационных центров и представители административных органов, нуждающихся в сотрудниках.

Далее следует официальное опубликование в средствах массовой информации сообщения о предстоящем наборе служащих, в котором указываются органы, нуждающиеся в сотрудниках, общее количество вакантных должностей, место и сроки проведения регистрации желающих принять участие в конкурсе.⁴

После ознакомления с необходимой информацией по имеющимся вакансиям, претендент подает заявление по установленному образцу на участие в конкурсе по замещению определенной должности в определенном административном органе. Вместе с этим он должен представить документы, подтверждающие его соответствие всем общим и конкретным требованиям, предъявляемым к участникам конкурса вообще и к претендентам на определенную должность в частности. В случае соответствия выдается удостоверение на право участия в конкурсном экзамене и получение необходимой методической литературы.

В этой связи хотелось бы отметить некоторую неточность русского перевода соответствующей статьи «Временного положения о государственных служащих». В частности, П. 2. Статьи 16. переведен как: «проводится проверка компетентности претендентов на должности». В действительности речь не идет о проверке каких-либо знаний претендентов. В данном случае имеется в виду лишь конкурс документов, то есть проверяется только документальное соответствие претендента установленным требованиям.

Требования общего характера прописаны во «Временном положении о зачислении на службу государственных служащих» (Статья 14). Претендент должен быть гражданином КНР, обладать политическими правами, поддерживать руководство КПК, горячо любить социализм, уважать законы и соблюдать дисциплину, иметь определенный уровень образования, опыт работы, крепкое здоровье и быть не старше 35 лет. Зато конкретные требования каждый раз при проведении конкурса определяются отдельно. Например, в 1995 г. Орготдел ЦК КПК и Министерство кадров объявили о конкурсном наборе служащих на 467 вакантных должностей начиная от сотрудника-секретаря заведующего сектором и ниже в 48 центральных партийных и государственных органах. При этом указанные общие требования были конкретизированы в опубликованном бюллетене следующим образом: 1) претендент должен иметь пекинскую прописку или прописку в его городах-спутниках, либо иметь разрешение этого года на устройство в столице, которое может выдаваться кадровым служащим при смене места работы и демобилизованным военно-

служащим; 2) иметь как минимум признаваемое в стране высшее профессиональное образование; 3) опыт работы в низовых структурах не менее двух лет. Вместе с тем на замещение 23 должностей в Министерстве коммуникаций, Министерстве водного хозяйства и Министерстве электроэнергетической промышленности⁵ был объявлен всекитайский конкурс. Претенденты уже не ограничивались пропиской, но предъявлялись особые требования к образованию, опыту работы и т.д.⁶

В 1998 г. ситуация была качественно иной. Конкурс по обыкновению был представлен как смешанный, то есть на замещение должностей в центральных партийных и государственных органах, но претенденты на участие в конкурсе в первую очередь должны были быть выпускниками текущего года ВУЗов, находящихся в прямом подчинении ЦК КПК или Госкомитету по делам просвещения КНР, ныне переименованного в Министерство просвещения КНР. Требования к опыту работы заменялись требованиями к результатам учебы, но содержание требований идеологического характера остались неизменны и в тех же формулировках. Всего было объявлено 966 вакансий в 84 органах. Однако в связи с решением, принятом на 1 сессии ВСНП 9-го созыва (март 1998 г.) о реорганизации структур Госсовета и сокращении аппарата его сотрудников, набор служащих в государственные административные органы был отменен.⁷

Интересной иллюстрацией данного процесса на региональном уровне являются результаты экзаменов в провинции Шаньдун. В 1997 г. к конкурсу на замещение некоторых должностей там впервые были допущены крестьяне. Из 3226 служащих, принятых на государственную службу, их число составило 41 человек.⁸

Статья 4 «Временного положения о зачислении на службу государственных служащих» устанавливает, что при отборе кандидатов на вакантные должности в местные народные правительства районов национальной автономии и ведомства по делам национальностей правительств всех ступеней, претенденты из национальных меньшинств должны пользоваться определенным преимуществом. Поэтому при наличии вакансий в указанных структурах это также оговаривается в форме особых требований. Кроме этого статьей предписывается при отборе служащих на должности в административных органах предоставлять преимущество демобилизованным военнослужащим. При этом необходимо отметить, что если предпочтение представителям национальных меньшинств отдается даже в том случае, когда набранный ими в сумме балл уступает баллу других кандидатов на эту должность, то военнослужащим предпочтение предоставляется лишь при условии равного балла с другими претендентами.

В дополнение к сказанному необходимо пояснить каким образом документально подтверждается соответствие претендента идеологическим требованиям. В данном случае сохраняется практика представления характеристик-рекомендаций соответствующего партийного комитета. Например, для участия в конкурсе 1998 г., помимо других необходимых документов нужно было представить рекомендацию с места учебы - бланк установленного образца, в котором особое место, даже большее по объему чем для автобиографии, отведено для мнений парткомов факультета и ВУЗа.

Прошедшие процедуру регистрации допускаются ко второму этапу конкурсного отбора - письменному экзамену, не по определенной специальности, а для определения объема общих знаний конкурсантов, уровня их образованности, способности к анализу, ясности ума и т.д. Поскольку некоторые механизмы управления государственными служащими предполагают, что он должен быть способен занимать различные должности на протяжении всей своей карьеры и зачастую даже в других государственных органах, то основ-

ной задачей на данном этапе является выявление той группы конкурсантов, которая по своим знаниям и способностям в принципе готова для работы в органах государственной администрации.

По своей процедуре и структуре экзамен является калькой западных аналогов, таких как GATB (General Attitude Test Battery), GMAT (General Management Attitude Test) и т.д. Отличительная особенность подобных тестов заключается в том, что в нем субъективный фактор сведен до минимума. Для этого максимально создаются все условия, исключающие возможное влияние какого-либо характера. Например, даже при проверке результатов, экзаменатор не знает чью конкретно работу он проверяет, так как в ней указан лишь присвоенный ей шифр. По своей структуре тест характерен тем, что тестируемому вместе с вопросом предоставляется несколько вариантов ответа из которых он должен выбрать один правильный. При этом ответы внешне или по смыслу построены по принципу кажущегося сходства, что позволяет выявить не только общий результат, но и определить ход мысли тестируемого.

В настоящее время в Китае по указанной модели разработано несколько тестов для определения уровня подготовки в различных областях. Например, для определения уровня знаний по китайскому языку используется тест HSK (ханьюй шуйпин коаши), а годность к государственной службе выявляет тест «Синчжэн чжие ненли цэши», что можно перевести как «тест способности к административной работе».⁹

Тест состоит из 5 частей, задания каждой из которых заключают собой особый метод определения соответствующих способностей. Время выполнения заданий теста строго ограничено. На первую часть отводится 10 минут, а на следующие 4 части - в сумме 80 минут. При этом по истечении установленного времени, независимо от степени выполнения работы, необходимо перейти к заданиям следующей части. Конверт с заданиями вскрывается непосредственно в экзаменационном классе перед аудиторией экзаменуемых. В процессе работы запрещается пользоваться какой-либо справочной литературой, при себе необходимо иметь только соответствующие документы, простой карандаш и стирательную резинку.

Часть первая - скорость восприятия. В части три задания, в сумме 60 вопросов. Оценивается точность восприятия иероглифов, цифр, букв латинского алфавита и их различных сочетаний.

Часть вторая - математические исчисления. В ней два задания, включающие 25 вопросов. Проверяются элементарные знания математики, умение производить математические вычисления, находить закономерности и т.д.

Часть третья - анализ материалов. Состоит из трех заданий - 15 вопросов. Представлены графики, таблицы, статистические данные, вопросы к ним и варианты ответов. В данном случае проверяются способности к аналитическому мышлению, пониманию указанных форм подачи материала и их анализу и т.д.

Часть четвертая - знание государственного языка (путунхуа) - включает три задания - 30 вопросов. Проверяется как тонко человек чувствует смысловые оттенки иероглифов, знает грамматику и насколько точно понимает смысл связанного текста.

Часть пятая - логика. В общей сложности четыре задания - 40 вопросов - отличный метод оценки способности человека мыслить логически. Например, в первом задании нужно из предложенных фраз составить логически правильное предложение. Во втором дается утверждение и ряд объяснений, из которых нужно выбрать верное с точки зрения логики. В третьем задании используются различные фигуры, формы которых находятся в определенной логической последовательности, которую требуется установить. В четвертом

задании дается отрывок текста, который нужно логически завершить предложением из ряда представленных вариантов.

На основании всех ответов экзаменуемого, по определенной математической формуле вычисляется балл, который и является результатом теста. В зависимости от общего конкурса и исходя из конкретной ситуации при проведении конкурсного отбора служащих, минимальный проходной балл каждый раз устанавливается отдельно. Вместе с тем структура теста каждый раз сохраняется в изложенном порядке и в том же объеме заданий и вопросов, обновляется только его содержание.¹⁰

Набравшие по результатам теста нужное количество баллов допускаются к следующему этапу отбора – устному экзамену. В контексте всесторонней объективной проверки претендентов, актуальность чего постоянно подчеркивается в теоретической литературе по системе государственных служащих, это необходимое дополнение, так как позволяет составить более целостное представление о самом претенденте и о его качествах. Основная нагрузка на данном этапе ложится на представителей соответствующего административного органа. Форма и содержание экзамена определяются в зависимости от должности, на которую претендует конкурсант. Это может быть и собеседование, и выступление по заданной теме и т.д. Что же касается содержания, то оно так или иначе направлено на выявление конкретных способностей, которые необходимы для исполнения обязанностей по конкретной должности. Другими словами, помимо личного знакомства с будущим сотрудником, в данном случае речь идет о выявлении не общих, а специальных его знаний и способностей. На основе мнений членов экзаменационной группы по каждой кандидатуре принимается соответствующее решение, которое в свою очередь служит основанием для дальнейшего участия или исключения ее из конкурса.

На этом работа экзаменационного центра заканчивается. Все документы участников, прошедших перечисленные этапы конкурсного отбора, должным образом оформляются и передаются в кадровую службу соответствующего административного органа для их аттестации. Содержание аттестации определено в Статьях 22-26 «Временного положения о зачислении на службу государственных служащих». В частности, в первую очередь идет перепроверка подлинности всех документов, представленных конкретным лицом при регистрации его как участника конкурса. Вместе с этим рассматривается, отвечает ли их содержание условиям отвода при назначении на должность, которые прописаны в Статье 61 «Временного положения о государственных служащих». А именно, выясняется имеются ли у кандидата на должность среди служащих в этом административном органе муж или жена, кровные родственники по прямой линии, кровные родственники по боковой линии в пределах трех поколений и близкие родственники по линии мужа или жены со служащими, находящимися в прямом подчинении друг другу или тому же административному руководству, а также находящимися в подчинении высшей инстанции нижестоящей. При одном из перечисленных обстоятельств кандидат исключается из списка претендентов на данную должность в этом административном органе. В лучшем случае, в зависимости от конкретной ситуации, ему может быть предложена другая вакансия, иначе он вообще выбывает из конкурса.

Особым значением наполнен следующий предмет аттестации, а именно определение политических и идеологических взглядов и моральных качеств кандидата. В данном случае изучаются представленные на него характеристики, рекомендации и другие документы, свидетельствующие о тех или иных его проявлениях. При необходимости связанная с этим работа проводится при содействии партийных комитетов и других компетентных органов последнего

места работы или учебы кандидата. Кроме этого не исключено, что для должного определения соответствующих его позиций он может быть приглашен на дополнительное собеседование.

Завершает этап аттестации, равно как и весь процесс конкурсного отбора, проверка состояния здоровья кандидатов. Интересно отметить, что при этом впервые за весь процесс конкурса допускается, что кандидат может и не согласиться с результатами и пройти повторное обследование, но уже за свой счет¹¹.

Таким образом на основе анализа и обобщения всех результатов, полученных в ходе каждого этапа конкурсного отбора, кадровая служба соответствующего административного органа представляет список лучших кандидатов на замещение вакантных должностей. Данный список направляется для рассмотрения и утверждения в вышестоящие компетентные органы, которым в центре является Министерство кадров, а в регионах - соответствующие кадровые службы народных правительств, начиная от городов с районным делением и выше.¹²

Только после утверждения вопроса в вышестоящих инстанциях, кадровая служба вправе уведомить кандидата о том, что он прошел по конкурсу и должен прибыть на службу для оформления не позднее месяца со дня получения уведомления. При этом на основании соответствующих положений указанных выше нормативных актов, лица впервые зачисленные в административные органы оформляются на службу с годичным испытательным сроком, в течение которого они проходят должное обучение, предусмотренное системой обучения и подготовки государственных служащих. По истечении испытательного срока и на основании результатов аттестации по его окончании, происходит официальное назначение испытуемого на должность с присвоением статуса государственного служащего и соответствующего разряда или же его исключение из списочного состава административного органа. Кроме этого предусматривается, что лица, впервые или вновь зачисленные на службу, при этом не имеющие опыта низовой работы должны быть определены на такую работу сроком от одного до двух лет.¹³

Важно отметить, что в случае выявления нескольких подходящих кандидатур, прошедших все этапы конкурсного отбора на замещение определенной должности, кадровые службы, помимо указанного списка, составляют так называемый резервный список кандидатов. В отличие от первого, второй список со всей сопутствующей документацией направляется в экзаменационные центры соответствующего уровня для создания базы данных по кадровым ресурсам, что преследует две цели. С одной стороны, если изначально утвержденный кандидат вовремя не явился для оформления на службу, не прошел испытательный срок, сам отказался от должности или вновь появилась вакансия по данной должности по другим причинам, то она замещается уже не посредством проведения открытого конкурса, а за счет имеющегося резерва кандидатов на эту должность. С другой стороны, исходя из сложившейся ситуации по итогам конкурса, резервным кандидатам может быть предложена другая вакансия, которая не была заполнена или же появилась позже в процессе работы, в другом административном или государственном органе. Резервный список кандидатов как правило действителен в течение года, то есть до объявления следующего открытого конкурса на замещение вакантных должностей.¹⁴

К вышесказанному необходимо добавить, что новый порядок зачисления на службу государственных служащих не является принципиальным. Как у любого правила есть свои исключения, так и в данном случае предусмотрена возможность упрощенного порядка приема на службу или применения других методов оценок претендентов. Например, если речь идет об особых

должностях, по которым не предусмотрено проведение открытого конкурса или о должностях, на замещение которых при стандартных условиях трудно сформировать конкуренцию и т.д.¹⁵ Список и порядок замещения этих должностей каждый раз утверждается отдельно соответствующим компетентным органом в зависимости от уровня проводимого конкурса, то есть либо Министерством кадров, либо Управлениями кадров народных правительств провинций, автономных районов, городов центрального подчинения.

По сравнению с существовавшим ранее порядком, когда процедура приема на службу ограничивалась ознакомлением с личным делом, наведением справок о том, как человек себя зарекомендовал, после чего с ним проводилась краткая беседа, и окончательное решение принимали соответствующие руководители и отделы кадров на основании «внутриведомственного обсуждения»¹⁶, новая схема, предложенная системой государственных служащих, по сути является качественным шагом вперед. Нормой становится применение открытого конкурсного подхода к решению проблемы, что, с одной стороны, свидетельствует о действительном стремлении руководства страны сформировать хорошо подготовленный и профессионально, и идеологически корпус административных работников, а с другой стороны, свидетельствует о возможной адаптации некоторых механизмов западных систем административного управления к китайской действительности. Конечно, некоторые скептики могут утверждать, что конкурсный метод по китайскому варианту не позволяет полностью избежать произвола чиновников, но если учесть, что одним из этапов конкурсного отбора является тест, в котором субъективный фактор сведен до минимума, а его необходимый результат есть допуск к следующему этапу отбора, то, вероятно, это достаточно эффективный подход к решению проблемы в данных условиях. Подобная практика существует во многих странах западной Европы, где государственная служба организована по карьерному принципу, например, во Франции, Германии, Великобритании. В такой системе помимо всего прочего основным критерием профессиональной пригодности является трудовой стаж, то есть именно практический опыт административной работы. Поэтому перемещение государственных служащих при назначении на должность схематично выглядит как движение от низших должностей к средним, от средних к высшим. При этом только низшие должности замещаются в указанном порядке посредством проведения открытого конкурса.

Интересным в этой связи представляется другое объяснение от обратного. Госслужащие низового звена представляют собой основу административных органов. Именно они осуществляют непосредственное обслуживание граждан в самых разнообразных формах, и именно в этом проявляется их неформальная власть. Это значит, что их работа не может быть легко сведена к четко определенным, универсальным стандартам, возможны лишь некие общие нормы и правила ориентирующего характера. Отсюда и возникает необходимость провести именно эту категорию служащих через все этапы конкурсного отбора, чтобы лучше выявить их знания и способности. Руководство страны напрямую связывает решение проблемы привлечения достойных по идеологическим и профессиональным качествам лиц к административной работе с развитием страны в следующем веке. Об этом, в частности, заявил член Госсовета Ли Гуйсянь во вступительном докладе на проходившем в Пекине в декабре 1997г. Всекитайском совещании руководителей Управлений по кадрам.¹⁷

1. Временное положение о государственных служащих. Статья 3. Законодательство КНР. // Экспресс-информация ИДВ РАН. 1994 г. Вып. 5. С.18-37. (перевод сделан В.И. Антоновым с участием О.В. Огер).

2. Постановление принято Постоянным бюро Госсовета КНР 24.04.1993. Вступило в действие с 1.10.1993.// Жэньминь жибао. 1993. 19 августа.
3. Временное положение о зачислении на службу государственных служащих». Статья 3//: Практическое управление служащими в КНР . Под. ред. Чу Цзуньсянь, Чжу Цинфан. Пекин: Чжунго жэньши чубаньшэ., 1995. С.1455-1457, (на кит.яз.)
4. Жэньминь жибао. 1995. 18 мая.
5. Упразднено в результате последней реорганизации структур Госсовета//: Китай: факты и цифры 1998 Пекин:Синьсин. Б.г. С.12.
6. Практическое управление служащими в КНР. Под. ред. Чу Цзуньсянь, Чжу Цинфан. Пекин,. Чжунго жэньши чубаньшэ., 1995. С.94, (на кит.яз.)
7. Информационный бюллетень ИТАР-ТАСС. 1998. 24 марта.
8. ИБАС. 1997. 27 ноября.
9. Ли Жухай. Примеры тестов способности к административной работе и их анализ. Пекин, Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ., 1997, (на кит.яз.)
10. Там же. С.2.
11. Практическое управление служащими в КНР. Под. ред. Чу Цзуньсянь, Чжу Цинфан. Пекин, Чжунго жэньши чубаньшэ., 1995 г. С.168, (на кит.яз.)
12. Временное положение о зачислении на службу государственных служащих». Статья 27.
13. Там же. Статья 31.
14. Практическое управление служащими в КНР. Под. ред. Чу Цзуньсянь, Чжу Цинфан. Пекин,. Чжунго жэньши чубаньшэ., 1995. С.171, (на кит.яз.)
15. Временное положение о зачислении на службу государственных служащих» Статья 20.
16. Гудошников Л.М. Формирование в КНР системы государственной службы// ПДВ. 1995. № 4. С.27-28.
17. Жэньминь жибао. 1997. 18 декабря.

Наши рефераты

Юй Суй "Познавать многополярность, способствовать утверждению многополярности". "Сяньдай" шицзе", 1999, № 9, с. 12-14.

Статья известного китайского политолога Юй Суй "Познавать многополярность, способствовать утверждению многополярности" посвящена анализу концепций, касающихся политической архитектуры современного мира, и, в частности, распространенной в США концепции однополярного мира, в которой отражаются американские претензии на единичное главенство в глобальных масштабах.

Как подчеркивает Юй Суй, параллельно подобным взглядом появился и их антипод - рассмотрение мира как средоточия целого ряда центров или полюсов, отрицание монополярного права США на лидерство в мире. Это увязывается с ростом самостоятельности других держав и особенно формированием и неуклонным укреплением позиций третьего мира. Автор статьи цитирует заявление Дэн Сяопина о том, что "силы третьего мира, особенно страны с самым большим населением - Китай становятся важным фактором развития сил мира" (март 1985), а также его же заявление, сделанное в марте 1990 г. о том, что "мир становится трех-, четырех-, пятиполярным".

Аналогичный подход сохранило и третье поколение китайских руководителей во главе с Цзян Цзэмином. В его докладе на XV съезде КПК констатировалось, что "тенденции многополярности в политике, экономике и других сферах получают новое развитие в глобальном и региональном масштабах".

Автор статьи замечает, что на таких же позициях стоит и Россия, приводя в доказательство совместные коммюнике Цзян Цзэмина и президента Ельцина, в которых затрагивается вопрос о многополярности. Так, в апрельском коммюнике 1997 г. прямо говорится о том, что "в конце XX века произошли глубокие перемены в международных отношениях, выразившиеся в окончании холодной войны и исчезновении двух полюсов, быстро нарастают тенденции многополярности".

В статье цитируются и соответствующие заявления российского президента, а также совместное коммюнике о встрече лидеров Франции и КНР, в котором отмечается, что "непрерывно развивающийся Китай и объединенная Европа играют все более важную роль в многополярном мире".

Тенденции к многополярности, считает Юй Суй, объективно способствуют коренным интересам всех стран. По его мнению, китайские и зарубежные ученые принимают многополярность потому, что она отражает наличие многих сил в мире - государств и объединений, имеющих политическое и экономическое влияние и образующих взаимосбалансированную стабильную структуру в рамках современного мира.

Юй Суй полемизирует с теми, кто считает, что исходя из суммарной национальной мощи и степени влияния в мире, лишь Соединенные Штаты Америки можно отнести к "полюсу". Китайский политолог считает, что понятие многополярность отражает тенденцию и прогресс в мире, находящемся в переходном состоянии и двигающемся в направлении к многополярности. Если США можно назвать полюсом, пишет Юй Суй, то "вполне допустимо назвать страны или объединения стран, обладающие в мире серьезным политическим и экономическим влиянием, "субполюсами". "Полюса и субполюса, отмечает далее китайский политолог, образуют многополярную систему", и "движущими силами многополярности являются "самостоятельное развитие, равноправная конкуренция и борьба с гегемонизмом", причем "необязательно, чтобы между полюсами и субполюсами возникали противостояние или антагонизм".

В статье оспаривается утверждение некоторых оппонентов многополярности, будто существование многополярности "инициирует дестабилизацию" в мире и будто в "многоголовом" мире может начаться смута". Этот тезис автор статьи

иллюстрирует примером "смуты" на Балканах. Кризис на Балканах показал, говорится в реферируемой статье, насколько опасен "однополюсный мир", показал, что многополярности еще недостаточно развития и недостаточно повысилась роль развивающихся стран. Балканский кризис выявил также необходимость дальнейшего повышения роли Организации Объединенных Наций в углублении и расширении многополярности. "В условиях многополярности, пишет Юй Суй, различные силы взаимно сдерживают друг друга, противостоят гегемонизму, что содействует установлению справедливого и рационального нового международного порядка. Однополюсный же мир неизбежно приводит к ослаблению роли ООН, и это уже подтвердил кризис в Косово".

Относительно утверждений, что поскольку США на сегодня - единственная сверхдержава, постольку и мир является однополюсным, автор статьи пишет, что несмотря на действительно превосходящую другие государства мощь и влияние, Соединенные Штаты тем не менее не в состоянии разрешить своими силами множество международных проблем. Кроме того, их суммарная мощь со временем постоянно сокращается по сравнению с другими силами и силовыми центрами. При этом Юй Суй цитирует Е.М.Примакова, заявлявшего, что "хотя США сейчас являются единственной сверхдержавой, это вовсе не означает, что мир однополюсный".

Юй Суй отвергает и распространяемое кое-где толкование однополюсного мира как некую разновидность многополярности ("США+Х"). Ссылаясь на соответствующие заявления президента США и положения принятой его администрацией "Стратегии безопасности США в новом веке", в которых открыто декларируется намерение руководить всем миром и установить в нем "американский порядок", Юй Суй делает заключение, что США не заинтересованы в установлении многополюсного мира. Они, по мнению китайского политолога, привлекают партнеров для осуществления своих стратегических целей вовсе не для того, чтобы разделить с ними руководящее положение, а лишь только для обеспечения реализации своих собственных задач. "Попытки США

втянуть в орбиту своих действий Китай и Россию, пишет Юй Суй, также свидетельствуют об их стремлении создать однополюсный мир".

Тенденция многополярности необратима, подчеркивает китайский политолог, поскольку это - "объективное явление, не зависящее от воли людей", и неизбежный результат развития международной обстановки. Суть тенденции многополярности он формулирует словами Цзян Цзэминя: эту суть "составляет подъем развивающихся стран, т.к. многополярность в большей мере отражает их нужды и интересы. (КНР в статье относится к развивающимся странам). Вместе с тем многополярность благоприятствует миру и развитию, противостоит гегемонизму, усилению роли ООН.

Однако автор отмечает и известную двойственность многополярности, ее потенциальную способность играть и негативную роль, поскольку некоторые страны под влиянием идеологии с позиции силы разрабатывают ядерное оружие, чтобы вступить в ряды великих держав, стать ядерным "полюсом" в многополюсном мире.

"Приемлемым" определением явления многополярности автор считает следующую формулу: "одна сверхдержава и много сильных государств", где понятие "много" означает возможность появления новых сил и центров влияния прежде всего в результате укрепления развивающихся стран.

В заключительном разделе своей статьи Юй Суй вновь возвращается к теме о приоритетном значении многополярности в плане противодействия американскому гегемонизму. Китай, Россия, Франция и другие государства, пишет он, в противовес США, ратующих за однополярность, отстаивают многополярность как средство сдерживания американского гегемонизма. При этом и США, устанавливая стратегическое партнерство с другими странами, фактически признают тенденцию многополярности. "США, пишет Юй Суй, являются важным членом многополюсного мира", но ведут себя как гегемон. Поэтому вопрос состоит в сдерживании гегемонистских устремлений США, срыва их попыток воспрепятствовать развитию многополярности.

Глобализация в понимании зарубежных ученых

© 2000

В. Михеев

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать, как понимают глобализацию по ту сторону российской научной границы. При этом отношение к глобализации – положительное, негативное, осторожное – зависит от уровня социально-экономического и политического развития стран. Однако зависимость эта не столь однозначная. В развитых странах, в наибольшей степени, как принято считать, извлекающих выгоду из глобализации, существуют, если так позволительно сказать, «глобал-скептики». Тогда как в отсталых странах, в которых наиболее распространено настороженное и даже враждебное отношение к глобализации, есть люди, видящие именно в этом процессе шанс на преодоление экономической отсталости и социальное выравнивание.

Ниже мы рассмотрим подходы к глобализации, преобладающие в развитых рыночных демократиях, в азиатских новых индустриальных и демократизирующихся странах (НИДС), в развивающихся государствах, в Китае и в России. Автор не ставит перед собой задачу всесторонне осветить существующие в мире подходы к проблеме глобализации – что вряд ли возможно по причине обилия материала. Цель в другом – дать читателю представление о том, в каких направлениях ведется мировым интеллектуальным сообществом разработка этой современной проблематики. Авторская трактовка понятия «глобальность» изложена в книге «Хомо-Интернэшнл.»*

Развитые рыночные демократии (США, Евросоюз, Япония)

Наибольшие дискуссии среди представителей развитых государств, в основном США и Великобритании, развернулись вокруг *определения* глобализации. Здесь можно выделить несколько фундаментальных базовых подходов:

культурологический, рассматривающий глобализацию в широком цивилизационном аспекте;

экономический, трактующий глобализацию в контексте развития мировых рынков товаров, услуг, капитала и труда;

Михеев Василий Васильевич, доктор исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН.

* Хомо-Интернэшнл. Теория общественного развития и международной безопасности в свете потребностей и интересов личности. М., 1999. ISBN 5-8381-0004-4

экологический, связывающий глобализацию с ухудшением экологической ситуации на нашей планете;

комплексный, рассматривающий глобализацию как в экономическом, так и в политическом, информационном, экологическом контексте, а также в контексте борьбы с международной преступностью и мировой бедностью.

Данные подходы к понятию «глобализация» отражают разные ракурсы видения этой проблемы, характерные для исследователей – специалистов в разных областях науки об обществе – экономике, политологии, философии, истории и т.д. По образному выражению Ф. Джеймсона (США), понятие глобализации сродни «описанию слона, сделанному несколькими слепцами разными способами».¹

Сторонники *культурологического* подхода к глобализации рассматривают этот феномен как лежащий вне сферы известных академических дисциплин, носящий междисциплинарный характер и находящийся на пересечении интересов экономики, права, международных отношений, политологии, культурологии, информатики и т.д. Они полагают, что не существует и не может существовать всеобъемлющего понятия глобализации. И что невозможно дать такое определение до того, как явление глобализации будет изучено всесторонне.²

Один из первых теоретиков концепции глобализации Р. Робертсон определил развитие глобализации как «двуединный процесс превращения всеобщего в особенное и превращения особенного во всеобщее».³ Упомянутый уже нами Ф. Джеймсон предлагает трактовать глобализацию как противоречивый процесс, как «не превращающуюся во всеобщее всеобщность» («untotalizable totality»), которая интенсифицирует бинарные отношения между своими частями – в основном нациями, но также регионами и группами, которые, однако, продолжают самоопределяться на основе модели «национальной идентичности» (а не в понятиях социальных классов, например).⁴

Рассматривая глобализацию в философском контексте, Джеймсон выделяет четыре логически мыслимые позиции по данной проблеме. Первая сводится к утверждению, что такого явления как глобализация в природе вовсе не существует, поскольку мир остается разделенным на национальные государства: «ничто не ново под солнцем». Вторая также исходит из того, что глобализация не является новым явлением, но по другой причине: глобализация существовала всегда, как только люди стали мигрировать по планете и торговать друг с другом. Третий подход к глобализации связывает этот процесс с созданием мирового рынка – конечной цели капитализма. Четвертый подход, к которому склонен сам Джеймсон, трактует глобализацию как новую, или третью (после частного и монополистического капитализма), стадию развития капитализма — стадию «многонационального капитализма».⁵

Продолжая свои рассуждения, Ф. Джеймсон ставит вопросы о взаимоотношениях между ведущими и ведомыми нациями в контексте глобализации и о том, ведет ли глобализация к транснациональному доминированию нацидлера или, напротив, освобождает локальную культуру от национально-государственной ограниченности. При этом автор отмечает весьма очевидный факт, что глобализация по сути означает американизацию и стандартизацию сфер производства и потребления, что рассматривается им в качестве антитезиса национально-хозяйственным условиям. Однако именно философский подход к глобализации, основанный на гегелевской диалектической триаде «тезис – антитезис – синтез», по мнению ученого, позволяет правильно понять содержание третьего этапа развития капитализма. Глобализация выступает в форме снятия противоречия между американизацией и стандартизацией произ-

водства и потребления, с одной стороны, и национальными экономическими особенностями - с другой.

Другой американский ученый У.Д. Мигноло, специалист по истории литературы и антропологии, рассматривает проблему глобализации в широком историческом аспекте. Мигноло трактует глобализацию как третий, заключительный этап «глобальной трансформации, начиная с 1945 г.»⁶ Первыми двумя он считает крушение колониальной и социалистической систем. Ученый проводит параллель между современной глобализацией и начавшейся с 1500 г. политикой Европы по «охристианиванию и цивилизовыванию» мира. «Любая концепция «цивилизации» приобретала общемировой характер, как только Европа начала свою экспансию по планете и тем самым подавляла уже существовавшие, самоопределившиеся и весьма развитые социальные организации (такие, как Китай, Исламский мир, мир Инков, Мексика)»,⁷ — пишет Мигноло. В современном мире глобализация развивается, прежде всего, транснациональными корпорациями, которые, подобно средневековым распространителям христианства, изменяют жизнь других народов, приобщая их к достижениям цивилизации. Применяя гегелевскую терминологию, Мигноло называет глобализацию «отрицанием отрицания современной действительности» — менее развитых государств⁸ — что, по мнению автора, и отражает процесс мирового развития.

Многие американские ученые связывают глобализацию с возможностью распространения по миру принципов свободы слова, прав человека и демократии, априори полагая их свидетельствами более высокого уровня развития человечества, чем политическая или коммерческая цензура, авторитаризм и тоталитаризм.

Среди западных ученых существует и более критическое отношение к глобализации как этапу развития человечества. Так, японский исследователь Масао Миэши полагает, что «глобализирующаяся экономика есть развитие, или продолжение колониализма».⁹ Миэши рассматривает историю экономического и культурного развития человечества в последнее столетие через призму смены экономического и политического лидера. На место английских, французских, японских, немецких колониальных империй после второй мировой войны пришел американский капитализм. За время второй мировой войны американский капитализм превратился в мирового лидера, тогда как Германия и Япония потеряли свои колонии как страны проигравшие войну, а Россия оказалась сильно разрушенной боевыми действиями на ее территории. В годы «холодной войны» и деколонизации английских и французских владений США находили источники экономического роста в локальных войнах в Корее, во Вьетнаме через механизм развития военно-промышленного комплекса, дававшего в свою очередь стимулы к развитию гражданской экономике. Однако в 80-е годы американский капитализм вступил в новый этап своего развития, связанный с расширением международной деятельности транснациональных корпораций. С этого момента, по мнению Миэши, для США стало важным не извлекать выгоды из разделения мира на склонные к конфликту национальные государства, а искать пути расчистки поля деятельности для своих ТНК. Последнее и нашло отражение в концепции глобализации.¹⁰

Английский ученый Л. Склэр рассматривает глобализацию в социологическом аспекте. По его мнению, главной отличительной чертой идеи глобализации является то, что «многие современные проблемы не могут быть адекватно изучены на уровне национальных государств, т.е. в терминах *международных* отношений, и требуют *глобальных (транснациональных) подходов*»¹¹. Ученый отмечает, что современные исследователи глобализации фокусируют внимание на двух ключевых аспектах: количественных и качественных изме-

нениях в работе транснациональных корпораций в результате «глобализации капитала и производства» и трансформации технологической базы и, соответственно, широты охвата средств массовой информации. К ним Склэр добавляет собственную теорию «глобальной системы». Основными ее блоками являются «транснациональные корпорации, представляющие собой институциональную форму транснациональной хозяйственной деятельности, класс транснациональных капиталистов в политической сфере и культурно-идеологическая концепция потребления».¹² Рассматривая тенденцию укрепления мировых (глобальных) позиций глобального (транснационального) капитализма, Склэр отмечает, что этот процесс встречает сопротивление со стороны социальных движений на локальных уровнях. Выход из этого противоречия Склэр видит в глобальной демократической институализации локального социального протеста против глобального капитализма – приводящего в конечном счете к прогрессивной трансформации самого глобального капитализма. Склэр пишет: «для того, чтобы быть эффективными, социальные движения против глобального капитализма ... должны подрывать капитализм локально и находить пути глобализации этих локальных подрывов, одновременно используя предоставляемые демократией возможности позитивной трансформации капитализма».¹³

Большинство приверженцев *экономического* подхода к глобализации рассматривают этот процесс в качестве новой стадии развития интернационализации экономической жизни. М. Интрилигейтор, отмечая рыночный характер глобализации, полагает, что «источником глобализации стала конвергенция идей в направлении признания ценности рыночной экономики и свободной торговли».¹⁴ Ученый полагает, что глобализация в перспективе ведет к слову национальных границ и формированию единой всемирной рыночной экономики. Результат глобализации, по Интрилигейтору, «будет состоять в дальнейшем продвижении к более открытому и интегрированному миру, приближающемуся все ближе и ближе к земному шару без границ и к более интегрированной, открытой и взаимозависимой мировой экономике».¹⁵

Ряд ученых связывает глобализацию хозяйственной жизни с ее универсализацией, причем под универсализацией понимается приведение национальных условий хозяйствования в соответствие с нормами передовых стран. Так, немецкий ученый П. Вельфенс выступает за перестройку европейских финансовых рынков на англосаксонский манер – имея в виду акцентирование роли рынков ценных бумаг, а не банков в развитии финансовой системы Евросоюза.¹⁶

М. Шимаи предлагает различать в экономической глобализации интернационализацию, транснационализацию и универсализацию. Под последней он понимает «растущее сходство систем национального экономического регулирования, а также сближение (экономических) политик различных государств на основе ... новой технологии, стандартизации производства и потребления».¹⁷ При этом Шимаи отмечает, что в глобализирующейся экономике не все страны занимают одинаковое место, здесь есть лидеры и аутсайдеры. Ведущую роль играют страны «Семерки», которые по существу контролируют мировые рынки и международные организации – МВФ, Всемирный Банк, ВТО, и по существу выступают в роли тех, кто диктует мировые цены («price-makers»). Тогда малые и средние государства, число которых в последние десятилетия возросло в результате распада колониальных империй и крушения многонациональных государств (СССР, Югославия, Чехословакия), выступают в глобальной экономике в роли «price-takers», т.е. тех, кто вынужден приспособиваться к мировым ценам. В широком понимании Шимаи трактует экономическую глобализацию как совокупность таких процессов как «трансграничные потоки товаров, услуг, капитала, технологии, информации и международное передвижение людей, господство мирового рынка в определении направлений

торговли, инвестиций и другой деятельности частных фирм, территориальная и институциональная интеграция рынков, возникновение таких глобальных проблем как деградация окружающей среды и рост народонаселения, которые требуют глобального сотрудничества». ¹⁸ По мнению ученого, «на острие процесса глобализации находятся такие международные потоки денежного капитала и информации, в отношении которых национальное законодательство имеет небольшую силу». ¹⁹

Ч. Моррисон рассматривает экономическую глобализацию в двух измерениях – на микро- и на макроэкономических уровнях: Рассматривая глобализацию с микроэкономического уровня, Моррисон определяет ее как «особую стратегию компаний, направленную на преодоление ограничений, связанных с существованием национальных политических границ, посредством переноса производства в другие страны и расширения рынков сбыта». На макроуровне ученый характеризует глобализацию как «единство сил, интегрирующих национальные экономики в мировое сообщество». К таковым силам Моррисон относит «потоки спекулятивного капитала, прямые иностранные инвестиции, передачу технологий, рост торговли товарами и услугами, движение капитала и легальной и нелегальной рабочей силы, туризм и даже распространение в мире идей, норм поведения и жизненных ценностей». ²⁰

Участники проекта «Планета Земля 21», организованного по инициативе влиятельной японской газеты «Асахи Симбун», рассматривают глобализацию как стратегию фирмы, разрабатываемую с учетом как возможностей международной экономической интеграции, так и внутренних хозяйственных условий зарубежной страны, в которой данная фирма вкладывает капитал и имеет деловые интересы. Последнее понятие определяется как «локализация» и означает, что фирма-инвестор должна строить свою политику в отношении собственных зарубежных филиалов таким образом, чтобы данные филиалы стали глубоко интегрированной в местную экономику частью «локального сообщества». При этом размер фирмы не имеет значение – главное, чтобы деятельность фирмы распространялась за рубеж. Исходя из такого подхода, участники проекта вводят новое понятие экономической «глокализации» (*glocalization*), которое определяется как «стратегия развития бизнеса, интегрирующая глобализацию и локализацию». ²¹

Рассматривая факторы развития экономической глобализации, западные ученые особо выделяют роль научно-технического прогресса. Так, например, Л. Кляйн выделяет следующие «технические основы глобализации»: «компьютерную технику, средства и инфраструктуру коммуникаций, распространение знания посредством интеллектуального обмена». Достижения в этих областях, по мнению американского ученого, создали «решающие условия для организации эффективного управления производством и обменом в планетарных масштабах». ²²

Т. Фридман полагает, что глобализация заставляет правительства, частные компании и людей во всех странах мира вести себя в соответствии с принципами свободного рынка или погибнуть в изоляции. Основную роль в развитии глобализации Фридман отводит финансовым центрам, которые направляют международный капитал по различным направлениям через электронные сети, что и «заставляет всех актеров (мирового рынка – В.М.) вести себя одинаково». «Дарвинистская борьба за лидерство в процессе глобализации, – пишет Т. Фридман, – создает в мире жесткую иерархическую структуру, в основу которой положен принцип кто проводит лучшую политику в контексте глобализации». ²³ Несколько утрируя взаимосвязь между глобализацией и международной безопасностью и процветанием, Фридман предлагает собственную теорию разрешения международных конфликтов через призму проис-

ходящего расширения по миру сети ресторанов быстрого питания МакДональдс и Пицца-Хат. По его мнению, страны, в которых наличествует представительный средний класс, пользующийся услугами МакДональдс и Пицца-Хат, будут стараться избегать вооруженных конфликтов с тем, чтобы сохранить устоявшийся стиль жизни. Приводя примеры в подтверждение своей идеи, Фридман ссылается на продолжающиеся военные провокации со стороны Северной Кореи, остающейся вне действия процессов глобализации, в отношении Южной Кореи, а с другой стороны, на мирные, хотя и напряженные отношения между Китаем, в котором насчитывается 225 МакДональдсов, и Тайванем с его 303 ресторанами МакДональдс.²⁴

В западных исследованиях существует и более скептическое или более сдержанное отношение к глобализации. Так, Д. Пизано ставит под сомнение тезис о том, что интернационализация хозяйственной жизни охватила сегодня почти весь мир. Ученый предупреждает об опасности преувеличения значения глобализации, ставя вопрос: «Действительно ли этот процесс (интернационализация хозяйственной деятельности – В.М.) является глобальным?» И сам же отвечает на него: «Мой ответ – пока нет. По крайней мере половина развивающихся стран не ощутила роста торговли и инвестиций, ассоциируемых с глобализацией».²⁵

Британские экономисты П. Хирст и Г. Томпсон вообще ставят под сомнение правомерность постановки вопроса о глобализации как уникальном явлении наших дней. Их аргументация сводится к следующим трем постулатам. Во-первых, капитализм всегда был интернациональным. Глобализация же мировой экономики, по их мнению, означает создание идеальной модели всемирного хозяйства на основе деятельности транснациональных корпораций, теряющих свою страновую принадлежность. Однако сегодня, весьма справедливо отмечают английские ученые, мир еще очень далек от такого идеала. «Лишь несколько транснациональных корпораций, — пишут они, — могут считаться многонациональными, или наднациональными». Во-вторых, — международная торговля сегодня носит больше региональный, а не всеобщий характер. В качестве аргумента Хирст и Томпсон ссылаются на то обстоятельство, что 80% мировой торговли носит внутри ОЭСР-овский характер, т.е. осуществляется между странами-членами ОЭСР (ОECD) США, Евросоюзом и Японией. В-третьих, — международная торговля составляет пока лишь около 20% ВВП мировых экономических лидеров – США, Японии, ЕС.²⁶

Большое внимание западные исследователи уделяют вопросам *адаптации* различных стран к экономической глобализации. При этом выделяются два аспекта адаптации: во-первых, открытие общества для воздействия процессов глобализации и, во-вторых, приспособление к существующей экономической жизни тех внутренних изменений, которые происходят вследствие открытия общества процессам глобализации.²⁷ В первом случае имеется в виду либерализация национальной экономической жизни и придание ей большей открытости, тогда как во втором – преодоление негативных последствий глобализации.

Среди негативных последствий, или издержек, глобализации выделяются следующие:

увеличение разрыва в уровнях экономического и социального развития между бедными и богатыми странами;

негативные последствия экономической глобализации для окружающей среды;

осложнение проблемы занятости в развитых странах в связи с переносом транснациональными корпорациями своих производств в развивающиеся государства;

социальные проблемы, связанные с притоком рабочей силы из развивающихся стран в развитые;

ослабление экономических функций национальных государств и сокращение национальной автономии в макросфере под давлением процессов транснационализации производства и сбыта продукции;

усиление уязвимости национальных экономик вследствие повышения степени их открытости и роста их взаимозависимости. Это обстоятельство стало особенно выделяться зарубежными исследователями после азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг., затронувшего и другие финансовые рынки в Америке и Европе. В этой связи Ч. Моррисон пишет: «Глобализация, принявшая опасную форму во время азиатского финансового кризиса, создала угрозы управлению экономикой на национальном и глобальном уровнях, которые раньше не учитывались идеологами глобализации. Мир столкнулся с новым вопросом: а не развивается ли глобализация слишком быстрыми темпами, не оставляющими время многим национальным экономикам на адекватное приспособление к вызовам глобализации».²⁸

возрастающая неопределенность спроса – по мере того, как все большая доля в совокупном внутреннем спросе приходится на быстро и непредсказуемо (с точки зрения внутреннего производителя) изменяющийся спрос со стороны внешних потребителей и внешних рынков;

возрастающая конкуренция между экономическими лидерами по поводу размещения производства на относительно свободных сегментах мирового рынка, втягивающего в себя менее развитые страны;

усиливающееся расслоение внутри государств между теми сегментами национальной экономики, которые успели приспособиться к глобализации, и теми, которые не смогли;

неготовность стран приспособиться к политическим и идеологическим аспектам экономической глобализации, таким, как новые требования к образованию, необходимость большого политического и идеологического плюрализма, усиление позиций гражданского общества²⁹ и т.д.

Западные ученые по-разному подходят к проблемам адаптации к «издержкам» глобализации. В Европе акцент делается на поиск путей борьбы с безработицей и углубление западноевропейской экономической и финансовой интеграции – как ответа на вызовы глобализации мировой экономики. Упомянутый нами выше Шимаи полагает, что «вместо железного занавеса, разделявшего в прошлом Восток и Запад, теперь между Севером и Югом опустится золотой занавес ... промышленные страны должны будут защищать собственные рынки труда ... вопрос гармонизации усилий по увеличению сравнительных преимуществ с социальными целями стал ключевой дилеммой для всех промышленно развитых стран».³⁰

Японские ученые связывают с глобализацией японской экономики надежды на преодоление продолжительного экономического застоя конца 90-х годов. Такенака Хейдзо и Шида Рекичи отмечают, что в Японии существует двойной подход к глобализации. С одной стороны, в Японии понимают, что глобализацию нельзя игнорировать, поскольку нельзя отказаться от сотрудничества с мировыми рынками. А с другой – «панически опасаются той цены, которую придется заплатить за глобализацию».³¹ Ученые связывают это с двойной структурой японской экономики, одна, индустриальная, часть которой открыта для внешнего мира, а другая (сельское хозяйство, финансовая сфера, социальная система) остается закрытой. С этой двойственностью японской экономики связано торможение реформ и, в конечном счете, длительная стагнация. Хейдзо и Рекичи полагают, что эффективная адаптации Японии к глобализации связана с серьезными структурными перестройками, которые сде-

лают японскую экономику более открытой и, в конечном счете, более динамичной. «Глобализация экономики, — пишут они, — не самоцель. Глобализацию надо воспринимать в контексте того, как она помогает стабилизировать экономику и повысить жизненный уровень... До сих пор глобализация означала для японской экономики расширение экспорта, импорта и японских инвестиций за рубежом. Глобализация будущего будет означать увеличение присутствия в японской экономике фирм других стран».³² Именно с этим обстоятельством авторы связывают надежды на эффективные структурные сдвиги в японской экономике и финансах.

В США основное внимание обращают на следующие проблемы:

— как добиться либерализации рынков других стран и при этом сохранить защищенными собственные рынки. Известные скандалы конца 90-х годов по поводу ограничений импорта стали из России, Японии, Южной Кореи, или «банановая» война с Евросоюзом, вызваны неспособностью США найти оптимальный вариант адаптации к глобализации. В результате вместо перегруппировки производительных сил на глобальном уровне и корректировки сложившегося мирового разделения труда США защищают интересы своих производителей локальными и при том жесткими запретительными методами;

— как сохранить лидерство в научно-технической сфере. В этих целях США используют концепции глобализации для «привлечения мозгов» из всех других стран мира. Английский язык стал по существу монопольным языком научного общения, что позволяет американской науке отслеживать и в определенной степени направлять развитие научной мысли в других странах;

— как избежать безработицы и падения жизненного уровня менее квалифицированных американских рабочих. Многие американские ученые считают растущую конкуренцию со стороны иммигрантов на американском рынке труда главным негативным последствием экономической глобализации. Вместе с тем не все согласны с такой позицией. Так, С. Коллинс отмечает, что «эмпирические исследования показали, что фактор внешней торговли и иммиграции обусловил лишь четверть от величины падения реальных заработков менее квалифицированной рабочей силы (Америки в 90-е годы — В.М.), тогда как остальные три четверти приходится на два других фактора — технологические изменения в производстве и развитие внутреннего рынка. Более того, в отраслях промышленности с большой долей присутствия импортных товаров и капитала не наблюдалось более высокой степени сокращения рабочих мест или большего падения заработков».³³

Исходя из логики развития исследований проблем глобализации в развитых странах, можно предположить, что в ближайшие годы возрастет внимание ученых к практической стороне исследований проблем адаптации национальных экономик к экономической глобализации. Одной из причин этого может оказаться рост спроса на подобные исследования и вытекающие из них рекомендации со стороны национальных правительств.

Сторонники **экологического** понимания глобализации рассматривают это явление в контексте негативных последствий экономического развития для окружающей среды и выработки средств ее защиты.

Так, испанский профессор Дж. Мартинес-Альер, рассматривая взаимоотношения между экономическим ростом и состоянием окружающей среды, вводит понятие «экологического распределения»³⁴ и «политической экологии».³⁵ Термин «экологическое распределение» отражает неравномерность использования человечеством природных ресурсов. А «политическая экология» рассматривает экологические конфликты, вызванные таким неравномерным использованием природных ресурсов.³⁶ Например, неравномерное распределение ограниченных земельных ресурсов между равниной и горными склонами

при форсированном развитии экспорта сельхозпродукции может вызвать деградацию земельных угодий в результате агрессивной обработки земли на горных склонах крестьянами, ориентированными на максимальный результат и не удовлетворенными теми возможностями, которые дают лишь равнинные земли.³⁷ Однако, считает испанский ученый, проблема восстановления «экологической справедливости» состоит в том, что в эпоху глобализации большинство проблем защиты окружающей среды приобретают глобальный характер, тогда как деятельность экологических движений носит локальный характер. Рассматривая отдельные экологические конфликты,³⁸ испанский профессор считает необходимым поднятие экологических движений до глобального уровня, т.е. до уровня работы транснациональных корпораций.

Наиболее рельефно позиция сторонников *комплексного* подхода отражена в работах американского ученого Р. Кадрля. Кадрль рассматривает глобализацию в трех вариантах: как (1) рыночную глобализацию, (2) непосредственную глобализацию и (3) коммуникационную глобализацию.³⁹

Под коммуникационной глобализацией автор понимает распространение в мире новых современных средств связи, которые оказали революционное воздействие на все стороны жизни человечества. Кадрль полагает, что именно коммуникационная глобализация, ускорившая и упростившая процессы общения людей, ускорила рыночную и прямую глобализацию. Именно коммуникационная глобализация отличает современную «эру глобализации»⁴⁰ от предыдущих этапов развития человечества, на которых также происходило постепенное усиление взаимозависимости между народами и странами. Кадрль выделяет экономический, культурный и демонстрационный эффекты коммуникационной глобализации. Под последним понимается предоставление людям возможности посредством современных средств связи сравнивать свои условия жизни с жизнью других людей. «Коммуникационная глобализация, - считает Кадрль, - увеличит спрос на демократию и тем самым, посредством не знающих границ средств телекоммуникаций, создаст угрозу некоторым государствам, например Китаю».⁴¹

Под рыночной глобализацией Кадрль понимает возросшую под воздействием коммуникационной глобализации степень мобильности перемещаемых по миру товаров и услуг, капитала и рабочей силы. Понятие прямой глобализации используется для того, чтобы охарактеризовать нерыночные последствия коммуникационной и рыночной глобализации, которые оказывают трансграничное воздействие на людей в разных странах мира. К ним американский ученый относит проблемы защиты окружающей среды, гарантии прав человека, включая их частный вариант - право на труд.

Главным тезисом Кадрля является утверждение, что развитие глобализации в трех ее вариантах, или измерениях, «требует более жесткого управления как на национальном, так и на международном уровне».⁴² Свое восприятие глобализации в трех ее видах Кадрль суммирует в приводимой ниже таблицы «Ключевых элементов трех глобализаций».⁴³

На основе своих рассуждений Кадрль приходит к выводу о том, что глобализация, ставя многие проблемы на глобальный уровень, объективно ведет к размыванию национального суверенитета в его традиционном понимании «и, следовательно, создает угрозы самим основам современной государственной системы».⁴⁴ В этом как раз и заложено главное противоречие современной «эпохи глобализации».

Обобщая западные подходы к изучению явления глобализации, можно заключить, что для них характерно глубокое и всестороннее как теоретическое (с философской, политической, социальной, экологической точек зрения),

так и практическое – в плане практических последствий для экономики и политики стран мира – исследование темы.

	Коммуникационная глобализация	Рыночная глобализация	Прямая глобализация (явные проявления)	Прямая глобализация (психологические проявления)
Движущие силы	Коммуникационные технологии	Коммуникационные и транспортные технологии	Вещественное производство и улучшенные коммуникации	Улучшенные коммуникации
Главные эффекты	Повышение благосостояния, взаимовлияние культур, сравнение внешнего мира с существующей национальной жизнью	Повышение благосостояния, падение эффективности отдельных традиционных методов управления экономикой	Ухудшение окружающей среды	Трансграничное распространение ценностных ориентиров.
Вызовы проводимой политике	Сохранение национальной самобытности	Введение справедливых всемирных налогов и обеспечение равного распределения национального дохода после уплаты глобальных налогов	Определение международной ответственности и проведение эффективной политики в вопросах защиты окружающей среды	Контроль над международными конфликтами
Уровень (национальный или международный) решения проблем	Национальный	Национальный при ограниченной международной кооперации	Международный	Международный

Новые индустриальные и демократизирующиеся страны Азии.

В азиатских НИДС исследователи глобализации больший акцент делают на тех возможностях, которые глобализация открывает перед НИДС, и тех вызовах, которые она создает для национальной стабильности и национального процветания. Ключевой темой прикладных по своему содержанию исследований выступает тема адаптации национальных экономик и национальных обществ к глобализации. В теоретическом плане ученые НИДС главным образом ссылаются на уже существующие в американской литературе определения глобализации.

Южнокорейские ученые Чва Сен Хи и Ким Ин Гю, отмечая отсутствие в западной литературе сложившейся теории глобализации с четкими определениями, трактуют глобализацию как «расширение экономической активности за пределы национальных и региональных политических границ посредством перемещения капиталов, товаров и услуг, рабочей силы, технологии и информации». ⁴⁵ Вслед за уже упоминавшимися американскими учеными их корейские коллеги связывают развитие глобализации с распространением информационных технологий. Переходя к исследованию проблем влияния экономичес-

кой глобализации на южнокорейскую экономику, Чва Сен Хи и Ким Ин Гю исходят из той посылки, что «глобализирование южнокорейской экономики необходимо для обеспечения стабильного и здорового экономического роста» и что «экономическая политика Сеула и средства ее реализации должны непременно отвечать международным правилам и рыночным законам». ⁴⁶ Проблемы адаптации корейской экономики к требованиям глобализации исследуются учеными по следующим направлениям:

роль внешнего фактора в обеспечении устойчивого многолетнего роста южнокорейской экономики. Профессора Чва и Ким отмечают, что главным фактором экономического успеха стала направляемая государством экспортно-ориентированная модель хозяйственного развития. Из этого тезиса делается вывод о перманентной глобализации южнокорейской экономики на протяжении всего ее развития и о необходимости ее «дальнейшей глобализации». ⁴⁷

Макроэкономические рычаги регулирования, такие как либерализация условий привлечения иностранного капитала, монетарная и фискальная политика, политика в отношении установления валютного курса. По мнению ученых, макроэкономическая политика отдавала приоритет задачам ускоренного роста, но не экономической стабилизации, причем ускоренного роста через форсирование экспортных производств. Экспортная стратегия развития заставляла Южную Корею приводить свою монетарную, фискальную и валютную политику в соответствие с основными тенденциями глобализации мировой экономики.

Проблема взаимоотношений бизнеса и политики. Чва и Ким полагают, что пагубное воздействие на экономику традиционных патерналистских и лоббистских взаимоотношений между политической властью, в руках которой находятся рычаги экономического регулирования, и крупным бизнесом амортизируется такими приемами, как предоставление независимости центральному банку, осуществление долгосрочного стратегического планирования и принятие политических решений на основе прозрачных законов и правил. Т.е. теми приемами, которые одновременно и являются требованиями экономической глобализации, и позволяют адаптироваться к ней.

Микроэкономическая политика. Южнокорейские исследователи, отмечая традиционный «интервенционистский» ⁴⁸ характер индустриальной политики Сеула, нацеленной на содействие развитию национальной индустрии и ее защиты от жесткой конкуренции со стороны более крупных корпораций из развитых стран, полагают, что такая политика больше не отвечает требованиям глобализации. Чва и Ким выступают в пользу дерегулирования корейской экономики, ее реструктуризации и приспособления к требованиям современного мирового рынка.

Трудовые отношения. Ученые считают, что изменение в конце 90-х годов трудового законодательства, ломающего традиционную системы пожизненного найма и тем самым придающего трудовым ресурсам большую мобильность, также стало одним из шагов Южной Кореи по приспособлению к веяниям экономической глобализации.

В качестве иллюстрации Чва и Ким приводят таблицу, свидетельствующую о либерализации южнокорейских финансов под воздействием экономической глобализации. ⁴⁹

Южнокорейские ученые, как и их коллеги из менее развитых стран, большее внимание, чем западные ученые, уделяют проблеме взаимосвязи глобализации и регионализма. Чва и Ким считают, что регионализм, наряду с глобализацией, являются «двумя движущими силами мировой экономики». При этом «происходит усиление регионализма в ответ на доминирование США в процессах экономической глобализации на современном этапе ее развития». ⁵⁰

Тип инвестиций	До 1995 г.	Изменения в 1995 г.	1996-1997 гг.	1998-1999 гг.
Прямые инвестиции за рубежом	Требуют разрешения	Частично либерализованы	Либерализованы	
Портфельные инвестиции не резидентов	Предел 12% на проект	Предел 15%	Предел 20%	Либерализованы
Зарубежные портфельные инвестиции южнокорейских компаний	Существуют ограничения	Ограничения ослаблены	Либерализованы	
Депозиты за рубежом: — Южнокорейские компании — институциональные инвесторы — частные граждане	Ограничения Ограничения Запрет	Частично либерализованы Частично либерализованы Очень жесткие ограничения	Либерализованы	Либерализованы Либерализованы Либерализованы
Выпуск облигаций не резидентами на внутреннем рынке	Запрет	Частично либерализован	Либерализован выпуск облигаций, деноминированных в корейских вонах	Либерализован
Выпуск облигаций корейскими резидентами за рубежом	Частично разрешен	Ограничения ослаблены	Частично либерализован	Либерализован
Коммерческие займы	Запрет	Ограничения для малых и средних компаний и для иностранных инвесторов	Либерализованы для малого и среднего бизнеса, частично либерализованы для иностранцев	либерализованы

Таиландский ученый Чантана Банпасиричоте не считает глобализацию чем-то новым для Таиланда: «с середины 19-го века Таиланд вынужден адаптироваться к международной капиталистической экономике».⁵¹ Отмечая, что исследование глобализации в Таиланде «носит больше утилитарный, чем концептуальный характер»,⁵² Банпасиричоте определяет глобализацию как «катализируемую информационной технологией либерализацию экономик, придание ей большей открытости и развитие региональной интеграции».⁵³ Ученый полагает, что для Таиланда первоочередное практическое значение – в контексте проблем экономической глобализации – имеет деятельность таких международных организаций, как ГАТТ/ВТО, АТЭС⁵⁴ и АФТА.⁵⁵ Так, влияние Уругвайского раунда переговоров в рамках ГАТТ на Таиландскую экономику видится тайскому ученому в следующем виде, представленном в приводимой ниже таблице.⁵⁶

Банпасиричоте полагает, что Таиланд еще только подходит к серьезному обсуждению проблем глобализации. Особое внимание в грядущих дискуссиях предполагается уделить «конкретной практической политике государства по адаптации к глобализации».⁵⁷

Параметры	Изменения
Экономический рост	+0.22%
Инфляция	+0.29%
Экспорт	+ 2.34%
Импорт	+1.01
Распределение доходов	<ul style="list-style-type: none"> • увеличение на 1-2% доходов наиболее бедной части общества, особенно в сельской области • небольшое увеличение доходов среднего класса в городах • уменьшение на 1.4% доходов наиболее богатой части общества
Сельскохозяйственное производство	Увеличение объема производства и улучшение условий торговли по таким товарам, как сахар, рис, кукуруза, каучук, джут, кокосовый орех, просо. Усиление конкуренции со стороны импортеров на тайландском рынке хлопка, кофе, табака, пальмового масла, некоторых видов фруктов и овощей; снижение доходов от торговли этими товарами.
Промышленное производство	Открытие тайского рынка для импорта сырья, снижение защиты национального рынка от конкуренции извне. Развитие производства при помощи таких рычагов как налоги и тарифы становится более затруднительным. Другие последствия глобализации включают: 1) более сильное влияние глобализации на производителей запасных частей и двигателей для автомобилей и менее заметное на производителей металла и интерьера для автомобилей; 2) отказ от импортных квот дает дополнительные стимулы для развития текстильной промышленности.

Тайландские критики глобализации указывают на то, что процветание нации, как следствие более активного втягивания страны в мировой рынок, не всегда «означает, - как считает Рангсан Танапорнпун, - улучшение жизненных стандартов для среднего гражданина».⁵⁸ Санех Чамарик указывает на то, что в наибольшем проигрыше от глобализации оказываются сельские жители. Он также считает, что вызванная глобализацией зависимость от внешнего рынка «подрывает собственные основы развития экономики» и предлагает тайландским властям проводить особую экономическую политику, которая бы ограничивала зависимость тайской экономики от «внешних сил и международного разделения труда».⁵⁹ Представители тайских неправительственных организаций видят в глобализации угрозу распространения в тайском обществе «индустриалистских и потребительских ценностей», которые ведут к подрыву тайской самобытности, усилению контроля транснациональных корпораций за национальными ресурсами, новым видам протекционизма, связанным с начатой западом кампанией по защите авторских прав и т.д.⁶⁰

Индонезийские ученые отмечают, что «в Индонезии проблема глобализации носит больше риторический характер». «Это больше вопрос веры, - пишут С. Ринакит и Х. Соесастро, - те, кто верит в глобализацию, считают, что она открывает новые возможности и сулит большие преимущества. Те, кто не верит, отмечают теневые стороны глобализации».⁶¹ Ученые отмечают большой разброс мнений, который существует в Индонезии по поводу глобализации между этими двумя крайними позициями. Несмотря на этот разброс, и сторонники, и критики глобализации «едины в том, что этот процесс неизбежен и

в том, что страны не могут отгородиться от него». ⁶² Ученые выступают активными сторонниками вынашиваемой в индонезийских верхах идеи о создании специальной правительственной команды по проблемам глобализации, "Team Globalisasi", в состав которой входили бы эксперты из различных областей науки и практики и задачей которой было бы «управлять глобализацией с тем, чтобы обеспечить ее соответствие национальным интересам и с тем, чтобы содействовать соразвитию индонезийской и мировой экономики». ⁶³

Филиппинский ученый М.С. Гочоко-Баутиста, разделяя утилитарный подход к глобализации, полагает, что для Филиппин – в контексте глобализации – первоочередное значение имеют: (1) разработка стратегии экономического роста, которая бы соответствовала таким требованиям глобализации, как либерализация, дерегулирование, приватизация, (2) отслеживание того, как и в какой степени глобализация влияет на различные стороны экономической и политической жизни Филиппин и на различные слои и регионы страны, (3) изменение роли государства в управлении экономикой страны с тем, чтобы дать больше свободы частному сектору, (4) формулирование политики регионального поведения Филиппин, имея в виду региональное экономическое сотрудничество и планы индивидуальной либерализации филиппинского рынка в рамках договоренностей между странами АСЕАН и странами-членами АТЭС. ⁶⁴

Новый импульс дискуссиям по проблемам глобализации в НИДС был дан азиатским финансовым кризисом, охватившим в 1997-1998 гг. Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины, Южную Корею. Попавшие в бедственное положение страны сразу же столкнулись с двумя вопросами: кто виновен в финансовом кризисе и как его преодолеть. Все они были едины в том, что кризис стал следствием глобализации мировых финансов, происходящей в спонтанной неконтролируемой форме. Однако дальше мнения разошлись. В Южной Корее, Индонезии, Таиланде, на Филиппинах было признано, что не глобализация мировых финансовых рынков сама по себе несет ответственность за обвал национальных фондовых и валютных рынков, а слабые национальные банковские и финансовые системы. Практическим результатом-следствием такого понимания ситуации стало активное сотрудничество этих четырех стран с МВФ в вопросах преодоления кризиса методами, находящимися в русле механизмов глобализации – открытие рынка, обеспечение прозрачности работы национальных финансовых институтов, реструктуризация экономики и т.п.

В Малайзии, напротив, ответственность за кризис была возложена на международных финансовых спекулянтов, использовавших финансовую глобализацию в своих корыстных интересах за счет национальных интересов азиатских НИСД. Методы выхода из кризиса в Малайзии были противоположными тем, что использовались другими НИСД, — отказ от сотрудничества с МВФ, закрытие на время финансового и валютного рынка, негативное отношение к глобализации. Вместе с тем и в Малайзии понимают, что длительная изоляция не может быть альтернативой глобализации. В качестве такой здесь видят установление международного контроля над свободными потоками «горячих» капиталов.

В целом можно сказать, что азиатский финансовый кризис заставил ученых и политиков в азиатских НИДС более активно приступить к исследованию экономической глобализации и ее последствий, придав интеллектуальным поискам новую направленность – нахождение варианта контроля над глобализацией с тем, чтобы защитить слабые пока национальные финансовые системы от ее негативных последствий.

(Продолжение следует)

1. The Cultures of Globalization. Duke University. USA. 1998. P11.
2. Ibid.
3. «The twofold process of the particularization of the universal and the universalization of the particular». Roland Robertson. Globalization: Social Theory and Global Culture. London. 1992. P. 177-178.
4. The Cultures of Globalization. P12.
5. Fredric Jameson. Notes on Globalization as a Philosophical Issue. //: The Cultures of Civilization//. - USA. 1998. P.54.
6. Walter D. Mingolo. Globalization, Civilization processes, and the Relocation of Languages and Cultures. //: The Cultures of Civilization//. USA. 1998. P.32.
7. Ibid.. P.33.
8. Ibid., p.37.
9. Masao Miyoshi. "Globalization", Culture and the University. USA. 1998. P.247
10. Ibid., 254-257.
11. Leslie Sklair. Social Movements and Global Capitalism. USA. P.296.
12. Ibid. P.296-297.
13. Ibid. PP.306-307.
14. Michael Intriligator. Globalization as a Source of International Conflict and Growing Competition. USA. 1997. P.3.
15. Ibid., P.4.
16. Paul Welfens. Globalization of the Economy and Challenges for National Economic Policy. USA. 1998. P.16.
17. Mihali Simai. Globalization: a Source of Intense Competition, Conflicts and Opportunities at the End of the 20th Century, USA, 1998. P.2.
18. Ibid.
19. Ibid.
20. Domestic Adjustments to Globalization. Japan. 1998. PP.11-12.
21. Priorities for the Coming Century. Asahi Shimbun Earth Project 21. Chapter Five "The 'Glocalization' of Business, Japan. 1999. P.1.
22. Lawrence Klein. Globalization: a Challenge to national Economies. USA. 1998. P.1.
23. Thomas Friedman. The Lexus and the Olive Tree. London. UK. 1999. P.32.
24. Ibid. P.68.
25. Diego Pizano. Globalization: a Latin American Perspective. USA. 1998. P.1.
26. Paul Hirst and Grahame Thompson. The Problem of 'Globalization': International Economic Relations, National Economic Management and the Formation of Trading Blocks//. "Economy and Society 21//, No 4 (November 1992). PP. 357-395.
27. См., например, Domestic Adjustments to Globalization. P.12.
28. Ibid.. P.23.
29. Ibid., P. 16-17.
30. M. Simai. P.16, 18.
31. Domestic Adjustments to Globalization. P.78.
32. Ibid.. P. 98.
33. Ibid.,P.154.
34. "Ecological distribution".
35. "Political ecology".
36. См. Joan Martinez-Alier. "Environmental Justice" (Local and Global). USA. 1998. P. 312-313.
37. Ibid.. P.313.
38. Ibid. PP. 321-323.
39. См. Robert T. Kudrle. Three Types of Globalization: Communication, Market and Direct. In: Globalization and Global Governance. USA. 1999. PP.3-23.
40. Ibid.. P. 4.
41. Ibid., P.8.
42. Ibid.. P.9.
43. Ibid.. P.21.
44. Ibid.,Pp23.
45. Jwa Sung Hee, Kim In Gyu. "South Korea" in: Domestic Adjustments to Globalization, Japan. 1999. P.228.
46. Ibid.. P.229.

47. Ibid.
48. Ibid.. P.230.
49. Ibid., P.239.
50. Ibid.. P.253. The Cultures of Globalization, Duke University. USA. 1998. P. 192.
51. Chantana Banpasirichote. "Thailand" in: Domestic Adjustments to Globalization, Japan, 1999, p.257.
52. Ibid., p.257.
53. Ibid., p.274.
54. Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (Asia Pacific Economic Cooperation - APEC)/
55. AFTA - ASEAN Free Trade Area, зона свободной торговли стран-членов АСЕАН.
56. Chantana Banpasirichote. "Thailand"//: Domestic Adjustments to Globalization//, Japan. 1999. P.264.
57. Ibid., P.278.
58. Rangsana Thanapornpun. The Thai Economy in the 2010: Development Strategy in the Process of Globalization. Bangkok. 1995. P.68.
59. Saneh Chamaric. Globalization Reversal: Warning from Saneh Chamaric//: The Manager. 1993. 27 September. P. 35.
60. Thai Way. Special Issue in Globalization and Global Disaster, Bangkok. 1994. PP.23-25.
61. Sukardi Rinakit, Hadi Soesastro. "Indonesia" in: Domestic Adjustments to Globalization, Japan. 1999. P. 193.
62. Ibid.
63. Ibid., P.203.
64. Maria Socorro Gochoco-Bautista. «Philippines//: Domestic Adjustments to Globalization//, Japan. 1999. P. 207.

В XXI век с успехами, надеждами и опасениями

(о некоторых итогах экономического развития КНР)

© 2000

А.Круглов

Ушел в историю 1999 г., - год необычный, кануна не только нового века, но и грядущего тысячелетия. Для Китая это еще и "юбилейный" год - пятидесятилетней годовщины создания КНР и двадцатилетия начала реформы и политики открытости. Общеизвестно, что на этом пути Китай добился выдающихся успехов, коренным образом изменивших социально-экономический облик страны.

Вместе с тем, как выявилось, по мере расширения масштабов перехода к рыночной экономике и углубления реформ (а также - глобализации мировой экономики на фоне финансово-экономических потрясений), а также под влиянием крупномасштабных стихийных бедствий, обрушившихся на страну, сложившаяся в последние несколько лет экономическая ситуация оценивается китайскими исследователями как достаточно не простая. Повторимся, что среди факторов этой ситуации - и внешние, и внутренние, так сказать "благоприобретенные", присущие самому характеру осуществления реформ и развития.

Наиболее важным внешним фактором, усложняющим экономическое положение в стране, является продолжающееся и, более того, усиливающееся влияние восточноазиатского финансового кризиса. Благодаря предпринятым макроэкономическим мероприятиям Китаю, в отличие от ряда азиатских государств, удалось "устоять на ногах", в частности - обеспечить стабильность валютного курса юаня (жэньминьби). Однако обесценение валют большинства азиатских государств, оказавшихся в зоне влияния финансового кризиса, и резко ухудшившееся состояние их экономик нанесли серьезный удар по китайскому экспорту. Китай испытывает резкое снижение экспортного спроса.

Амплитуда роста китайского экспорта в 1998 г. оказалась наименьшей за последние 15 лет; рост составил всего 0,5%, тогда как годом раньше он был 20,6% (не говоря уже о том, что в 8-й пятилетке рост экспорта составлял по сравнению с 7-й пятилеткой 29,6%, а в 7-й - соответственно - 25,5%¹). Правда, благодаря предпринятым усилиям китайский экспорт вырос в страны Европы и Северной Америки, одновременно он сократился в страны Азии приблизительно на 10%.

Для сохранения активного внешнеторгового сальдо (45,5 млрд. ам. долл.) примерно на уровне предшествовавшего года (1997) Китаю пришлось заметно сократить свой импорт (на 1,5%), в том числе - современного оборудования, что не может не сказываться на темпах экономического развития.

Видимо, полностью остановить падение экспортного спроса вряд ли удастся, несмотря на предпринятые меры по расширению числа внешнеторговых партнеров, освоению новых рынков и т.д. Повышению конкурентоспособ-

ности китайских экспортных товаров препятствует (и, вероятно, будет препятствовать в течение ближайших лет) обесценение валют ряда азиатских стран (даже если они выберутся из трясины финансового кризиса). В определенной степени ограничивает возможности китайского экспорта и введение евро*. Другими словами, в 1999 г. сохранялась тенденция предшествовавшего года, т.е. снижения внешнего спроса и снижение амплитуды роста экспорта. Китай перешагивает рубеж 2000 года с положительным внешнеторговым сальдо, правда, значительно "похудевшим" (видимо, более чем вдвое, т.е. до уровня примерно 20 млрд. ам. долл.).

Что касается внутренних факторов, усложняющих экономическую ситуацию в стране, то их несколько.

Углубляющийся широкомасштабный переход на рельсы рыночной экономики неизбежно обусловил подчинение закономерностям ее развития, - в частности цикличности. Выявившийся в 1992 г. "перегрев" экономики и, как следствие, последовавшая инфляция (кстати, самая серьезная со времени реформы, со среднегодовым коэффициентом примерно 23%) потребовали от правительства принятия экстраординарных мер для обеспечения, как ее называют в Китае, "мягкой посадки". Однако в условиях рыночной экономики подобные антиинфляционные мероприятия неизбежно сопровождаются определенной степенью подавлением спроса и, как результат, большей или меньшей степенью депрессии. Иными словами, Китай к нынешнему рубежу, о чем речь шла выше, оказался в низшей точке экономического цикла, в, так сказать, "ложбине" волнообразного развития. Предпринятые контрмеры оказались эффективными, позволив поддерживать темпы экономического роста; однако они не смогли предотвратить ощутимого снижения внутреннего спроса. Причин тому, в свою очередь, немало.

Одной из них, видимо, следует считать снижение общего уровня роста доходов основной массы населения.

Так, среднедушевые доходы крестьянских семей возросли в 1998 г. на 3,4%, годом раньше он составил 8,5% - против 22 и 29,2% в 1996 и 1995 годах соответственно².

В различной степени упали доходы сельского населения от животноводства, несельскохозяйственных подсобных промыслов и заработков "на стороне". Снижение цен на продукцию сельскохозяйственных подсобных промыслов резко ухудшило ситуацию на волостных и поселковых предприятиях; сумма убытков в результате их хозяйственной деятельности в 1998 г. возросла на 25%, а убыточность в целом на 7-процентных пунктов. По данным обследования части провинций и городов, волостные и поселковые предприятия со сравнительно хорошей эффективностью хозяйственной деятельности составляют примерно 20% их общего количества; с трудом поддерживающие производство - 50%, которые на грани остановки - 30%.

Немногом больше - 5,1% - был в 1998 г. рост среднедушевых доходов и городских семей; в предшествовавший год он составил 6,6% против 13 и 22,5%, соответственно, в 1996 и 1995 годах³.

В 1998 г., по данным обследования, у 40% городских семей доходы сократились; это на 1 процентный пункт больше, чем в предыдущем году. Иными словами, у более чем трети городских семей доходы сравнительно упали.

* Введение евро содействовало усилению торгово-экономических взаимодополняющих связей между членами Евросоюза. Сейчас на их долю приходится свыше 60% совокупного объема торговли стран-участниц.

Эта тенденция двух последних лет снижения роста доходов сельского и городского населения беспрецедентна за все годы реформы и политики открытости.

В определенной мере снижению покупательной способности способствовал также целый комплекс макроэкономических мер правительства по переходу от прежней системы полной или частичной государственной гарантии в области жилья, медицинского обслуживания, образования для детей и т.д. к коммерциализации в этих областях, т.е. к самостоятельной ответственности граждан за риск и расходы.

Все это в целом оказывает сильное психологическое воздействие на население в сторону сокращения потребительского спроса, создавая неуверенность в завтрашнем дне, ощущение непредсказуемости в области благосостояния. Тем самым сложилась почва для изменения у населения психологии потребления, - оно (потребление) стало более сдержанным, более "осторожным". Это неизбежно привело часть людей к выбору: предпочесть немедленному потреблению - будущее, текущему спросу - отложенный спрос. Иными словами, сложившаяся ситуация дала толчок росту сбережений. В 1997 г. они увеличились на 20% (в 1998 г. - на 15,4, в 1996 - на 13%, в 1995 г. - на 13,7, в 1994 г. - на 14% и т.д.). Причем попытки правительства изменить эту ситуацию такими мерами, как снижение процентной ставки (5 раз за последние годы!) не принесли эффекта.

В условиях сокращения темпов роста экспортного и потребительского спроса правительство возлагало большие надежды на форсирование инвестиционного спроса. В конце 1998 г. стала ощутимой определенная оптимизация инвестиционного климата. Об этом свидетельствует многочисленность новых объектов строительства, начатых во второй половине 1998 г. При этом, в отличие от предыдущих лет, рост общего объема капиталовложений в основные фонды происходил преимущественно за счет государственных предприятий. При росте общего объема на 14%, капиталовложения в государственные предприятия возросли на 19,6%. Об этом же свидетельствуют и расчеты удельного веса капиталовложений в государственные предприятия: в 1996 и 1997 гг. он составлял 52,5%, а в 1998 г. - вырос до 55%.

Изложенное выше позволяет придти к выводу о том, что в настоящее время основная проблема китайской экономики заключается не столько в поддержании возможно высоких темпов развития, а в его эффективности. Факты свидетельствуют, что в 1998 г. реализованная прибыль промышленных предприятий сократилась на 17%, а сумма убытков, напротив, возросла на 22%. Все без исключения крупные, средние или мелкие предприятия - оказались по итогам 1998 г. убыточными (убытки возросли на 30%). Увеличилась (на 11%) убыточность и предприятий коллективной собственности, а также - предприятий с участием иностранного капитала (на 21%). Как известно, с середины 80-х годов предоставление дотаций государственным предприятиям стало заменяться кредитным финансированием. Однако, как показали обследования состояния кредитования крупными государственными банками, эффективность этого мероприятия вызывает сомнения. К настоящему времени кредиты, реальность возвращения которых крайне незначительна (в финансовых мировых кругах их принято называть "плохими"), составляют 25% общей суммы кредитов, предоставленных государственным предприятиям, в том числе просроченные более двух лет - 3%, "безнадежные" - 2%.

Другим фактором усложнения экономической ситуации явилась резкая активизация в 1998 и 1999 гг. осуществления реформы государственных предприятий. Как известно, спецификой стратегии китайской реформы с самого начала было лишь крайне незначительное затрагивание государственной эко-

номики. Иными словами, центр тяжести реформы лежал в негосударственных сферах народного хозяйства. Не будет преувеличением считать, что за последние 10-15 лет рост экономики и экспорта опирался главным образом именно на негосударственные сектора. И лишь на 15 съезде КПК в 1997 г. в качестве стратегической задачи было выдвинуто решение о фактической реформе в отношении государственной экономики.

В краткосрочной перспективе подобный решительный шаг в условиях, приближенных к рыночной экономике, не может не сопровождаться определенными трудностями и обострением ряда других проблем, в частности трудоустройства. Свыше 12 млн. человек оказались "лишними места работы". И хотя половина из этого числа была, в соответствии с макроэкономической политикой правительства, вторично трудоустроена, от 3 до 6 млн. человек, по разным данным, фактически пополнили ряды безработных (уровень зарегистрированной безработицы уже два года превышает 3%).

Углубление реформы государственных предприятий в более широком смысле можно рассматривать как процесс трансформации скрытой безработицы в явную. Не секрет, что в свое время, скажем, при составлении 7-го пятилетнего плана, в государственную промышленность сознательно "закладывалась" избыточная рабочая сила, составлявшая треть ее общего количества.

Форсированное углубление реформы государственных предприятий, участвовавшие в последние два-три года случаи закрытия угольных шахт, остановки веретен в текстильной промышленности, прекращение практики создания предприятий армией, полицией, политико-юридическими органами, а также госаппаратом - все это сильно усложняет и без того очень непростую проблему трудоустройства. Необходимость вторичного трудоустройства миллионов "лишившихся мест" требует согласованного отражения в местных бюджетах и принятия других неотложных мер для обеспечения их основными жизненными средствами. Это приобретает характер первоочередной, неотложной задачи как гарантии осуществления реформы государственных предприятий.

Основными макроэкономическими мерами в этом отношении явились принятые шаги по модернизации структуры занятости. Сейчас ее вряд ли можно признать отвечающей задачам и нуждам нынешнего периода реформы и развития. По объему занятой рабочей силы 2-я сфера народного хозяйства (т.е. промышленность и строительство) - относительно избыточна; 3-я же сфера (т.е. все остальные отрасли, за исключением 2-й сферы и сельского хозяйства, - т.е. торговля, услуги и т.д.) заметно отстает; в ней (т.е. в 3-й сфере) занято сейчас 26,8% от общего количества занятых, тогда как средний уровень в развивающихся странах составляет 50%. На протяжении ряда лет правительство прилагало большие усилия по переводу безработных и "лишившихся мест" в 3-ю сферу (и некоторую, меньшую часть - в 1-ю сферу, т.е. сельское хозяйство). По прогнозам на период 1995-2000 гг. пропорция занятых в 3-й сфере должна возрасти до 29%.

Кроме того, в городах растет число вновь трудоустроенных в негосударственной экономике. В 8-й пятилетке, например, только на индивидуально-частных предприятиях их число составило 5,63 млн. человек. Есть все основания предполагать (в особенности, с учетом направленности реформы государственных предприятий), что отмеченная тенденция преимущественного трудоустройства, тем более вторичного трудоустройства, в негосударственной экономике сохранится.

Усложнившаяся экономическая обстановка обусловила перенос центра тяжести в макроэкономической политике на всемерное расширение внутреннего спроса. "Наша коренная исходная позиция и стратегический курс на длительный период, - говорится в решениях созданного ЦК КПК в конце 1998 г.

совещания по работе в экономике, - расширение внутреннего спроса, освоение внутреннего рынка"⁴. Среди целого ряда мер, предпринятых правительством в этом направлении, - усиление экспортного кредитования, увеличение возвращаемых экспортных пошлин, отмеченное выше неоднократное снижение процентной ставки, резкое расширение капиталовложений государства в инфраструктуру с целью стимулирования инвестиционного спроса и др. Все больший размах приобретает система кредитования потребительского спроса населения на недвижимость (главным образом, жилье) и автомобили. Этому в немалой степени способствует переход к коммерциализации жилья (от системы распределения за счет социальных фондов).

В этой связи представляется уместным внести уточнение, что в основе отмечающегося в последние годы дефицита потребительского спроса фактически в значительной мере лежит сложившееся определенное расхождение между структурами спроса и предложения. Точнее, - изменения в структуре производства оказались неадекватными эскалации (то есть повышению качества) структуры спроса. В характере потребительского рынка произошли изменения принципиального характера - сложилась конъюнктура, благоприятная для покупателя и выступающая на поверхности как ситуация, при которой предложение превышает спрос.

Это выилось еще одним, весомым, фактором, обусловившим принятие правительством упомянутой макроэкономической политики, которую можно было бы обозначить, как "от перегрева - к охлаждению".

К числу подобных мер можно отнести и решение ЦК КПК и Госсовета КНР о том, что армия, полиция, судебные органы и правительственная администрация впредь не должны заниматься коммерческой деятельностью, в частности создавать предприятия. Но, что любопытно, - одновременно придается новое звучание тезису о важной роли мелких и средних предприятий, особенно в содействии трудоустройству "лишившихся места" и безработных.

Действительно, сейчас в Китае занятость в промышленности на 85%, а в розничной торговле - "на все" 90% - приходится на долю средних и мелких предприятий. Больше того, в добавленной стоимости всех самостоятельных хозяйственных предприятий страны в 1996 г. 56,6% произведено именно средними и мелкими.

Макроэкономическая политика, ориентированная на усиление роли средних и мелких предприятий, полностью отвечает курсу "строительства социализма с китайской спецификой". Сосредоточенные в основном в трудовоцентрирующих отраслях народного хозяйства, средние и мелкие предприятия уже внесли весьма весомый вклад не только в разрешение проблемы трудоустройства, но и в развитие производительных сил, в увеличение экспортного потенциала стран, в удовлетворение потребительского спроса, в подготовку технического персонала и т.д. Это, образно говоря, "испытанное оружие", причем не только в условиях Китая, но и, скажем, такой высокоиндустриализованной страны как Япония, где находящаяся по конкурентоспособности в числе первых в мире обрабатывающая промышленность базируется на отношениях разделения труда и сотрудничества небольшого числа крупнейших корпораций с мировой известностью со множеством средних и мелких предприятий.

Однако в специфических условиях Китая средние и мелкие предприятия в настоящее время сталкиваются с вызовом, который им бросает сама экономическая ситуация. Складываясь на китайском рынке, как отмечалось, конъюнктуры, благоприятной для покупателя, или, говоря упрощенно, когда предложение превышает спрос, не могло не привести к ужесточению конкуренции, в которой, естественно, позиции средних и мелких предприятий сравнительно неблагоприятны. Учитывая это обстоятельство, Народный банк Ки-

тая недавно объявил об увеличении масштабов кредитования средних и мелких предприятий. Это вселяет известные надежды на успешное осуществление макроэкономической политики правительства в столь непростой обстановке кануна нового века.

Еще одним макроэкономическим мероприятием правительства, по существу превратившим инвестиционный спрос в условиях ограниченного экспортного и потребительского спроса в ключевой фактор, влияющий не только на оптимизацию инвестиционного климата, но и экономической ситуации в целом, стали, как уже упоминалось, предпринятые в конце 1998 г. беспрецедентные шаги по расширению капиталовложений в инфраструктуру, в ирригационное строительство, а также - в определенной степени - в сельское хозяйство.

Это содействовало скорейшему восстановлению сельскохозяйственного производства, серьезно пострадавшего в результате стихийных бедствий, а также обусловило весьма благоприятные прогнозы производства важнейших культур в 1999 г. За исключением сахароносов (а также хлопка, на который предложение превышает спрос), предполагается заметное превышение уровня 1998 г.: по зерновым на 5 млн. т, масличным - на 2 млн. т. Судя по данным, набирает силу тенденция роста производства материальных ресурсов сельскохозяйственного назначения, в частности химических удобрений.

Учет всех этих и некоторых других обстоятельств позволяет с большой долей оптимизма прогнозировать, что в 1999 г. рост потребительского спроса, хотя и уступит предыдущим годам, тем не менее, составит, вероятно, около 5%. Это вполне реальный прогноз; он также предполагает и некоторое возрастание общего объема розничной реализации средств производства; что касается розничной реализации промышленных товаров потребительского назначения, то амплитуда его роста сократится весьма незначительно (примерно на 0,7 процентных пункта).

Китайские экономисты прогнозируют также по итогам 1999 г. рост годовой прибавленной стоимости на 9-10%, а также сохранение ВВП на уровне предыдущего года (либо его весьма незначительное сокращение).

Очевидно также, что при всех экономических перипетиях Китай продолжает сохранять высокий рейтинг в качестве кандидата на получение прямых иностранных капиталовложений.

Итак, среди достижений и проблем, которые сопровождают Китай в XXI-й век, - соразмерный рост экономики, повышение его качества и эффективности, оптимизация структуры, сохранение стабильности валютного курса при необходимости дальнейших усилий для повышения внутреннего и внешнего спроса, а также смягчения пресса трудоустройства.

-
1. Рассчитано по: "Чжунго тунцзи чжайяо" 1999. С. 130.
 2. По исчислению в ам. долл. - соответственно - 223 и 194%. Там же.
 3. Рассчитано по "Чжунго тунцзи чжайяо" 1999. С. 78.
 4. Там же.

О роли и задачах государства в период рыночных преобразований экономики (на примере Вьетнама и России)

© 2000

*Ву Сан Чанг
(Социалистическая Республика Вьетнам)*

В начале своей статьи автор считает необходимым сделать существенную оговорку. Отмечая различия в подходах Вьетнама и России к проведению рыночных реформ и в трактовке роли государства при их проведении, автор не высказывает своего суждения о том, какой из этих подходов он считает правильным, а какой нет. Сама эта альтернатива "правильный - неправильный" представляется автору в данном случае неуместной. Слишком разнятся наши страны, несопоставимы их социально - экономические, исторические, культурные условия, национальная психология, традиции и быт. Общими у них является только то, что все они порвали с социализмом советского типа, с присущей ему командно-административной системой управления экономикой, и провозгласили намерение создать экономику современного рыночного типа, основанную на многоукладности хозяйства и многообразии форм собственности.

При этом Вьетнам, как и КНР, сохранил социалистическую ориентацию развития, руководящую роль коммунистической партии, господствующую марксистско-ленинскую идеологию с учётом особенностей общества восточного типа (во Вьетнаме - с учётом идей Хо Ши Мина). Россия, как известно, пошла по другому пути, избрав экономику либерального типа и плюралистическую модель общественного устройства. Россия - великая держава, одно из наиболее крупных государств мира со сложным федеративным устройством и комплексом уникальных, нигде ранее не встречавшихся проблем развития. Вьетнам - малая страна, унитарное государство с проблемами, несравнимыми с российскими. Поэтому автор не поддерживает тех российских политиков и экономистов, которые призывают Россию следовать примеру Вьетнама при проведении рыночных преобразований. Не затрагивается в статье и вопрос о возможностях освоения Россией богатого опыта КНР. Это - внутреннее дело самих россиян.

Что касается самого Вьетнама, то при проведении рыночных преобразований у него, казалось бы, больше оснований опираться на опыт КНР (прежде всего по идеологическим и политическим соображениям). Но руководство СРВ, исходя из чисто прагматических соображений, в прошлом больше ориентировалось на опыт Южной Кореи. Как отмечают вьетнамские исследователи, с этой страной у Вьетнама имелось и имеется немало схожих исторических и политических условий: раскол страны в результате войн и наличие в разных частях страны противостоящих друг другу социально-экономических

систем; последствия колониальной зависимости и, как результат, - технологическая отсталость; отсутствие крупных природных ресурсов и избыточность рабочей силы; сходство национального менталитета, восточных традиций и обычаев и, наконец, интенсивная взаимная адаптация обеих стран в самые последние годы в процессе экономической "экспансии" Южной Кореи во Вьетнам.¹ Опирается Вьетнам и на опыт других азиатских НИС, соизмеримых и сопоставимых по своим возможностям с Вьетнамом, в особенности на опыт участников АСЕАН, с которыми Вьетнам развивает тесную экономическую интеграцию.

В настоящее время, однако, опыт КНР в осуществлении экономической реформы внимательно изучается и успешно применяется во Вьетнаме. Особый интерес для Вьетнама представляет такой опыт в реформировании государственного сектора экономики, акционировании и приватизации предприятий, в социальных преобразованиях китайской деревни, в осуществлении политики "открытых дверей" и привлечении иностранных инвестиций.

Рынок и государство

В большой группе стран современного мира ныне происходят процессы, которые в научной литературе и в средствах массовой информации характеризуются как "рыночные реформы", "переход к рыночным отношениям", "рыночная ориентация", а сами эти страны - как "развивающиеся рынки", "переходные экономики", "формирующиеся рынки" и т.п. Страны, входящие в эту группу, очень разные: здесь и "развивающиеся страны", и государства бывшего социалистического лагеря, и страны Содружества независимых государств (СНГ).

Во всех этих странах участие в развитии рыночных отношений принимает государство. Какова вообще должна быть роль государства в таком развитии? Ответ на этот вопрос важен как для науки, так прежде всего для практики. Несомненно, что в разные исторические эпохи и у разных по своей природе государств такая роль неодинакова. Так, буржуазное государство в странах классического капитализма получило в наследство от предшествовавших исторических эпох уже достаточно развитые рыночные отношения товарно-денежного, капиталистического типа. Задача государства сводилась лишь к тому, чтобы расчистить остающиеся препятствия на пути развития таких отношений вширь и вглубь, всесторонне оформить их юридически, создать для них максимально благоприятную правовую среду. Иную роль играет государство в стимулировании рыночных отношений в "развивающихся странах"². В небольшой статье нет возможности сказать об этой роли подробнее. Отметим только, что и в этих странах рыночные отношения в той или иной степени могли расти органически, "снизу", из дорыночных, натуральных или полунатуральных хозяйственных укладов. Хотя они были деформированы колониализмом, но всё же до конца не утратили способности к естественной эволюции в сторону товарных отношений и рынка. Нельзя забывать и о том, что во многих из таких стран длительное время существует порой очень значительный и развитый иностранный (ранее - колониальный) рыночный сектор экономики, так или иначе вовлекавший в свою орбиту производство местного сырья. В любом случае развивать рыночные отношения в этих странах приходится не с нуля.

И только в бывших социалистических странах по большому счёту не существовало рыночных отношений современного типа. Но и эти страны в смысле перспектив возникновения таких отношений неодинаковы. В некоторых из них и при социализме допускалось существование отдельных частных хозяйственных структур (в сельскохозяйственном производстве, розничной

торговле, ремесле, сфере бытовых услуг и др.). Кроме того, в этих странах еще сохранилась часть населения, которой были знакомы навыки "досоциалистического" хозяйствования, в том числе рыночный опыт. К таким странам можно отнести и Вьетнам (в особенности южную часть страны).

В странах СНГ никаких предпосылок рынка не существовало вообще. "Теневые", нелегальные экономические структуры, которые в той или иной форме получили повсеместное распространение в советский период, не могли по ряду причин послужить здоровым зародышем рыночных отношений при создании новой экономики. Не сохранилось и преемственности рыночной психологии и рыночного мышления в обществе. В нём ни фактически, ни юридически не существовало значимых общественных групп, которые могли быть материальными носителями рыночных отношений, не было класса собственников, для которых такие отношения являются естественной сферой обитания. В таких условиях оставалась единственная реальная социальная сила, которая могла взять на себе организацию и возглавить процесс преобразования экономики на современной рыночной основе, - государство. Таким образом, роль государства как движущей силы рыночных преобразований predetermined здесь объективно. Применительно к странам СНГ, как и к другим бывшим социалистическим странам, никаких иных толкований роли государства быть не может.

Вообще говоря, принятие государством на себя задачи активного воздействия "сверху" на глубинные социальные процессы, чтобы вызвать к жизни новые социальные отношения и направить их развитие в необходимое русло, - не первая в истории попытка подобного рода со стороны государства. Успех таких попыток зависит от того, насколько своевременно и точно государство определяет и использует принципы, методы, формы и средства такого воздействия.

Два взгляда на государство

В Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) основополагающая роль государства в рыночных преобразованиях, осуществляемая в рамках политики общего "обновления" вьетнамского общества и государства, была впервые сформулирована на VI Съезде Коммунистической Партии Вьетнама (КПВ) в 1986 г. На VII Съезде КПВ (1991) было заявлено, что "социалистически ориентированная товарная экономика" Вьетнама, действующая "на основе рыночного механизма, создается под управлением государства".³ Следующий, VIII съезд КПВ, состоявшийся в 1996 г, подтвердил, что "товарное производство не противоречит социализму" и поставил задачу искоренить пережитки централизованной бюрократической системы управления и завершить "относительно гармоничным способом формирование рыночного механизма с государственным управлением и в соответствии с социалистической линией."⁴

В новой Конституции Вьетнама 1992 г. положения об управлении экономикой со стороны государства на основе рыночного механизма и социалистической ориентации были воспроизведены почти дословно (статья 15)⁵. Таким образом, руководящая роль государства в рыночных преобразованиях получила закрепление в Основном законе страны, стала нормой конституционного права, источником текущего экономического законодательства.

Введение рыночного механизма, как излагалось в материалах VIII съезда КПВ, требует овладения искусством макроэкономического управления при обеспечении полной самостоятельности производства и субъектов предпринимательской деятельности. Это необходимо, чтобы добиться огромного позитивного воздействия рынка. При этом государство обязано предотвращать,

преодолевать и сдерживать негативные воздействия рынка. С этой целью государство контролирует рынок с помощью законов, планов, других механизмов, политики, экономических рычагов и ресурсов государственного сектора экономики.

Несмотря на то, что вопрос о роли государства при переходе к рыночной экономике слишком нов для Вьетнама, говорит известный вьетнамский учёный - экономист Данг Дык Дам, можно констатировать, что эта роль проявляется тройным образом: во-первых, государство создает безопасную, благоприятную и равноправную среду для хозяйственной деятельности субъектов экономики, независимо от сектора, к которому они принадлежат; во-вторых, проводит позитивную и эффективную макроэкономическую политику; в-третьих, вмешивается, когда это необходимо, в рыночные отношения и дополняет их своим регулированием.⁶ Таким образом, во Вьетнаме четко определены цели, средства и методы рыночной политики государства.

Насколько нам известно, в России и поныне не существует обобщающего программного политического или законодательного документа о социальной природе государства в России, равно как и о его роли в преобразовании российской экономики на рыночной основе. Конституция 1993 г. прямо не говорит о рыночных отношениях, механизме или принципах, но её статьи 8, 9, 35 и другие, закрепляющие множественность форм собственности, их равноправие и гарантии защиты права собственности, образуют фундамент рыночных отношений. Новый Гражданский кодекс Российской Федерации (1994 г.) и текущее законодательство в сфере экономики имеют выраженный рыночный характер. Рыночные цели экономической реформы в стране постоянно подчеркиваются в многочисленных постановлениях Правительства и других органов власти⁷. В отношении рыночных основ российской экономики и её рыночного будущего в стране по существу достигнут консенсус основных политических сил, включая их левое крыло.

Нам представляется, однако, что необходимость перехода к рынку мало увязывается в России с активной ролью государства в этом процессе. На переломном рубеже новейшей российской истории (начало 90-х годов) в общественном сознании возобладало крайне негативное отношение к экономической деятельности государства вообще. Такое отношение имеет, скорее, эмоциональную, а не рациональную основу, хотя оно и объяснимо: советский период российской истории ознаменовался тотальным огосударствлением экономики, и плоды этого в виде пустых магазинных прилавков и всеобщего дефицита были чрезвычайно наглядны для всех. Люди устали от вездесущего и всепроникающего государства и ждали рынка, который, как им объясняли, разом решит все проблемы. В обществе складывалось убеждение, что всякая экономическая деятельность государства, как и само государство - это антипод рынка, предпринимательства и частной инициативы. Никто не взял на себя труд популярно и в массовом порядке разъяснить, что с рынком несовместима лишь административно - командная система, а не государство как таковое, как орган публичной власти.

Похоже, что и политики, определявшие в тот период экономический курс России, сами тоже были убеждены, что государство должно полностью "уйти из экономики" и активно проводили в жизнь этот курс. Ориентируясь при этом на образцы современных промышленно развитых стран Запада, они словно не замечали, насколько глубоко государство в этих странах вовлечено в экономику, как активно и оперативно оно вмешивается в рыночные процессы, когда считает такое вмешательство необходимым. По сути в России был проигнорирован главный урок современной экономики: государство не только не имеет права уходить из неё, но, напротив, обязано активизировать свою

регулирующую деятельность. Но это - совершенно новая деятельность по своим принципам, формам и методам. В её основе – экономические, рыночные рычаги регулирования, соединённые с жёстким и постоянным контролем рыночных процессов (антимонопольное законодательство, законы о рынке ценных бумаг, о банкротстве, о защите потребителей и др.). Для этого государство должно быть авторитетным, сильным и последовательным в своих действиях.

Новая российская власть выполнила только часть стоящей перед ней задачи. Разрушив механизм командно-административной системы управления экономикой и приняв пакет самых необходимых рыночных законов (к тому же довольно несовершенных), она, по-видимому, решила, что больше государству напоминать о себе незачем и на несколько лет как бы самоустранилась, предоставив поле деятельности “саморегулирующемуся” рынку. Известно, что из этого получилось. Сейчас в России на всех уровнях власти стали много говорить о необходимости “сильного государства”, “социально ориентированного рынка”, ужесточения контроля над экономикой, принимаются меры по восстановлению государственной монополии в некоторых сферах производства и распределения и т. п. Государство словно спохватилось и пытается наверстать свою объективно обусловленную ведущую роль в преобразовании экономики. Но ценное время уже упущено.

Рыночное законодательство

Как во Вьетнаме, так и в России создана относительно развитая, хотя и не лишённая недостатков, законодательная база рыночных преобразований, источником которой служат упоминавшиеся конституционные нормы. Приняты гражданские кодексы (во Вьетнаме готовится к принятию и торговый кодекс), законы о компаниях и акционерных обществах, о земле (в России – земельный кодекс, взамен которого готовится новый), о банкротстве (несостоятельности), о ценных бумагах, биржах и фондовом рынке, о производственных, сбытовых и кредитных кооперативах, о поощрении малого бизнеса и мелкого предпринимательства, об инвестиционной деятельности и иностранных инвестициях, о центральном (государственном) банке и коммерческих банках, о недропользовании, о налогах и таможенных пошлинах, и целый ряд других.)

При общей рыночной направленности этих законодательных актов в обеих странах существуют довольно заметные различия в том совокупном эффекте, который они производят на национальную экономику в каждой из стран. Прежде всего надо отметить, что во Вьетнаме законодательство сохраняет в руках государства мощную материальную базу для своей экономической деятельности в лице общенародной (государственной) и коллективной собственности. И хотя во Вьетнаме давно не используется изживший себя тезис о “командных высотах экономики”, на деле государство уверенно обладает ключевыми, стратегическими отраслями хозяйства. В России государство со многими из них добровольно рассталось, а оставшимися пользуется, на наш взгляд, неэффективно либо не использует их совсем.

Как следствие, очень значительная часть рыночного законодательства Вьетнама рассчитана на применение только в государственном секторе экономики и направлена на его интеграцию в формирующийся национальный и международный рынки с учетом особенностей этого сектора. В России основная часть сохранившихся в руках государства либо контролируемых им предприятий действует в режиме общего коммерческого законодательства. В целом вьетнамское законодательство, воплощающее экономическую политику государства, примерно в равной мере уделяет внимание как сфере производства, так и сфере обращения. В России же до последнего времени государство

стремилось воздействовать на экономику в основном через сферу обращения, в частности через финансово-валютные, денежные, кредитно-банковские каналы, рынок ценных бумаг (в том числе государственных). При этом законодательство не всегда адекватно отражало эти приоритеты экономической политики государства.

Более богатым, разветвлённым и, главное, более адресным и детализированным по сравнению с российским представляется нам "укладное" законодательство во Вьетнаме. Под ним мы подразумеваем законодательные и другие правовые акты, регулирующие более многочисленные и дробные, чем в России, уклады хозяйства и формы собственности: государственный; кооперативный; государственно-капиталистический (совместные предприятия государства с национальным частным и иностранным капиталом); индивидуальный и мелкособственнический; частнокапиталистический (местный вьетнамский капитал)⁸. В законодательстве эти уклады представлены законами: о государственных предприятиях (1995), о компаниях и акционерных обществах (1990), о кооперативах (1996), о частных предприятиях (1990), о торговле (1997), об иностранных инвестициях (1987 г. с поправками 1992 г.), о земле (1993), а также постановлениями Совета Министров СРВ № 66 (1992) об индивидуальных и мелких частных предприятиях № 199 1990 г. и о банках, кредитных кооперативах и финансовых компаниях, и рядом других правовых актов.⁹

Государственная собственность, акционирование, приватизация.

В вопросах, связанных с государственной собственностью и её будущим в национальной экономике, подходы государства во Вьетнаме и России отличаются, на наш взгляд, наибольшими расхождениями. Эта тема настолько широка и дискуссионна, что в нашей статье её основные моменты можно обозначить только в тезисном порядке.

1. В России государственный сектор экономики рассматривается в принципе как рядовой хозяйственный уклад наряду с другими укладами. До сих пор не было принято каких-либо программных политических документов, очерчивающих сферы интересов и ответственности государства в экономике, формулирующих концепцию госсектора, его отраслевой состав, количественные параметры, место и роль в рыночной экономике. Практическая политика по отношению к госсектору явно следует образцам высокоразвитых промышленных стран, в особенности США, где традиционное неучастие государства в отношении собственности и производства компенсируется наличием в его руках мощных финансово-бюджетных рычагов экономического регулирования. Подобных рычагов у российского государства нет.

2. Во Вьетнаме, как говорится в решениях VIII Съезда КПВ, государственный сектор экономики призван играть "ведущую роль" в сфере производства и обращения. Ресурсы должны быть сконцентрированы на развитии государственной экономики в таких жизненно важных отраслях и сферах, как социальная и экономическая инфраструктура, финансовая система, банки, страхование, важнейшие предприятия в сфере производства, торговли и услуг, а также предприятия, выполняющие задачи в сфере национальной обороны и безопасности. В документах Съезда подчеркивается, что государственная экономика должна служить рычагом для обеспечения быстрого роста всего народного хозяйства и решения социальных проблем Вьетнама, прокладывать путь, вести за собой и поддерживать другие секторы экономики. Статья 19 Конституции СРВ в законодательном порядке закрепляет ведущую роль госсектора в ключевых отраслях и областях национальной экономики.

3. При осуществлении экономической реформы в России, в особенности на её раннем этапе, отношение власти к государственному сектору экономики определялось, скорее, политическими императивами, чем соображениями экономической целесообразности. Уход государства из экономики принял форму обвальная приватизации, поспешной и недостаточно спланированной. При отсутствии в стране частнопредпринимательских структур, способных приобрести крупные массы государственной собственности и организовать её эффективную эксплуатацию, акционированные государственные предприятия оказались без государственной поддержки и без квалифицированного управленческого персонала, знакомого с рыночными отношениями. В результате многие предприятия (в том числе ряд очень крупных, играющих ключевую роль в своих отраслях), оказались, по сути, бесхозными, разворовывались, попали под контроль преступного мира.

Слабое применение получили другие способы разгосударствления экономики, альтернативные приватизации, такие, например, как перевод государственных предприятий на договорные отношения с государством, передача их в аренду коллективам трудящихся или в концессионное управление профессиональным менеджерским фирмам (в том числе иностранным), продажа части акций предприятия стратегическому инвестору на условиях инвестиционного соглашения, ликвидация многих неэффективных предприятий с использованием их производственных мощностей для организации кооперативов, групповых кустарных производств и других коллективных хозяйственных форм и т. п.

4. Во Вьетнаме не проводится политика массовой и форсированной приватизации государственной собственности. Рассчитанная на продолжительный период времени реструктуризация государственных предприятий прежде всего имеет целью повысить экономическую эффективность госсектора. Внутри него выделяется группа предприятий, которые в силу их стратегического значения для страны и национальной экономики исключаются из рыночных отношений, а их имущество всегда и полностью будет принадлежать государству. Ещё одна большая группа предприятий будет работать на основе рыночного механизма, но только в будущем, по мере созревания экономических предпосылок, государство передаст часть их капитала работникам предприятий, предварительно проведя "эквилизацию" (акционирование) предприятий. И лишь предприятия, не вошедшие в первые две группы (в основном мелкие и неэффективные), подлежат "эквилизации" без промедления, а их акции полностью передаются в руки трудящихся.¹⁰

"Эквилизация" (англ. equitisation), как разъясняется в материалах VIII Съезда КПВ — это не синоним приватизации. Это способ мобилизации средств трудящихся для реинвестирования их в предприятие. С этой целью акции предприятий продаются трудящимся в открытом и гласном порядке посредством аукционных торгов. Вместе с тем "эквилизация" — это и способ вовлечения в управление предприятиями новой движущей силы в лице их трудящихся.

Планирование экономического развития

Во Вьетнаме планирование экономики призвано стать одним из самых важных и эффективных экономических рычагов в руках государства. Речь, разумеется, идёт не о том централизованном и директивном планировании, которое было присуще административно-командной экономике. Новое планирование исходит из рыночных отношений и опирается на них. В решениях VIII Съезда КПВ подчеркивается, что именно рынок должен служить одновременно основой и целью планирования. Оно предназначено главным образом для общей ориентации экономики, что имеет особое значение с точки зрения

макроэкономических перспектив её развития. В условиях, когда рынок непосредственно определяет выбор экономическими субъектами сфер деятельности и их возможности организовать производство и бизнес, роль государственных планов сводится к тому, чтобы сформулировать перед такими субъектами систему макроэкономических целей, определить темпы развития и обеспечить его равновесие, наметить необходимые средства, предусмотреть организационные действия и развязки, с тем чтобы привести развитие экономики в соответствие с государственным планом. Ответственным за выполнение всей этой работы является Министерство планирования и инвестиций СРВ.

Планирование по-вьетнамски – это т. н. индикативное или побудительное (рекомендательное) планирование, именуемое также программированием экономики. Программирование широко известно по опыту промышленно развитых стран, где оно в различных вариантах применяется давно и успешно. Содержание программирования составляет оперативное и широкое доведение до сведения экономических субъектов прогнозных оценок состояния экономики и основных целей экономической политики государства на программируемый период, а также её приоритетов, обеспечиваемых государственными инвестициями, правительственными закупками и заказами, налоговыми, кредитными, амортизационными и иными стимулами. Чтобы добиться такого благоприятного режима деятельности, экономические субъекты должны соотносить свою рыночную политику с приоритетами экономической политики государства. Тем самым в определённой степени достигается соответствие их деятельности макроэкономическим целям программирования¹¹. Опыт такого программирования, хотя и в ограниченной степени, может оказаться полезным для Вьетнама.

В условиях рыночной экономики на подобной программной основе может быть организовано планирование и в самом государственном секторе экономики. Опыт такого планирования, существующий более чем в 30 странах (в большинстве своём “развивающихся”), основывается на договорных отношениях между государством и государственным предприятием. Такие договоры, заключаемые между собственником – государством и администрацией предприятия, именуется по-разному в разных странах: исполнительские соглашения, программные договоры, меморандумы о взаимопонимании, планы-договоры и т. д. В соответствии с ними государство и предприятие принимают на себя взаимные обязательства, позволяющие сторонам координировать свои действия и придерживаться условий сотрудничества, которые установлены в их соглашениях или договоре¹². Эксперты ООН рекомендуют систему исполнительских соглашений прежде всего для стран с переходной экономикой.

В России идеи индикативного планирования и программирования экономики стали известны раньше, чем во Вьетнаме. Но официальный государственный акт такого рода – Федеральный закон “О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации”, появился лишь в 1995 г.¹³ На наш взгляд, в Законе есть существенные недостатки, касающиеся как самой концепции российского программирования, так и его целей, форм и методов. Но важнее другое: закон практически не работает из-за отсутствия у государства материальных рычагов и стимулов воздействия на субъекты экономики, а также слабости инфраструктуры программирования (информационной, статистической, прогнозной базы, обратной связи, законодательного обеспечения).

На основе упомянутого закона в 1999 г. было принято Постановление Правительства России “О прогнозе развития государственного сектора экономики Российской Федерации.”¹⁴ Постановление не ставит цель ориентировать или иным образом направлять политику государственных предприятий с по-

мощью стимулирующих или сдерживающих мер со стороны государства. Оно ограничивается установлением обособленной системы статистических показателей, характеризующих деятельность государственного сектора. Не предусматривается и никаких шагов по переводу предприятий на договорную систему отношений с государством (если не считать законодательства о государственных заказах и закупках, которое практически парализовано из-за отсутствия средств в госбюджете). На уровне федеральной власти не предпринимается эффективных мер по рационализации системы управления госсектором: разграничению его конкурентной (рыночной) и неконкурентной (нерыночной) сфер; определению оптимальных типов предприятий и народнохозяйственных "ниш", которые они призваны заполнить, выработке принципов разграничения государственной собственности и предприятий между Федерацией и регионами и др.

Отдельного упоминания заслуживают различия в подходах Вьетнама и России к внешнеэкономической политике государства. Во Вьетнаме внешнеэкономическое законодательство закрепляет политику "открытых дверей" и полную интеграцию экономики Вьетнама в региональную экономику АСЕАН и мировую экономику. Такая политика вполне соответствует современной объективной тенденции к глобализации национальных экономик, к формированию всемирного рынка. Особую роль играет законодательство об иностранных инвестициях. У Вьетнама нет крупных внутренних источников накопленных финансовых ресурсов. Поэтому инвестиционное законодательство предельно либерализовано и нацелено на то, чтобы привлечь в национальную экономику прежде всего частные иностранные инвестиции, новейшие технологии и ноу-хау, в том числе средства вьетнамской диаспоры за рубежом.

В России тоже провозглашается политика интеграции в мировую экономику, но осуществляется она недостаточно динамично и последовательно. На наш взгляд, все еще сказывается инерция к экономической самоизоляции и замкнутости советского периода. Иностранный капитал приходит в Россию в основном по линии государственных кредитов и займов международных финансово-кредитных организаций. Он используется в основном на бюджетные цели. Инвестиционные ресурсы частного капитала привлекаются очень слабо. Главная причина этого, по нашему мнению, заключается в том, что инвестиционное законодательство России не предусматривает для иностранцев существенных стимулов, преференциального режима инвестирования. В условиях политической нестабильности и экономического кризиса в России иностранные инвесторы не придут в страну, не имея таких стимулов и льгот.

В заключение необходимо упомянуть о двух крайне необходимых и самостоятельных направлениях государственной деятельности на этапе рыночных преобразований экономики, которые, как представляется, недооцениваются прежде всего в России. Первое - создание кадровой, профессионально-управленческой, менеджерской базы рыночной экономики (как частной, так и государственной). Второе - организация постоянного информационно - пропагандистского, популяризаторского обеспечения рыночных преобразований.

1. Буй Куонг Хунг. Экономическая политика НИС Азии: уроки для Вьетнама. - Новые моменты во внутренней и внешней политике стран Азии. М., 1997, с. 6-8 и следующие.
2. Имеются в виду экономически слаборазвитые страны - бывшие колониальные и зависимые территории Азии, Африки и Океании, а также государства Латинской Америки. Об этом следует упомянуть потому, что по методологии международных экономических организаций, в том числе входящих в систему ООН, к развивающимся странам ныне причисляются и некоторые бывшие социалистические страны

- (включая Вьетнам), которые ещё не достигли установленных такими организациями стандартов экономического развития и благосостояния населения.
3. Материалы VII съезда Коммунистической Партии Вьетнама. Ханой, 1991 (на вьетнам. яз.)
 4. Материалы VIII съезда КПВ. Ханой, 1996 (на вьетнам. яз.)
 5. Конституция Социалистической Республики Вьетнам – Новые конституции стран Восточной Европы и Азии. М., 1996
 6. Данг Дык Дам. Макроэкономика и различные типы предприятий во Вьетнаме. Сложившееся положение и перспективы. Ханой, 1998, С. 43.
 7. Одним из последних документов такого рода является Постановление Правительства Российской Федерации от 19. 07. 1999 г. № 829 “Меры по реализации среднесрочной программы структурных реформ”. - Российская газета. 28. 07. 1999.
 8. В партийных документах они именуется соответственно как “государственная экономика”, “кооперативная экономика”, “государственно-капиталистическая экономика” и т. д. (Материалы VIII съезда КПВ, Ханой, 1996).
 9. Краткая характеристика некоторых из перечисленных законодательных актов приводится в статье Ву Сан Чанга: “О создании законодательных основ рыночной экономики в Социалистической Республике Вьетнам – Статьи и тезисы докладов аспирантов Института государства и права Российской Академии наук.” Москва, 1999, с. 151-157.
 10. Данг Дык Дам. Указ. соч., с. 180-181.
 11. Сосна С.А. Научно-технический прогресс и государственно-монополистическое программирование экономики. – Советское государство и право. Москва, 1974, N 8, с. 247-257.
 12. Performance contracting for public enterprises. New York. United Nations, 1995.
 13. Российская газета, 26.07.1995.
 14. Российская газета, 14.01.1999.

Синьцзян в истории советско-китайских отношений 1937-1946 гг.

© 2000

В.Бармин

После начала японской агрессии в Китае Советский Союз 21 августа 1937 г. подписал с ним договор о ненападении.¹ Этот договор давал советскому правительству возможность подвести под отношения с Китаем международно-правовую основу, которая позволяла бы оказывать ему помощь, не втягиваясь непосредственно в войну и не провоцируя японцев к нападению на СССР. Суть и значение этого договора лучше всего оценили правящие круги Японии, признавшие, что уже сам факт его подписания является для них "дипломатическим поражением".²

Сразу же после подписания советско-китайского договора о ненападении в Москве начались переговоры о помощи, которую мог оказать СССР Китаю в борьбе с Японией. Уже 14 сентября на этих переговорах была достигнута договорённость о конкретных поставках в Китай военных материалов за счёт предоставляемого Советским Союзом кредита. По просьбам китайской стороны поставки оговорённых соглашением товаров, в частности авиатехники, должны были начаться уже в октябре 1937 г. Однако готовность Советского Союза выполнить эту просьбу сдерживалась проблемами, связанными с доставкой грузов в Китай. Морское побережье Китая было блокировано японским военно-морским флотом, а возможные пути доставки сухопутным транспортом, в частности через провинцию Синьцзян не могли быть использованы из-за отсутствия современных дорог. В силу этих причин первые партии военных грузов, поставляемых Советским Союзом Китаю, направлялись из портов Чёрного моря в Хайфон и Гонконг, а затем передавались китайской армии через южные провинции. Относительно удачная транспортировка этих партий не могла, тем не менее, удовлетворить сотрудничающие стороны в силу громадного расстояния круглого пути и его дороговизны. Кроме того, такой вариант доставки мог быть в любой момент прерван военными операциями японцев. Поэтому одновременно с началом поставок из портов Чёрного моря китайское руководство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о помощи в создании транспортной артерии через Синьцзян. Эта трасса должна была стать, по замыслу китайцев, основным маршрутом переброски советской помощи во внутренние районы Китая. Правительство СССР ответило согласием, и уже в октябре 1937 г. китайские рабочие под руководством советских специалистов начали прокладку 2925-километровой автомобильной трассы: Сары-Озек - Урумчи - Ланьчжоу. Трасса начиналась от станции Сары-Озек,

затем "проходила по территории СССР до пограничного пункта с Синьцзяном - посёлка Хоргос (230 км.), затем шла по территории... провинции Синьцзян (1530 км.) и далее по территории провинции Ганьсу до конечного пункта автомобильной трассы города Ланьчжоу (1165 км.)".³ О масштабах строительных работ на этой трассе говорит хотя бы то, что, несмотря на завесу секретности, в средствах массовой информации западных государств появились многочисленные сообщения о громадном количестве работавших на ней людей. Так, в сообщении ТАСС от 23 декабря 1937 г. из Парижа озаглавленном "Измышления Рейтера во французской печати" сообщалось: "Ряд газет - "Эвр", "Эпок", "Фигаро", - воспроизводят телеграмму шанхайского корреспондента Рейтера, в которой заявляется, что 700 тысяч рабочих заняты... постройкой дорог для соединения Советского Союза с китайской провинцией Сычуань".⁴ Несмотря на большие сложности самого разного характера уже к середине ноября 1937 года строительство трассы было фактически завершено, и по ней началось регулярное движение советских автомобильных колонн, перевозивших столь необходимую китайскому народу военную помощь.

1 марта 1938 г. в Москве было подписано "Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических республик и Китайской республики о реализации кредита на 50 миллионов американских долларов".⁵ Это было первое из трёх кредитных соглашений, подписанных между СССР и Китаем. Второе на такую же сумму будет подписано 1 июля 1938 г., а третье на сумму 150 млн. американских долларов - 13 июня 1939 г. Все кредиты исчислялись из 3% годовых и предоставлялись сроком на 5 лет. Погашение кредитов и процентов китайская сторона обязалась производить товарами и сырьём в соответствии с оговорёнными списками.⁶ Китай должен был, в частности, поставлять чай, кожу, шерсть, сурьму, олово, цинк, никель, вольфрам, шёлк, хлопок, древесное масло, красную медь, лекарственные растения, пушнину и прочие товары. Транспортировка большей части товарооборота, предусмотренного соответствующими контрактами при заключении кредитных соглашений, должна была осуществляться через провинцию Синьцзян.

Синьцзян, который традиционно, в силу объективных причин, находился вне рамок активной внутривосточной жизни Китая, в 30-е годы начал привлекать к себе всё более пристальное внимание центральных властей. Это было связано и с реальной опасностью выхода богатейшей области из под юрисдикции Китая во время восстания мусульманских народов в 1931-1934 годах, когда здесь была предпринята попытка создания независимого мусульманского государства, и с растущей политической активностью в отношении провинции со стороны Советского Союза, и с целым рядом других причин. После того, как Синьцзян в условиях войны с Японией стал приобретать значение важнейшей тыловой базы и основной транспортной артерии, связывающей страну с внешним миром, это внимание ещё более возросло. Между тем внутривосточная ситуация в Синьцзяне по-прежнему оставалась достаточно сложной и противоречивой. На юге Синьцзяна, особенно в районе Хотана, где дислоцировалась 36-я дивизия, входившая в годы восстания мусульман в состав войск генерала Ма Чжунчина и состоявшая в основном из дунган, зрело недовольство действиями провинциального правительства, которое, по мнению солдат и офицеров этой дивизии, не выполняло принятых на себя обязательств. Этими же причинами, а также продолжавшей жить в умах мусульман идеей независимости можно объяснить всё более накалявшиеся отношения правительства и с 6-й уйгурской кавалерийской дивизией. В результате в апреле 1937 г. на юге Синьцзяна вспыхнуло новое антиправительственное восстание, основной силой которого являлись 36-я дунганская и 6-я уйгурская кавалерийская дивизии, состоявшие исключительно из мусульман. Не

имея сил для самостоятельной борьбы с повстанцами, губернатор Синьцзяна генерал Шэн Шицай в очередной раз обратился за помощью к советскому правительству. И такая помощь вновь была ему оказана. Сам генерал, пытаясь использовать в своих целях фактор внутривосточных событий в СССР, обвинял в организации нового восстания троцкистов, которые якобы планировали, захватив в провинции власть, ликвидировать проводимую им политику, основой которой были, с одной стороны, антиимпериализм и дружба с Россией, а с другой – шесть основных политических принципов, декларированных им в апреле 1933 года.⁷ Шэн Шицай уверяет в своих воспоминаниях читателей, что в случае успеха восстания, его результатами воспользовались бы японские и германские агенты, которые активно работали в провинции, создавая здесь свои базы, а в результате всего этого пострадали бы и Китай и Россия.⁸ Итогом борьбы Шэн Шицай с “троцкистами” явилось то, что он официально объявил руководителем троцкистской организации генерального консула СССР в Синьцзяне Апресова, который якобы “пытался поссорить Синьцзян и Россию”. После этих обвинений Апресов был отозван на родину и расстрелян. По Синьцзяну прокатилась волна арестов, начались репрессии, в результате которых “пострадало более 400 человек”, в том числе видные провинциальные руководители и китайские коммунисты.⁹ Заслуги Шэн Шицай в борьбе с “троцкизмом” были в Москве оценены, и помощь, которую он просил для борьбы с повстанцами, в отличие от ситуации 1931–1934 годов, была предоставлена немедленно. Уже в июле 1937 г. в район восстания с советской территории были переброшены несколько полков НКВД и Красной армии с артиллерией и бронемашинами, которые поддерживала авиагруппа численностью до 25 самолётов. В течение лета и осени войска повстанцев были разбиты, и в январе 1938 г. советские части, участвовавшие в операции, покинули Синьцзян.

Подавленное восстание было далеко не единственной проблемой урумчинского правительства. В том же 1937 г. у него возникли серьёзные трения с центральными властями из-за того, что на территорию Синьцзяна отошли разбитые в боях с гоминьдановскими войсками в провинции Ганьсу части китайской Красной Армии. Они насчитывали не более 500 человек. Были и другие весьма сложные вопросы. И всё-таки уже к началу 1938 г. самой основной задачей провинциальных властей и представителей советских организаций и ведомств, работавших в Синьцзяне, стало обеспечение переброски из СССР всё нарастающего потока военных материалов в центральные районы Китая. К этому времени на территории провинции на постоянной основе находилось несколько тысяч советских граждан, в том числе и военнослужащих, которые обеспечивали выполнение соглашений о предоставлении Китаю советской помощи.

В первый период своей деятельности основная часть советского контингента в Синьцзяне была занята обеспечением бесперебойной работы и охраной трассы Сары-Озек – Ланьчжоу, которая обозначалась в секретных документах – трасса “Z”. Для этого была создана особая войсковая часть, в распоряжении которой находилось 750 грузовых автомобилей. Для охраны трассы в Синьцзян была переброшена также специально сформированная бригада, в состав которой входили: “... кавполк с приданными частями – танкисты, артиллеристы, автобатальон, сапёры, связисты, хозяйственная часть”. Кроме того, бригаду поддерживала авиа часть. Военнослужащие бригады были экипированы в форму китайской армии и должны были обращаться друг к другу так, как это делали бывшие белогвардейцы, находящиеся на службе у китайцев. Участники событий, проходившие службу в этой бригаде, вспоминают, что ей приходилось довольно часто вести активные боевые действия.¹⁰

Хотя объёмы перебрасываемых по трассе грузов постоянно нарастали, она не справлялась с поставленной перед ней задачей. Сложности маршрута, несовершенство техники, отсутствие хорошей ремонтной базы усложняли её работу. Постоянной проблемой являлось обеспечение работавшего здесь автотранспорта горючим, которое до середины 1939 г. почти целиком доставлялось из Советского Союза. Между тем, чтобы доставить по трассе 3 тонны груза, автомобилю ЗИС-6 требовалось 3 тонны бензина. Советские организации, отправляя заправочным пунктам трассы большую часть завозимого в Синьцзян бензина, не могли обеспечить необходимым запасом горючего потребности самой провинции. 25 июня 1938 г. заместитель председателя объединения "Совсиньторг" - Волегов и директор конторы "Основной экспорт" - Безруков сообщали начальнику 2-го Восточного отдела НКВД Миронову: "Так как срыв плана сдачи нефтепродуктов принял угрожающий характер и есть реальное опасение оставить целые районы Синьцзяна до будущего года без нефтепродуктов, просим Вашей серьёзной помощи в деле обеспечения выполнения плана сдачи нефтепродуктов".¹¹ Нехватку горючего испытывала и китайская армия, ибо, по вполне понятным причинам, поставляемые советской стороной объёмы не могли удовлетворить её потребности. Исходя из этого, китайское правительство предпринимало меры для того, чтобы максимально приблизить и удешевить производство и доставку всех расходуемых материалов. По просьбе китайской стороны советские геологи в 1937-1938 гг. произвели на территории Синьцзяна геологоразведочные работы, направленные на поиск месторождения нефти. В 1938 г. заказчику были переданы документы об обнаружении большого месторождения в районе г. Шихо. В августе 1938 года между комиссариатом нефтяной промышленности СССР и провинциальным правительством Синьцзяна было подписано соглашение о разработке открытого месторождения нефти и о строительстве нефтеперерабатывающего завода в Тушанцзы. Для разработки месторождения и строительства завода было создано смешанное советско-синьцзянское общество Синьцзяннефть с равным долевым участием с каждой стороны. Уже к концу 1940 г. строительство завода, рассчитанного на переработку ежегодно 50 тыс. тонн нефти, было закончено.

В июле 1938 г. посол Китайской Республики в Москве Ян Цзэ от имени своего правительства обратился к советскому руководству с просьбой построить в Синьцзяне авиасборочный завод, который смог бы выпускать истребители И-15 и И-16. Советское правительство сочло возможным пойти навстречу просьбе Китая, и 11 августа 1939 г. между наркоматом авиационной промышленности СССР и представителями Китайской Республики было подписано соглашение о строительстве самолётосборочного завода на территории провинции Синьцзян в 40 километрах от г. Урумчи. В целях конспирации в официальных документах этот завод назывался "заводом сельскохозяйственных орудий".¹² Строительство завода шло ударными темпами, и уже 1 октября 1940 г. началась его частичная эксплуатация, а "к моменту подписания акта о полном завершении проекта и дополнительных сооружений (5 июня 1942 г.) его производительность возросла до 450 самолётов в год", хотя проектная мощность предусматривала производство только 300 самолётов. При этом, кроме собственно авиасборочного завода, в его окрестностях были построены подсобные предприятия (кирпичные, железоделательные и пр.), электростанция, школа, больница, жилой посёлок, пищевые предприятия, животноводческая ферма и другие сооружения.¹³ Надо отметить, что в это же время в различных округах Синьцзяна продолжалось строительство сотен других объектов, возводимых с помощью и на средства Советского Союза. Наглядным примером размаха этого строительства может служить только одна "Выписка из ведомости движения грузов Экспортстроя через Аягузскую автобазу Совсинь-

торга за декабрь 1937 г.” В выписке названы города, откуда направлены грузы на стройки Синьцзяна, и наименование этих грузов: “1. Ленинград - типографские наборы; 2. Ново-Пролетарск - балки железные; 3. Лизино - электроарматура; 4. Бойня - разные грузы; 5. Алексеевка - водопроводные части; 6. Ленинград - вентиля, клапаны; 7. Витебск - точильный станок; 8. Черкизово - электролампочки; 9. Москва - гидравлический насос; 10. Бойня - железо половое; 11. Ново-Пролетарск - железо; 12. Баку - железо; 13. Пролетарская - швеллера, трубы; 14. Цветочная - вагонетки железные”.¹⁴ Автобаза Совсиньторга в Аягузе была далеко не единственной из переправлявших грузы в Синьцзян, а с провинцией в эти годы работали десятки советских организаций. При этом размах строительства был столь велик, что, несмотря на огромные объёмы поступавших материалов, их постоянно не хватало. В центральные ведомства в Москве ежедневно шли требования доставки того или иного оборудования или материалов, необходимых для работы уже пущенных многочисленных предприятий. Так, 26 мая 1938 г. управляющий Экспорттрестом СССР телеграфировал председателю объединения Совсиньторг: “В ближайшие дни наши заказчики вынуждены будут остановить целый ряд построенных нами предприятий, а именно: городскую электростанцию, литографию, лесопильный завод и т.д. ввиду отсутствия машинного масла в Совсиньторге”.¹⁵ А.С. Панюшкин, назначенный послом СССР в Китае и направлявшийся к месту своей службы в 1939 г. через Синьцзян, писал в своих воспоминаниях о пребывании в провинции: “В процессе ознакомления с положением дел я был поражен колоссальным размахом осуществляемой помощи”.¹⁶

Ахиллесовой пятой китайской армии наряду с отсутствием современных видов оружия была тотальная нехватка квалифицированных военных кадров. По просьбе Китая советское руководство приняло решение об отправке в Китай военных советников из числа наиболее подготовленных командиров Красной Армии. Наиболее многочисленная группа советских граждан, прибывших в связи с этим решением в Китай и принимавших участие в боевых действиях, состояла из лётчиков-добровольцев, которые своим военным мастерством, отвагой и самоотверженностью вызывали восхищение и уважение китайского народа. Однако советское государство не могло да и не ставило задачи обеспечить всю китайскую авиацию своими кадрами. Сами китайцы прилагали много стараний для подготовки своих лётчиков, но, не имея квалифицированных преподавателей, инструкторов и материальной базы, не могли справиться с этой задачей. Поэтому подготовка китайских лётчиков проходила, как правило, либо за границей, либо в небольших авиашколах, где преподавали иностранные специалисты. С середины 1938 г., после отъезда немецкой военной миссии, единственной страной способной оказать Китаю помощь в этом деле, остался Советский Союз.

На территории Синьцзяна авиашкола, по просьбе провинциального правительства, была создана ещё в 1935 г. Занятия в ней вели советские преподаватели и инструкторы. Но синьцзянская авиашкола была очень невелика по численному составу и ставила своей целью удовлетворить потребности в лётном составе только авиацию самой провинции. С началом японо-китайской войны встал вопрос о создании на базе этой школы крупного учебного заведения, способного хоть в какой-то мере восполнять убыль в боях лётного состава. В связи с этим в августе 1939 г. между Советским Союзом и Китайской Республикой было заключено “джентльменское соглашение” о приглашении “советских инструкторов в Кульджинскую авиационную школу”. По этому соглашению школа обеспечивалась не только советским преподавательским составом, но и всей необходимой материальной базой.¹⁷ 31 июля 1940 г. китайское посольство в Москве от имени своего правительства обратилось в

комиссариат иностранных дел Советского Союза с просьбой “подтвердить согласие правительства СССР на продление на один год действия джентльменского соглашения”.¹⁸ 8 августа 1940 г. китайскому послу в Москве была вручена Нота народного комиссара иностранных дел СССР, в которой говорилось, что “Правительство СССР соглашается на продление на 1 год договора о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже...”.¹⁹ Кульджинская авиашкола работала до 1942 г. и подготовила несколько сот лётчиков и авиатехников, существенно восполняя потребности китайской армии в этих специалистах.

Как уже отмечалось, помощь Советского Союза сражающемуся Китаю требовала постоянного присутствия на территории Синьцзяна многих тысяч советских людей, в том числе военнослужащих. Это обстоятельство с учётом ранее сложившейся здесь экономической и политической доминанты Советского Союза не могло не сказаться на внутривластной обстановке в провинции. Её руководство, и прежде всего сам губернатор, позитивно относились к мероприятиям, которые приходилось осуществлять на территории Синьцзяна советской стороне. Надо полагать, что Шэн Шицай, во многом связавший свою судьбу с Советским Союзом и долгое время находившийся в весьма сложных отношениях с правительством Китая и самим Чан Кайши, пытался, энергично содействуя этим мероприятиям, несколько сгладить свои трения с центром. В то же время, осенью 1938 г., Шэн Шицай предпринял поездку в Москву. В ходе этой поездки он был не только принят Сталиным, Молотовым и Ворошиловым, но и в обстановке строгой секретности вступил в ВКП(б).²⁰ Если учитывать, что ещё в 1935 г. Шэн Шицай был избран в ЦК Гоминьдана, но отказался от этой высокой в партийной иерархии чести, а позже неоднократно отклонял предложения о вступлении в китайскую компартию, то представляется вполне вероятным, что такое поведение губернатора являлось попыткой “...сохранить свое независимое положение и от местных национальных сил в Синьцзяне и от компартии Китая”.

Начало Великой Отечественной войны в первые ее месяцы практически не отразилось на взаимоотношениях Советского Союза с Синьцзяном. Они по-прежнему оставались очень тесными и дружественными. Советский дипломат В.И. Иваненко, работавший в этот период в должности консула в Хотане, отмечает в своих воспоминаниях, что “события на советско-германском фронте привлекали внимание китайской общественности. ... Движение солидарности разивалось во всех округах Синьцзяна. ... Уже в 1941 году трудящиеся провинции внесли... 1 миллион долларов для передачи в фонд помощи СССР”.²¹ Об интересе, который вызывали у жителей Синьцзяна сообщения с советско-германского фронта говорит тот факт, что “только в 1941 г. и только одна газета на уйгурском языке “Синьцзян газети” поместила на своих страницах 17 статей и перепечаток из советских газет”, между тем в этот период в Синьцзяне еще выходили десятки газет на 6 языках проживавших здесь народов.²²

В то же время через провинцию не прекращалось поступление советской помощи китайской армии, продолжавшей сражаться с японскими агрессорами. В разных районах Синьцзяна работали или находились в стадии ввода в эксплуатацию предприятия, имевшие для Китая важнейшее военно-стратегическое значение. Сам Шэн Шицай и чиновники всех рангов продолжали ратовать за укрепление дружбы с Советским Союзом. В составе провинциального правительства и в руководстве округов многие ответственные посты занимали представители коммунистической партии Китая, в том числе родной брат Мао Цзэдуна - Мао Цзэминь. Губернаторами Аксу и Хотана были соответственно коммунисты Хуан и Пан Дун. На территории провинции действовало представительство 8-й армии КПК, возглавляемое членами ЦК КПК Чэн

Танцю и Фан Лином (Дэн Фа), причём провинциальное правительство оказывало этой армии нерегулярную, но существенную помощь продуктами и обмундированием.²³ На территории провинции, в Хами, дислоцировался 8-й полк Красной армии. На протяжении 1941 г. из Синьцзяна в СССР продолжали поступать крупные партии продовольствия, лошадей для кавалерии и зимней одежды. Вместе с тем, уже с конца 1941 и особенно начала 1942 г. ситуация в советско-китайских отношениях в целом и в отношениях между СССР и Синьцзяном в частности стала медленно, но неуклонно меняться в худшую сторону.

Военные неудачи Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны, потеря больших территорий и значительной части промышленных районов, оставшихся в оккупированных врагом областях, создали у многих политических деятелей Китая, в том числе и у Чан Кайши впечатление, что дни Советского Союза сочтены. Определённую роль в изменении отношения китайского руководства к Советскому Союзу стало играть и то, что, испытывая значительные сложности в обеспечении всем необходимым собственной сражающейся армии, советская сторона к началу 1942 г. уже не могла осуществлять поставки оружия Китаю в прежних объёмах, особенно это касалось бомбардировочной авиации, танков и артиллерии. Тем не менее, испытывая острую нужду в поставляемом Китае сырье и прежде всего в таких стратегических материалах как вольфрам, олово, цинк, никель, СССР в целом выполнял свои обязательства по советско-китайским соглашениям 1938-1939 гг. в части поставок в Китай нужных ему промышленных товаров и оружия. Однако меры советской стороны, направленные на поддержание существовавшего уровня межгосударственных отношений с Китаем, уже не оказывали на Чан Кайши и его окружение серьёзного влияния. Особенно заметно это стало после 9 декабря 1941 г., когда Китай вслед за Соединёнными Штатами Америки объявил войну Японии, Германии и Италии. С этого момента началась полная переориентация правительства Чан Кайши на США и сворачивание всех видов межгосударственных связей с Советским Союзом. Советский посол в Китае А.С. Панюшкин отмечает в своих воспоминаниях, что уже переговоры о заключении ежегодного протокола по товарообороту на 1941-1942 гг. шли "с большими трудностями". В ходе этих переговоров "китайские правительственные чиновники завышали цены на китайские товары, отказывали Советскому Союзу в тех товарах, которые особенно необходимы были фронту".²⁴ В то же время китайская сторона отказывалась выполнять принятые на себя обязательства по уже действующим контрактам. Так, например, в соответствии с подписанным соглашением о строительстве авиасборочного завода в районе Урумчи стороны обязались финансировать проект равным долевым участием, при том, что Китай должен был закупать всю продукцию завода. В нарушение договорённостей китайская сторона отказалась осуществлять финансирование строительства и компенсировать затраты даже тогда, когда предприятие уже было запущено на производственную мощность. В связи с этим продукция завода с 1942 и до конца 1943 года, когда он был демонтирован и вывезен в Ташкент, отправлялась в Советский Союз. Такая же участь постигла нефтеперегонный завод в Тушанцзы, а также ряд других предприятий, построенных на территории Синьцзяна и неоплаченных китайцами.

С конца 1941 г. меняет свою позицию в отношении Советского Союза и Шэн Шицай. От прежних заверений в преданности и любви к Советской стране губернатор стремительно переходит к откровенно враждебным действиям. Уже во второй половине 1941 г. он снял со всех официальных постов в провинции членов КПК, которые были рекомендованы ему Москвой и КПК. Несколько позже Шэн Шицай восстановил тесные связи с Гоминьданом и со второй половины 1942 г. развязал в провинции откровенный террор против

коммунистов и представителей тех движений и организаций, которые он считал оппозиционными. В 1944г. были арестованы и казнены наиболее видные представители КПК в Синьцзяне, в том числе и брат Мао Цзедуна . Все эти метаморфозы сопровождалась грубыми антисоветскими выходками и враждебными мероприятиями. Сам Шэн Шицай объясняет свои действия тем, что осознал ту опасность, которую представляла собой для Синьцзяна русская экспансия. В своих поступках он якобы только противодействовал превращению Синьцзяна в "маленькую Россию".²⁵ Однако, как нам представляется, генерал не совсем искренен в своих объяснениях, хотя бы потому, что годом раньше он сам предлагал Сталину "Учредить Советскую республику Синьцзян и принять её в состав СССР в качестве союзной советской республики".²⁶ Скорее всего, Шэн Шицай решил форсировать события, которые могли облегчить его сближение с Чан Кайши. Это было тем более необходимо потому, что именно в этот момент Чан Кайши впервые за многие годы получил реальную возможность оказать военное давление на Синьцзян, дабы укрепить там свою власть. В 1943 г. по требованию Шэн Шицай из Синьцзяна были отозваны советские преподаватели, советники, медработники, технические специалисты и выведены дислоцировавшиеся здесь части Красной Армии.²⁷

Резкое сокращение экономических связей Синьцзяна с Советским Союзом сказалось самым негативным образом на хозяйственной жизни провинции и на уровне благосостояния её населения. Невостребованность производимой сельскохозяйственной продукции, большая часть которой прежде закупалась советской стороной, уже к середине 1944 г. вызвала в Синьцзяне глубокий экономический кризис, на который наложился кризис политический. Генерал Шэн Шицай, сделавший в своём стремлении удержать власть в руках ставку на террор, допустил грубый просчёт. Летом 1944 г. он, получив информацию о том, что его политика подвергается резкой критике в кругах работавших в провинции гоминьдановцев, санкционировал арест и казнь большой группы членов этой партии, в том числе функционеров провинциального комитета. Действия губернатора вызвали скандал, который закончился тем, что Чан Кайши 31 августа 1944 г. освободил Шэн Шицай от должности губернатора Синьцзяна, назначив его на весьма незначительный пост заместителя министра мелиорации и лесоводства. Оставив после 12 лет правления в Синьцзяне 80 тысяч казнённых и 120 тыс. арестованных, генерал навсегда покинул провинцию и перестал играть сколь-нибудь заметную роль в большой политике.²⁸ После Шэн Шицай должность губернатора провинции несколько месяцев исполнял генерал Чжу Шаолян, а с конца октября 1944 г. его сменил приехавший из Чунцина У Чжусинь. Последний попытался несколько разрядить обстановку в провинции. Была объявлена амнистия и выпущены из тюрем несколько тысяч заключённых, начали предприниматься меры к наращиванию экономических связей с Советским Союзом, но эти действия явно запоздали. В ноябре 1944 года провинцию охватила новая волна национально-освободительного движения известная в истории под названием "революции трёх северных округов".

Три северных округа провинции: Илийский, Тарбагатайский и Алтайский - были населены преимущественно казахами, киргизами, уйгурами, монголами и дунганями. Тяготы японо-китайской войны, сокращение, а затем прекращение экономических связей провинции с Советским Союзом, от уровня и объёма которых во многом зависело благополучие приграничных округов, сделали жизнь проживавших в них народов невыносимой.

Восстание началось в октябре 1944 г. после того, как власти Синьцзяна издали указ о реквизиции у населения провинции 10 тысяч лошадей на военные нужды. Поскольку этот указ затрагивал прежде всего интересы кочевни-

ков-скотоводов, недовольство, стихийно переросшее в восстание, охватило районы кочевий в Илийском округе и в частности Нилхинский уезд. В условиях нарастания повстанческого движения в столице Илийского округа г. Кульдже был создан подпольный военно-революционный штаб во главе с Ахмеджаном Касымовым, уйгуром по национальности, представителем интеллигенции, получившим образование в Советском Союзе. Штаб начал подготовку к восстанию в Кульдже.

Приказ о начале восстания был отдан в ночь с 7-го на 8-е ноября 1944 г., когда к городу были стянуты партизанские отряды, действовавшие в Нилхинском уезде. После начала восстания и вступления в Кульджу партизанских отрядов руководители повстанцев создали Центральный военный штаб, который принял на себя всю полноту власти в Кульдже и в освобожденных от гомиьндановских войск уездах округа. В ходе уличных боев в Кульдже в штаб явился весьма авторитетный представитель мусульманского духовенства в Синьцзяне узбек Алихан-Тюре Шакирходжаев, который заявил о своем желании включиться в борьбу, о том, что он "готов поднять все мусульманское население Кульджи против гомиьндановских властей".²⁹ В результате переговоров представителей Штаба с Алиханом-Тюре было принято решение о создании Временного правительства Восточно-Туркестанской республики (ВТР). 15 ноября 1944 г. о формировании правительства было объявлено официально. Возглавил его Алихан-Тюре, заместителем председателя правительства стал крупный помещик и весьма известный в Илийском округе человек Хакимбекходжа, а Ахмеджан Касымов возглавил в правительстве военный отдел.

Создание ВТР сыграло значительную роль в расширении повстанческого движения в ряде других провинций. Уже весной и летом 1945 г. подразделения Национально-освободительной армии ВТР, в которую были сведены отряды повстанцев Илийского округа, во взаимодействии с партизанскими отрядами Тарбагатай и Алтай очистили от гомиьндановских войск эти округа и стали реально угрожать столице провинции - Урумчи. На юге провинции широкое повстанческое движение охватило Яркендский и Кашгарский округа. К августу 1945 г. положение китайских властей в Синьцзяне стало критическим.

Роль и степень участия Советского Союза в указанных событиях в Синьцзяне до недавнего времени в силу целого ряда причин оставались практически неисследованными. Однако ставшие в последние годы доступными для историков документы позволяют сделать вывод, что восстание коренных народов провинции в трёх революционных округах нашло всестороннюю поддержку советского государства. Сегодня можно с высокой степенью достоверности говорить о том, что советское руководство не только оказывало составившим материальную, военно-техническую и инструкторскую помощь, но в значительной степени влияло на деятельность правительства ВТР. Достаточно сказать, что с первых дней существования Восточно-Туркестанской республики, для налаживания и координации сотрудничества с её правительством, советским руководством была создана специальная оперативная группа во главе с начальником отдела спецзаданий НКВД СССР генералом Егноровым и его заместителем начальником 4-го отдела первого управления НКВД генералом Лангфангом. Штаб этой группы находился в Алма-Ате, однако основная часть сотрудников действовала на территории Синьцзяна.³⁰ Есть все основания считать, что восстание в трёх округах Синьцзяна рассматривалось советским руководством как реальная возможность сместить провинциальное правительство и привести к власти представителей коренного населения лояльных к СССР.

Нет сомнений в том, что успешное развитие наступления Национально-освободительной армии ВТР, поддержанное в разных районах Синьцзяна но-

выми вспышками восстаний и Советским Союзом, вполне могло привести к падению гоминьдановского правительства в провинции. Однако в июле-начале августа 1945 г. Советский Союз начинает постепенно приостанавливать поставки оружия и боеприпасов армии ВТР и отзывает из её подразделений значительную часть инструкторского состава. Одновременно советское руководство стало настаивать на том, чтобы правительство Восточно-Туркестанской республики вступило в переговоры с провинциальными властями Синьцзяна. Столь резкое изменение политической линии в отношении ВТР и событий, происходящих в провинции в целом, было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, СССР 8 августа 1945 г. вступил в войну против милитаристской Японии; во-вторых, 14 августа того же года подписал с Китаем "Договор о дружбе и союзе между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой", и, наконец, в-третьих, в день подписания этого договора советская сторона вручила министру иностранных дел Китая специальную ноту. В 3-м пункте этого документа, озаглавленного "Об оказании помощи Центральному правительству Китая, о суверенитете Китая над Тремя Восточными Провинциями (Маньчжурия) и о событиях в Синьцзяне", заявлялось: "Что касается последних событий в Синьцзяне, то Советское правительство подтверждает, что оно, как сказано в статье 5-й договора о дружбе и союзе, не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Китая..."³¹ Вышеизложенные обстоятельства делали нежелательным продолжение активных боевых действий армии ВТР на территории Синьцзяна и ставили под вопрос целесообразность поддержки Восточно-Туркестанской республики. В связи с этим 14 сентября 1945 г. на имя Сталина был подан проект постановления ЦК ВКП(б) "О положении в Синьцзяне", подготовленный Вышинским и Берией. В нём предлагалось заявить китайскому правительству о готовности советского руководства, "...заинтересованного в установлении порядка на своей границе, ...оказать китайскому правительству возможное содействие, если оно этого пожелает, в урегулировании создавшегося в Синьцзяне положения на основе предоставления мусульманам в Синьцзяне автономии". В то же время авторы проекта предлагали "Рекомендовать повстанцам до получения ответа китайского правительства на заявление советского посла и на время переговоров, если таковые состоятся, активные действия приостановить".³²

12 октября 1945 г. в Урумчи начались переговоры между делегациями Восточно-Туркестанской республики и провинциальным правительством Синьцзяна. Начало переговоров форсировало процесс сокращения материальной и военно-технической помощи Советского Союза ВТР. Это было вызвано также тем, что ряд командиров подразделений национально-освободительной армии ВТР вопреки имевшимся приказам правительства и требованиям советских советников продолжали боевые действия против китайских войск, неся при этом крупные потери. Так, 20 октября 1945 г. руководители оперативной группы НКВД в Синьцзяне Егнарлов и Лангфанг сообщали Берии и Молотову: "...по поводу понесённых потерь "Садык" (псевдоним командующего южным фронтом национально-освободительной армии ВТР полковника Суфиахуна -В.Б.) обвиняет нас, имея в виду указания о переходе к обороне и вывод наших людей и вооружения с этого направления. ...За последнее время "Садык" вообще начал активно заниматься общеполитической и военной работой, действуя через голову правительственных учреждений и штаба. В свою очередь мы заняли линию более решительного отхода от вмешательства в решение хозяйственных и военных вопросов, оставив за собой контроль за выполнением Ваших указаний о прекращении активных действий со стороны повстанцев. По состоянию на 20 октября, из повстанческих формирований на-

ми выведены все демобилизованные (советские солдаты и офицеры, демобилизованные из Советской армии и переправленные в Синьцзян для оказания помощи повстанцам - В.Б.) и сосредоточены в погранполосе откуда выводятся в район Джаркента. Одновременно с вооружения повстанцев снято всё оружие, не состоявшее на вооружении китайцев, за исключением батальонных миномётов. Оружие вывезено в Хоргос. Снабжение повстанцев боеприпасами прекращено. ... В повстанческих формированиях оставлено по одному советнику на каждую часть и радиостанции с расчётами".³³

Переговоры между делегацией ВТР и провинциальным правительством Синьцзяна шли очень трудно и неоднократно прерывались. Однако руководство СССР, заверившее китайскую сторону, что "...восставшее население не ставило перед собой задачу отделяться от Китая" и, что "...оно преследовало цель добиться автономии в той части Синьцзяна, где мусульмане составляют явное большинство населения, в частности в Илийском, Тарбагатайском, Алтайском и Кашгарском округах",³⁴ настойчиво требовало от правительства ВТР обязательного и скорейшего подписания соглашения. В результате 2 января 1946 г. в Урумчи между Восточно-Туркестанской республикой и правительством провинции была подписана основная часть мирного соглашения. После того, как текст этого соглашения с небольшими доработками в конце мая был одобрен центральным правительством Китая, 6 июня состоялось подписание его окончательного варианта. В соглашении, состоявшем из 11 пунктов, декларировались гражданские свободы всем национальностям, проживавшим в Синьцзяне, свобода вероисповедания, а также равноправие и равенство перед законом. Вооружённые силы ВТР сохранялись как отдельные подразделения, но они переходили под командование провинциального правительства и численно сокращались на одну треть. В то же время в тексте соглашения ни слова не говорилось об автономии для мусульманского населения провинции.

В соответствии с подписанным соглашением правительство ВТР распускалось, а сама Восточно-Туркестанская республика прекращала своё существование. В провинции создавалось коалиционное правительство, которое формировалось из 25 человек. При этом китайское население, которое составляло лишь 5% от общей его численности в провинции, должно было быть представлено 10 членами правительства, а 95% коренного населения-15. Губернатором провинции мог быть только китаец. 28 июня 1946 г. правительство ВТР в соответствии с требованиями мирного соглашения передало свои полномочия вновь организованному провинциальному правительству, после чего Алихан-Тюре и несколько его соратников эмигрировали в СССР.

1. Советско-Китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1959. С.161-162.
2. Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 271.
3. Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937-1945 гг. С. 76.
4. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. II, оп. 21, п. 57, д. 37, л. 79.
5. Советско-Китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. С. 167.
6. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974). М., 1977. С. 129.
7. Whiting A. and General Sheng Shih-ts'ai Sinkiang: Pawn or Pivot? Michigan State University Press. 1958. P. 179.
8. Op.Cit.

9. Chan G. Regionalism and Central Power : Sheng Shih-ts'ai in Sinkiang 1933-1944// China at the Crossroads : nationalists and Communists. 1927-1949. Boulder. Colorado. 1980. P. 135.
10. Градов Ю.Н. Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 159.
11. АВП РФ, ф. 100-в., оп. 18, п. 41, д. 31, л. 13.
12. Галенович Ю.М. "Белые пятна" и "болевые точки" в истории советско-китайских отношений". В 2-х т. Т. 1. М., 1992. С. 122.ë
13. Сладковский М.И. Ук. Соч. С. 140.
14. АВП РФ, ф. 100-в., оп. 18, п. 41, д. 25, л. 2.
15. Там же, л. 8.
16. Панюшкин А.С. Записки посла: Китай 1939-1944. М., 1981. С. 6.
17. АВП РФ, ф. 100-в., оп. 41-а, п. 164, д. 6, л. 156.
18. Там же.
19. Там же, л.2.
20. Whiting A. and General Sheng Shihs'ai Sinkiang: Pawn or Pivot? P. 206.
21. Иваненко В.И. ...Выполняя свой долг: из записок дипломата. М., 1990. С. 138.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5283, оп. 18, д. 28, л. 140.
23. Хакимбаев А.А. Национально-освободительное движение коренного населения Синьцзяна в 30-40-х годах XX века // Институт востоковедения АН СССР. Специальный бюллетень. №4 (120). М., 1971. С. 93.
24. Панюшкин А.С. Ук.Соч. С.154.
25. Whiting A. and General Sheng Shihs'ai. Sinkiang: Pawn or Pivot? P. 255.
26. Цит. по: Галенович Ю.М. Ук. Соч. С. 130.
27. Whiting A. and General Sheng Shihs'ai. Sinkiang: Pawn or Pivot? P. 256.
28. "Синьцзян газеты". 1951 г. 3 мая.
29. Мингулов Н.Н. Национально-освободительное движение народов Синьцзяна как составная часть общекитайской революции (1944-1949 годы) // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата. 1962. С. 74.
30. ГАРФ.: ф. Р-9401 с/ч, оп. 2, д. 68, л. 242-245; там же, д. 99, л. 157-158. // "Особая папка" И.В. Сталина. Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944-1953 гг. Каталог документов Архива новейшей истории России. Т. I. М., 1994.
31. Советско-Китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. С. 198-206.
32. ГАРФ, ф. Р-9401 с/ч, оп. 2, д. 99, л. 7.
33. Там же, ф. 9401 с, оп. 2, д. 104, л. 118.
34. Там же., ф. Р-9401 с/ч, оп.2, д.99, л. 7.

Политика японской администрации на Тайване (1895-1945 гг.)

© 2000

А.Белогурова

Редкий автор, пишущий о Тайване, откажется от того, чтобы так или иначе не упомянуть, что в 1988 г. в Тайбэе скончался не только президент Китайской Республики и председатель Гоминьдана Цзян Цзинго. Одновременно в Тайбэе умер и Николай Александрович Елизаров, бывший член ВКП(б), выпускник университета им. Сунь Ятсена, академии им. Толмачева в Ленинграде и Школы особого назначения РККА, активный участник колхозного строительства и известный свердловский журналист. В работах о Тайване стало традиционным отмечать, что "советский период" жизни Цзян Цзинго дал ему не только разностороннее образование, политический и административный опыт, но и во многом повлиял на его менталитет и стиль управления.

Менее известно, что на место Цзян Цзинго заступил не только президент Ли Дэнхуэй, образцовый гоминьдановский функционер нового поколения, имевший обширный опыт практической работы и преуспевший в науках (о чем свидетельствует докторская степень, полученная им в Корнуэльском Университете). Исполняющим обязанности президента с 1988 г. становился также человек, которого в годы его школьной и студенческой юности звали Ивасато Масао, сын служащего японской полиции, выпускник Императорского университета в Токио, в 1930-1940 гг. одинаково свободно носивший кимоно и студенческую униформу. Новый руководитель Китайской Республики на Тайване и Гоминьдана, по его собственным словам, до 22 лет считал себя японцем, ненавидел Китай и "всею душою любил" Японию. Не менее удивительно слышать от представителя китайского народа, который на протяжении 14 лет вел кровавую войну с Японией, заявление о том, что он сам и весь тайваньский народ скорбил вместе с народом Японии в связи со смертью императора Хирохито, возглавившего японскую агрессию против Китая.¹

Историческому периоду, когда сформировалось поколение, к которому принадлежит Ли Дэнхуэй – поколение, представители которого занимают ведущие посты в политике общественной жизни и бизнесе Тайваня, и посвящена данная статья.

Главным проводником колониальной политики администрации в сфере духовной жизни населения острова стала японская система образования, введенная на Тайване практически одновременно с оккупацией острова японскими войсками. После взятия Тайбэя, когда на юге еще шли бои, японцы начинают создавать школы с целью распространения японского языка и современных знаний. К этому времени на острове имелись лишь традиционные школы, где преподавался взънянь и изучались конфуцианские канонические

Белогурова Анна Эдуардовна, стажер колледжа изящных искусств при Педагогическом университете, Тайбэй.

книги. В начале число обучавшихся тайваньцев было незначительно в 1898 г. 7 838 чел., однако уже в 1906 г. 32 281 чел. - 4,5 % тайваньских детей школьного возраста посещали школы, а к 1936 г. этот показатель вырос до 43, 79%.²

В то время японское образование было направлено в основном на распространение японского языка, в том числе путем преподавания на нем основных предметов школьной программы. Показательно, что колониальная администрация издала указ начать преподавание в китайских частных школах не только японского языка, но и арифметики.

На уроках в японской школе (особенно на уроках этики и этикета) давалась не просто сумма знаний, а формировался определенный тип личности, и ученик воспитывался как носитель определенного образа жизни. На уроках этики разбирались тексты, посвященные тем или иным нравственным качествам (часть этих текстов представляли собой отрывки из биографий известных японцев).

Наряду с преданностью императору, патриотизмом, стремлением служить отечеству, приверженностью семейным устоям и подчинению вышестоящим, в японских учащих воспитывались также верность, терпение, способность сохранять самообладание в критической обстановке, умение прощать обиды, ориентация на благотворительность, благодарность за благодеяние, стремление помогать соседям, хорошие манеры.

Для уроков этикета в школах выделялась особая комната и нередко "особый домик" (в 1-2 этажа) (хотя этикет преподавался не специально, а в рамках других предметов). "Практическими занятиями указывается *внешний образ жизни*. Имеется цикл картин, показывающих: как идти, стоять, сидеть, есть палочками, как кланяться, приветствовать старших, младших, равных, как держать себя с учителем, с товарищами, как что-либо давать, принимать, как держать не занятые работой руки, как одеваться, и прочие тысячи условностей и мелочей японского бытового этикета. Заучиваются *условные выражения на все случаи жизни*." Кроме норм повседневной жизни, ученицам преподавались также основы икебаны и чайной церемонии.³

Как свидетельствует исследователь японской школы И. Серышев, работавший в 1920-х гг. в Харбине, а до этого живший в Японии, "благодаря тому, что школы многолюдны, имеют отличные здания, обставлены щедро наглядными пособиями, гимнастическими приспособлениями, благодаря тому, что в целях чисто утилитарных в школьную программу введены физика, природоведение, рисование, пение, гимнастика - японские школы производят вполне приличное и даже прекрасное впечатление современной культурной школы. И в конечном итоге - пока японская школьная система, при внешней культурно-европейской форме ее, блестяще осуществляет свою традиционную роль приготовления "царю и отечеству" сознательных, опытных, вполне, до рабства преданных слуг, готовых в любой момент отдать отечеству или императору и весь свой досуг и свою жизнь".⁴

"В центре всего обучения поставлена *родина*, олицетворяемая в лице микадо, а посему - верность, безграничная преданность династии и любовь к родине до самозабвения - поставлены во главу преподавания и проходят красной нитью положительно в каждом предмете, быть может, кроме рисования и рукоделия".⁵

В целом, в 1920-1930 гг. тайванец на Тайване мог легко получить начальное образование и со значительными трудностями - среднее. Однако для рядового тайваньца, в большинстве своем жителя сельской местности такое образование открывало возможность сделать завидную по его понятиям карьеру служащего коммерческой фирмы, техника, делопроизводителя или полицейского.

Тайванец, располагающий средствами, также мог поехать в Японию, где для него были открыты двери любого учебного заведения (число обучающихся там тайваньцев выросло с 2 тыс. в 1920 г. до 7 тыс. в начале 1940 гг.).⁶

Обучения тайваньских студентов в Японии в начале вызывало пристальное внимание японских властей на Тайване. Было принято решение учредить надзор за тайваньскими студентами, для чего в Токио в 1907 г. "было послано особое лицо с задачей ответственного личного руководства формозскими студентами, живущими в Токио". О студентах, живущих в других городах, их учебные заведения должны были сообщать в Канцелярию генерал-губернатора Тайваня отчеты "о результатах работ каждого такого студента, о его поведении и подаваемых им надеждах". При этом "префектуральные власти Формозы получили от Канцелярии генерал-губернатора инструкции о составлении и направлении в предполагаемое место обучения формозского студента доклада о его звании, имени, возрасте, жительстве, образовании и успехах, поведении, профессии его родителей, характере, его стремлении в отношении образования".⁷

В официальном отчете (за 1907 г.), составленном на основании инспекторских докладов, отмечалось, что "результаты обучения выходцев с Тайваня были в общем весьма удовлетворительны, и что их характер и знания в большинстве случаев обнаружили значительный прогресс в своем развитии".⁸

Наряду с введением современной системы образования, японцы создали на Тайване современную инфраструктуру (прежде всего, осуществили масштабное строительство дорог), а также ряд предприятий, в основном в легкой и горнодобывающей промышленности. Так, протяженность железных дорог Тайваня увеличилась от 62 миль при китайской администрации - до 500 миль и 144 станций (пассажирооборот возрос до 14.5 млн. чел.) к началу 1920-х гг. Таким образом, протяженность дорог выросла почти в десять раз, а пассажирооборот - в 30 раз. К этому времени на острове было около одной тысячи миль частных железных дорог (большинство из них - узкоколейных) с 2 млн. чел. пассажирооборота в год,⁹ а также 3000 миль телеграфных линий, 6 тыс. миль общественных дорог, была осуществлена телефонизация городов.¹⁰

Эффективная работа администрации, наступившее в результате санитарно-гигиенических мероприятий падение уровня смертности (с 33, 4 чел. в 1906-1910 гг. до 25 чел. на 1000 чел. в 1925 г.) и увеличение естественного прироста населения (с 0, 83 % в 1906-1919 гг. до 2, 25 % в 1925 г.),¹¹ экономический рост (увеличение ВВП в 2,6 раза), благодаря чему доход на душу населения на Тайване к концу 1930-х гг. вдвое превышал душевой доход в материковом Китае¹² - все это привело к тому, что, по крайней мере, у части тайваньцев сформировались прояпонские настроения и они начали осознавать себя подданными японской империи.

Японское правительство всячески способствовало развитию женского образования и, фактически, эмансипации женщин. 15 апреля 1915 г. правительство издало указ о запрещении бинтования ног, и уже к августу более 763 000 женщин подчинились указу, и вскоре этот обычай фактически сошел на нет.¹³ По материалам переписи 1905 г. доля женщин, бинтовавших ноги, составляла 56.9%. При этом данный показатель варьировался в зависимости от места проживания, языковой группы и других параметров. Так, у говоривших на южно-фуцзяньском диалекте, которые составляли большинство населения острова, он составлял 68%, а у говоривших на диалектах гуандунской группы (большую часть из которых составляли хакка, у которых женщины традиционно не бинтуют ноги) - 1.51%. За пятнадцать лет, с 1905 по 1920 г. доля женщин, бинтовавших ноги, снизилась с 56.9% до 11.8%.¹⁴

Уже в 1914 г. из 21 859 чел. рабочих 28 % были женщины, в течение 1930-х гг. их доля значительно не увеличилась, но к 1938 г. из 95 641 чел. рабочих 35 878 чел. (37 %) были женщины, а через три года их стало 40 % (в 1941 г. из 67 020 чел. рабочих 30 941 чел. были женщины). В ткацком производстве количество женщин-рабочих превышало количество мужчин. В середине 1930-х гг. женщины составляли половину рабочих, занятых в пищевой промышленности. Ничтожно мало женщин было занято в машиностроении, так как работодатели предпочитали нанимать рабочих (женщин или мужчин), закончивших школу. Образованные мужчины преобладали над женщинами в течение десятилетий, даже в 1938 г. девочек, посещавших школу, было на половину меньше, чем мальчиков. Однако уже в последние годы колониального правления число образованных рабочих женщин росло быстрее, чем число образованных мужчин.

Образование для женщин, работавших в офисах и магазинах было еще более важным, чем для работавших на предприятиях. В 1943 г. 93 % женщин, работающих в офисах и магазинах, получили образование как минимум в объеме средней школы, и по меньшей мере 38 % работающих женщин закончили высшую женскую школу или аналогичное учебное заведение.¹⁵

Японцы приобщали тайваньцев к цивилизации Запада, так же как они сами приобщались к ней в период после реставрации Мэйдзи. Все эти мероприятия наложились на стремление китайского общества к реформам и модернизации, которое к 1890 гг. было уже широко распространено по всему Китаю. Японцы, распространившие на Тайване обычай носить пиджаки и платья европейского покроя, строившие дома с дорическими колоннами, вводившие в школах преподавание "западных наук" (химии, физики, медицины) воспринимались как носители некоей общемировой современной культуры. Это, отчасти, и обеспечило поддержку японской политики частью тайваньского общества.

Эти же факторы повлияли и на то, что основным содержанием деятельности общественных движений на Тайване стало стремление не к изгнанию японцев, а к получению равных с ними прав и созданию выборного представительного органа самоуправления в масштабах всего острова. Эти стремления были характерны для таких ведущих политических организаций Тайваня, таких как Тайваньская культурная ассоциация (1921 г.), Народная партия (1927 г.), Парламентское движение Тайваня (1920 г.). Организации, выступавшие за воссоединение с Китаем (тайваньские эмигрантские организации в Гуандуне) и независимость Тайваня (Тайваньская Компартия) не приобрели на острове сколько-нибудь заметного влияния.

В каком-то смысле тайваньцы, участвовавшие в осуществлении японской программы реформ были не большими коллаборационистами, чем Сунь Ятсен, опиравшийся на поддержку японских властей в подготовке ряда восстаний в Китае и даже создавший базу революционеров на Тайване при поддержке Гото Симпей. Будущего "отца нации" не шокировало, что поддержку ему окажет страна, разгромившая китайский флот и аннексировавшая одну из провинций Китая. Япония в те годы была примером для Азии в деле модернизации.

Следует отметить, что для тайваньцев и само подчиненное положение не было чем-то новым – раньше Китаем управляли маньчжуры, теперь на их остров пришли японцы. После разгрома армии цинского правительства (не следует, все же, полностью ставить знак равенства между ним и Китаем) многие жители Тайваня избрали ту же линию поведения, что и их предки в конце 17 века после поражения антиманьчжурского сопротивления – перешли от борьбы к сотрудничеству.

В административной сфере политика японских властей в 1910-1920 гг. была нацелена на то, чтобы постепенно перейти от чрезвычайных мер к использованию норм японского законодательства, а также на то, чтобы шаг за шагом сократить сферу применения в тайваньской деревне положений традиционного "обычного" права и передать решение правовых вопросов администрации и судам. В области культурной политики Японии с 1920-х гг. появляются первые элементы ассимиляционных настроений. Некоторые японцы однако считали, что тайваньцы не готовы к ассимиляции, и что ассимиляцию надо заслужить преданностью и трудом во благо империи.

В целом японцы были готовы активно привлекать тайваньцев к участию в управлении островом в качестве чиновников и деятелей местного самоуправления, однако создание местного парламента и любые формы самоуправления в масштабе всего острова были исключены. Одной из своих важнейших задач власти считали создание и поддержание эффективной системы управления обществом.

В числе главных причин, обеспечивших успешное осуществление комплекса проведенных японской администрацией реформ, было создание четкой вертикали власти, проникавшей до деревенского уровня. В цинском Китае государственное управление сосредоточивалось в *ямэне*, а на деревенском уровне действовало несколько систем, создаваемых из местных жителей (*баоцзя* — отвечавшая за административный контроль, выявление преступников; *лицзя* — в рамках которой происходил сбор налогов; *шэ* — созданная для осуществления взаимопомощи и помощи неимущим; система *сяньюэ* — в рамках которой население должны были объясняться установленные императорами этические нормы). В целом эти системы (кроме, может быть, налоговой) были малоэффективны и фактически многие дела решались местными элитами (*шэньши* и богатыми землевладельцами).

На Тайване японцы в 1898 г. создают систему *токо* по типу *баоцзя*, в обязанности которой, однако, входил более широкий круг обязанностей от полицейских до поддержания чистоты, мелкого ремонта дорог, против проведения противозидемических мероприятий и т.д.

В цинскую эпоху за порядок в сельской местности отвечали *дибао* (околоточные). Судя по свидетельствам того времени, они не получали жалованья, существуя в основном за счет поборов с криминальных элементов и проституток (если таковых в их околотке не было, то *дибао* часто влачили полуголодное существование); они не начинали расследования, пока пострадавший не выделит денег на его проведение, часто не возвращали найденные вещи. Порой *дибао* становились бывшие преступники, оставившие свое прежнее ремесло.¹⁶

С приходом японцев в тайваньской деревне появляется решительная фигура японского полицейского. Полицейский получал неплохое по деревенским масштабам жалованье из казны (и был полностью независим от местного общества), всегда был одет по форме, был грамотным, неплохо подготовленным и оснащенным (полицейские участки снабжались телефонной связью, для тайваньских полицейских издавались специальные журналы, где публиковались учебные материалы, призванные повысить их уровень владения тайваньским диалектом, причем это делалось даже в те годы, когда на острове официально велась кампания за переход с тайваньского диалекта на японский язык).

Полицейский на Тайване был более чем стражем порядка. Он был основным представителем японской администрации в деревне. Полицейский руководил общественными работами, разъяснял и проводил в жизнь политику властей, а в некоторых случаях даже преподавал японский язык в местной школе. Появление чиновника, который мог непосредственно контролировать

ситуацию в сельской местности, делало тайваньское общество управляемым. В этих условиях повышалась собираемость налогов, отпадала необходимость кормить слой *шэньши*, традиционно получавший в китайской деревне доходы за свою роль посредника между крестьянами и государством и организатора общественных дел.

Упрощалась и жизнь крестьян. Для обращения к властям не надо было идти в *ямэнь*, где любое действие было сопряжено в поборами. Полицейский сам раз в два месяца обходил все дома своего участка, обитателей которого он знал лично (на одного полицейского в среднем приходилось по 500 чел.). Авторитет японского полицейского был непререкаем, так как всем было хорошо известно, что в случае неповиновения ему на помощь всегда готовы прибыть подразделения японской регулярной армии, формирования которой дислоцировались в наиболее важных городах острова.

В целом, в период 1895-1936 гг. на Тайване весьма успешно проходили интеграционные процессы, однако вопрос об ассимиляции тайваньского населения для японских властей тогда еще не был актуален.

С 1937 г., после японского вторжения в Китай, начинается реализация политики, получившей название *коминка* ("преобразование в подданных императора"), фактической целью которой была японизация тайваньцев. В условиях развертывавшейся масштабной экспансии в Восточной Азии японская администрация, видимо, стремилась сделать базовую территорию империи (метрополию и старые колонии) более однородной и монолитной с тем, чтобы повысить возможность мобилизовать ее ресурсы на нужды войны и усилить ее политическую надежность. Значительную роль здесь играли, видимо, и стремление окончательно провести грань между Тайванем и Китаем, а также общее усиление влияния японоцентристской консервативной национальной идеи в метрополии.

Политика *коминка* включала распространение японского языка, внедрение синтоизма и искоренение местных культов, смену имен жителей острова с китайских на японские, а также насаждение японского образа жизни.

1. Распространение "национального языка".

На Тайване даже в тяжелых условиях военного времени резко расширяется сеть так называемых общественных школ, где преподавание велось на японском языке. Доля посещавших школы детей школьного возраста увеличивается с 46,7 % в 1937 г. до 71,3 % в 1944 г.¹⁷ Получает широкое распространение созданная в 1929 г. сеть курсов по изучению японского языка для взрослых. Доля японоговорящего населения возрастает с 51 % в 1940 г. до 80 % в 1943 г.¹⁸

Интересно, что в самой Японии уже в 1936 г. из-за нехватки средств на образование 45% сельских школ было переведено с 6-летнего срока обучения на 4-летний.

2. Распространение синтоизма и искоренение местных культов.

Еще в 1925 г. все храмы на Тайване перешли под управление японского буддийского духовенства. К 1941 г. в 727 859 тайваньских домах устанавливаются синтоистские алтари¹⁹, уничтожается значительная часть китайских храмов (в период 1936-1942 гг. количество храмов уменьшилось с 3 403 до 2 327, *чжайтанов* (храмов синкретических религий традиции *чжайцзяо*) - с 246 до 224, религиозных обществ *шэньминхуй* - с 5 345 до 4 017)²⁰.

Если представить на карте данные по результатам политики "упорядочения храмов" в 1936-1942 гг., то вся территория Тайваня в соответствии с результатами проведения мер по реорганизации его религиозной жизни распадается на два региона:

1) относительно мало затронутые политикой "упорядочения храмов" северные районы острова – префектуры Тайхоку, Тайтю. Этот регион, видимо, рассматривался японской администрацией как уже достаточно японизированный, и задача по ликвидации в нем традиций китайской религиозной жизни не была первоочередной. Небольшое влияние оказала данная кампания и на префектуру Коренко, где была велика доля аборигенного населения.

2) более традиционные и консервативные южные районы (префектуры Тайнан, Такао, Тайто) и префектура Синтику, где китайские традиции были, судя по всему, сильны и по которым пришелся основной удар кампании по уничтожению храмов.

3. Кампания по "изменению имен".

За время проведения этой кампании в 1938-1945 гг. значительное число тайваньцев сменило свои имена на японские. Главным образом это были чиновники японской администрации, полицейские, учителя, а также врачи, торговцы и служащие японских компаний. Оценки общего числа тайваньцев, сменивших свои имена на японские, варьируются от 400 000 чел.²¹ до 700 000 чел.²² Принято считать, что кампания по "смене" имен была малоуспешной, так как, согласно вышеприведенным оценкам, доля изменивших имена тайваньцев была невелика (от 7 % до 12,3 %). Но фактически дело обстояло по-другому. Анализ нормативной базы этой кампании показывает, что до 1944 г. разрешение на смену имени получить можно было лишь на основании соответствия определенным критериям. Однако смягчение требований, предъявляемых к желающим сменить имя в 1944 г., вызвало резкое увеличение числа тайваньцев, сменивших свои имена на японские.

Насаждение японского образа жизни.

Японские власти не поощряли такие элементы тайваньской культуры, как "тайваньская опера" и традиционный кукольный театр. Тайваньцев принуждали носить одежду японского образца, упразднялись тайваньские обычаи проведения свадеб и похорон, соблюдения траура.

Показателем того, насколько японцам удалось достичь целей, поставленных курсом *коминка*, является ход развернувшегося на Тайване с 1941 г. движения добровольцев, изъявивших желание служить в императорской армии и участвовать в войне в Юго-Восточной Азии. Всего в период 1941-1945 гг. желание такого рода изъявили более 1 млн. тайваньцев. После введения всеобщей воинской повинности на Тайване всего в японскую армию было призвано 207 183 чел., из которых 30 304 чел. погибло (по другим оценкам – около 50 000 чел.²³). О настроениях тайваньских призывников говорит тот факт, что за все время боевых действий не было сколько-нибудь значительного перехода тайваньцев на сторону противника (всего в армии Китая в годы войны числилось не более 700 чел. выходцев с Тайваня.²⁴ Главным образом это были тайваньцы, уехавшие в Китай еще до войны. Последний тайванец, воевавший за японскую империю, сложил оружие в 1974 г. в джунглях Индонезии.²⁵

В целом японцам удалось в короткие сроки провести японизацию части населения, не вызвав массовых протестов. Причинами этого, видимо, были уже сложившиеся у части общества под влиянием описанных выше процессов и событий прояпонские настроения, жесткая система идеологического и полицейского контроля, возможность через японизацию повысить свой социальный статус и качество жизни. Это было обусловлено так же и тем, что Тайвань традиционно занимал периферийное положение в цинской империи и не имел с ней прочных связей. Для тайваньского крестьянина было, видимо, уже привычным, что остров управляется извне людьми, говорящими на непонятном ему языке и принадлежащими во многом другой культуре, а для вхождения в

более высокие общественные слои необходимо преодоление языкового барьера и усвоение новых культурных ценностей.

Японизация населения, как видно из вышесказанного, проходила неравномерно и, естественно, имела разные последствия для разных групп населения. В условиях того времени помимо распространения японского языка и некоторых элементов японской культуры, это привело также к формированию у части тайваньцев антикитайских настроений (которые, в силу ряда причин усилились в годы правления Гоминьдана на острове) и этнического самосознания, в рамках которого многие тайваньцы идентифицируют себя как иной народ, нежели китайцы, а Тайвань рассматривается как образование традиционного находящегося вне состава Китая.

Анализ исторического развития острова показывает, что благодаря мерам, осуществленным японской администрацией. Тайвань в сравнительно короткий период достиг существенного прогресса в своем развитии. Из традиционного, во многом сельскохозяйственного общества, представлявшего собой периферию стагнирующей империи, Тайвань превратился в регион со значительным промышленным потенциалом (который во многом обслуживался местными инженерами и техниками), где 36, 6% жителей в быту пользовались электричеством и другими благами западной цивилизации.

В последующие годы тема японского господства на острове получала на Тайване одностороннее освещение. Принято было говорить об использовании Японией человеческих и природных ресурсов острова, о сопротивлении японцам со стороны тайваньцев и т.д. При этом память о реальных, гораздо более сложных событиях прошедших десятилетий не только не ушла из сознания тайваньского населения, но и приобрела несколько идеализированные формы. Особенно явно прояпонские настроения части тайваньского общества стали проявляться в 1980-1990 гг. Если до этого о реальных чувствах значительной части населения можно было судить лишь по отдельным малозначимым фактам, то после либерализации общественной жизни эти настроения вышли на поверхность.

Все вышесказанное безусловно не отменяет самой негативной оценки, которую заслуживают чудовищные преступления японской армии в Китае, и не оправдывает стремления японцев в период оккупации создать современное общество на Тайване, лишив тайваньцев их собственной культуры и языка, не дав им возможности иметь реальное самоуправление, а лишь показывает, что процесс модернизации Азии (и не только в Азии) порой идет весьма сложными путями. Это также дает основания предположить, что многие явления, известные нам из монографий и учебников требуют дополнительного изучения.

Несомненно политика японской администрации на Тайване была обусловлена национальными интересами Японии, которая исходила из собственных прагматических расчетов. Но необходимо, признать и тот факт, что значительная часть японцев искренне верила в цивилизаторскую миссию своей страны и стремилась модернизировать Тайвань, — так же, как за несколько десятилетий до этого, европейское и американское влияние способствовало модернизации самой Японии.

1. Хуан Хунжэнь. Ли Дэнхуэй дэ баба ши жибэньжень? (Был ли отец Ли Дэнхуэй японцем?) Шанъе чжоукань. 1994. 24 октября. С. 26
2. Tsurumi E. Patricia. Japanese Colonial Education in Taiwan, 1895-1945. London, 1977. P. 148.
3. Основы японской системы образования. - Вестник Азии. №51. Харбин, 1924. с.146-162.
4. Серышев И. Основы японской системы образования. - Вестник Азии. №51. Харбин, 1924. С.138.

5. Серышев И. Основы японской системы образования. - Вестник Азии. №51. Харбин, 1924. С.145.
6. Tsurumi E. Patricia. Japanese Colonial Education in Taiwan, 1895-1945. London, 1977. P. 128.
7. Серышев И. Народное образование в Японии. - Вестник Азии. №52. Харбин, 1924. С.206.
8. Серышев И. Народное образование в Японии. - Вестник Азии. №52. Харбин, 1924. С.207.
9. Rutter O. Through Formosa. An Account of Japan's Island Colony. London, 1923. P. 116.
10. Rutter O. Through Formosa. An Account of Japan's Island Colony. London, 1923. P.157.
11. Тодер Ф.А. Тайвань и его история XIX в. Москва, 1978. С. 269
12. Lai Tse-Han, Ramon H. Myers, Wei Wou. A tragic beginning. The Taiwan uprising of February 28, 1947. Stanford, 1991. P.26.
13. Tsurumi E. Patricia. Japanese Colonial Education in Taiwan, 1895-1945. London, 1977. P. 221.
14. Жицзюй шици Тайвань фунюй цзефан юньдун. И "Тайвань миньбао" вэй фэньси чанъюй (1920-1932). (Движение за освобождение женщин на Тайване в период японского господства. По материалам газеты "Тайвань миньбао" (1920-1932)). Тайбэй, 1993. С.56-57.
15. Tsurumi E. Patricia. Japanese Colonial Education in Taiwan, 1895-1945. London, 1977. P.221-222.
16. Ch'u T'ung-tsu. Local Government in China under the Ch'ing. Cambridge, Mass., 1962.
17. Tsurumi E. Patricia. Japanese Colonial Education in Taiwan, 1895-1945. London, 1977. P. 148
18. Zhou Wanyao. The kominka movement: Taiwan under wartime Japan, 1937-1945. A Dissertation presented to the Faculty of the Graduate School of Yale University in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Yale University, 1991. P. 88-89.
19. У Юэюй. Жибэнь шици тайвань тунхуа чжэнцэ чжи яньцзю (Исследование политики ассимиляции на Тайване в период японского господства). Даньцзян, 1990. Диссертация, представленная на соискание докторской степени. Университет Даньцзян. С. 154.
20. Чэнь Линжун. Жибэнь шици тайвань цзунцзю чжэнцэ (Религиозная политика на Тайване во время японского господства). Тайбэй, 1992. С.254.
21. Zhou Wanyao. The kominka movement: Taiwan under wartime Japan, 1937-1945. A Dissertation presented to the Faculty of the Graduate School of Yale University in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Yale University, 1991. P. 130.
22. Lai Tse-Han, Ramon H. Myers, Wei Wou. A tragic beginning. The Taiwan uprising of February 28, 1947. Stanford, 1991. P.22.
23. Чэнь Шумэй. Хуйдао лиши сяньчан: тайжэнь яньчжун дэ чжунжи чжаньчжэн. (Возвращаясь к событиям прошлого: китайско-японская война глазами тайваньцев). Гуанхуа. 1995, vol. 20, # 11. С.18.
24. Чэнь Шумэй. Хуйдао лиши сяньчан: тайжэнь яньчжун дэ чжунжи чжаньчжэн. (Возвращаясь к событиям прошлого: китайско-японская война глазами тайваньцев). Гуанхуа. 1995, vol. 20, # 11. С.17.
25. Zhou Wanyao. The kominka movement: Taiwan under wartime Japan, 1937-1945. A Dissertation presented to the Faculty of the Graduate School of Yale University in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Yale University, 1991. P. 213.

Русские в Китае

Памятники России в Порт-Артуре

© 2000

А.Коваль

С конца XIX в. и до середины XX в. Россия дважды присутствовала в Китае на юге Ляодунского полуострова в районе Порт-Артур - Дальний.

До конца XIX в. главными базами русских владений на Тихом океане были последовательно - Охотск, Николаевск-на-Амуре и Владивосток. В конце века Россия начала строить Транссибирскую железную дорогу, чтобы связать центр страны с ее самой отдаленной окраиной - Дальним Востоком. В конце железная дорога должна была пройти от Забайкалья до Владивостока через китайские владения в Маньчжурии.

С укреплением позиций России в Маньчжурии после постройки железной дороги центр ее интересов сместился на юг, и стратегическое положение Владивостока, как главной базы русского флота на Тихом океане, ухудшилось. Царское правительство России запланировало приобрести в аренду какой-либо порт на побережье Кореи или Китая у выхода из Желтого моря, чтобы перенести сюда главную базу своего тихоокеанского флота. В 1897 г. выбор пал на Порт-Артур, и уже в конце этого года русская тихоокеанская эскадра под командованием адмирала Дубасова встала на якорь в гавани Порт-Артура (Льюшунью). После заключения 15 марта 1898 г. договора с Китаем об аренде этого района Порт-Артур стал главной базой русского флота на Тихом океане¹.

Таким образом, исконное движение России на восток, начавшееся в самую раннюю ее эпоху походами новгородской вольницы и позже освоением Сибири, закончилось в конце XIX в. выходом к берегам Желтого моря. Но здесь, на скалистых берегах Квантунского полуострова, Россия натолкнулась на встречное движение со стороны Японии².

В январе 1904 г. японский флот внезапно напал на порт-артурскую эскадру, беспечно стоящую на рейде. Так началась русско-японская война 1904-1905 гг. Военные действия в Маньчжурии в ходе всей кампании развивались крайне неблагоприятно для русской армии. Одним из ключевых моментов этой войны было сражение за город и крепость Порт-Артур. Произошло несколько кровопролитных битв, в которых и русские, и японцы понесли большие потери. При этом погибли и главные руководители обороны Порт-Артура - адмирал С.О.Макаров и генерал Р.И.Кондратенко. В конце 1904 г. крепость Порт-Артур пала³.

Во время осады крепости обе стороны, японцы и русские, проявили невиданные упорство и ожесточенность в достижении своих целей - одним взять крепость, другим отстоять ее. Это ожесточенное противостояние русских и японских солдат в боях за крепость описал, как очевидец, на примере штурма японцами одной из главных позиций обороны русскими защитниками, горы Высокой (Высота 203), английский журналист Э.Бартелетт.

“Редко во время войны представляется случай обнаружить столь высокие качества храбрости, стойкости и преданности долгу, какие были проявлены японскими и русскими солдатами в борьбе за эту высоту. Укрепления на гребнях обеих вершин были разрушены до неузнаваемости. Среди этого смешения каменных глыб, гранат, исковерканного оружия лежали сотни трупов японских и русских солдат. И японские и русские войска выказали в эти ужасные дни такое мужество и неустрашимость, что подвиги их затмили все героические эпизоды, имевшие место во время этой осады. Слава в этой борьбе в равной степени принадлежит обеим сторонам”⁴.

Другим ключевым участком обороны Порт-Артура считалась группа высот с укреплениями на них к северу от города - форт № 2, батареи Орлиное гнездо и Литер Б. Здесь шли такие же кровопролитные сражения, как и за гору Высокую, и только после гибели почти всех их защитников русские войска оставили эти позиции и крепость Порт-Артур пала.

Длительная и тяжелая борьба за Порт-Артур, огромные людские потери, понесенные обеими армиями, оставили глубокий след в душе не только русского народа, но и японского.

Корабль-великан не вернулся домой.
У Порт-Артура в гучине морской
Десять тысяч людей - игрушка прибоя.

Так написала в те дни японская поэтесса Есана Кан⁵.

Русско-японская война закончилась поражением России, и летом 1905 г. Россия и Япония подписали Портсмутский мирный договор. По этому договору Порт-Артур и все прилегающие к нему территории вместе с арендными правами на них отходили от России к Японии. Примечателен 5-й пункт этого договора. По нему Япония приобретала права на все “общественные сооружения и имущества” в районе Порт-Артур - Дальний⁶. В дальнейшем этот пункт послужил основанием для отчуждения русского гражданского кладбища в Порт-Артуре и его преобразования в мемориал памяти русских солдат, погибших при защите города.

Героизм русских солдат, проявленный ими при обороне города, настолько поразил японцев, что они решили воздать им должное - построить в их честь для увековечивания памяти воинский мемориал. При этом было решено воздать почести в равной степени солдатам обеих сторон и кроме воинских кладбищ построить отдельные памятники-obelisks на вершинах тех сопков, где шли наиболее кровопролитные сражения. К созданию воинских мемориалов японским и русским солдатам, погибшим при осаде крепости, японцы приступили сразу же после окончания войны.

Эти памятники стали особо почитаемыми местами для японцев в Порт-Артуре, бывший командующий японской осадной армией генерал Ноги выразил это в своей стихотворной поэме:

...Обломки и трупы покрывали склоны гор,
Взрывы снарядов изменяли их очертания,
Такой трагедии не было на земле

С тех пор как появились боги.
Пока будет длиться вечность,
Эти горы останутся священными для нас,
И сегодня я даю им новое имя -
"Горы победного высокого духа"⁷.

Сразу же после падения Порт-Артурса со всех фортов, батарей и временных кладбищ были собраны останки погибших. Для японских солдат памятный мемориал возвели на горе Перепелиной, для захоронения русских солдат использовали прежнее русское кладбище у подножия горы Саперной. Пользуясь своим правом победителей, японцы уменьшили площадь русского кладбища с 6 до 2-х десятин и обнесли его новой оградой. Памятный мемориал на нем возвели по инициативе генерал-губернатора Квантунской области генерала Ошимы. На кладбище устроили 12 братских могил - под белыми крестами офицерские, под чугунными - солдатские захоронения. Всего в братских и отдельных могилах тогда захоронили 14631 человека - русских защитников Порт-Артурса. Центром этого мемориала стала православная часовня высотой 15 м, построенная из гранита и мрамора. С лицевой стороны часовни на беломраморной колонне была сделана надпись - "Здесь покоятся бранные останки доблестных героев, павших при защите крепости Порт-Артур. Памятник сей поставлен японским правительством в 1907 году"⁸.

Русское кладбище было торжественно открыто в июне 1908 г. в присутствии русской военной делегации во главе с генералом Гернгроссом, адмиралами Чичаговым и Матусевичем. Со стороны японцев церемонию открытия возглавил герой взятия Порт-Артурса генерал Ноги. Во время открытия мемориала генерал прослезился, ведь у него самого при штурме крепости погибли два сына офицера. Воинские почести павшим были отданы полком и флотским отрядом японских войск. Над могилами русских было склонено японское боевое знамя⁹.

Позднее, в 1912 г., перед входом на Русское кладбище уже русские мастера установили беломраморный христианский крест высотой 8 м. На его лицевой стороне высекли слова "Вечная память доблестным защитникам Порт-Артурса, жизнь свою положившим за Веру, Царя и Отечество. Больше сея любви никто не имать, да кто душу свою положит за други своя"¹⁰.

В 1946 г. рядом с этим крестом уже советской военной адми-

Памятник летчику Ф.А. Шебанову на русском кладбище в г.Люйшунь, погибшему в Корее в 1951 г.

нистрацией была похоронена последняя защитница Порт-Артура, бывшая сестра милосердия Е.И.Едренева¹¹.

В 1913 г. японские водолазы обследовали на морском дне броненосец "Петропавловск", на котором в марте 1904 г. погибли командующий русской эскадрой в Порт-Артуре адмирал С.О.Макаров и его друг, русский художник В.В.Верещагин. На броненосце были найдены останки погибших моряков. Гробы с этими останками после отпевания в русской церкви в Дальнем японский почетный караул доставил в Порт-Артур, где их похоронили на Русском кладбище. От России на этой церемонии присутствовал воинский караул во главе с "Высочашего соизволения" назначенным представителем русского флота адмиралом Яковлевым¹².

Кроме возведения мемориалов русским и японским солдатам, павшим в Порт-Артуре, японцы построили отдельные памятники-obelisks на главных фортах и батареях крепости: на г.Высокой, форте № 2, батареях Орлиное гнездо и Литер Б. Обелиски представляют собой усеченные четырехгранные пирамиды высотой до 5 м, сложенные из необтесанных глыб гранита голубого цвета. Надписи на японском языке гласят, что они поставлены в "воздаяние геройства павших"¹³. Отдельный обелиск из цельной глыбы светло-серого гранита был установлен на развалинах офицерского каземата форта № 2, где погиб генерал Р.И.Кондратенко. Впоследствии почтовые открытки с цветным изображением всех этих памятников широко разошлись по стране.

В 1913 г. для обустройства всех памятников русско-японской войны в Маньчжурии возникло "Общество сохранения памятников войны в Маньчжурии". в него вошли высшие чины Квантунского генерал-губернаторства, Общества Южно-Маньчжурской железной дороги, видные деятели и "уважаемые лица из числа простых обывателей". Обязанность Общества, кроме создания и содержания памятников, заключалась в постройке дорог к ним помещения для смотрителя памятников Порт-Артура. На осуществление этих целей был объявлен сбор пожертвований среди японских подданных. Постройку всех монументов было решено закончить к концу 1918 г.¹⁴

В 1928 г., когда исполнилось 20 лет со дня издания указа Николая II о посылке на Дальний Восток особой комиссии для обустройства русских военных кладбищ в Маньчжурии, русский генерал Ханжин, проживавший в эмиграции в г.Дальнем, основал Попечительский совет по охране и приведению в порядок Порт-артурского кладбища¹⁵.

Эпопея 1904 г. глубоко потрясла всех жителей России. Это событие нашло своеобразное отражение на карте страны, выразившееся в возникновении особых, топонимических "памятников" русско-японской войне. В разное время на картах России появилось несколько "порт-артурских" названий: поселок "Порт-Артур" в Челябинской области, геологическое образование "Порт-Артур" в среднем течении реки Большой Узень (Северный Прикаспий) и озеро "Порт-Артур" на Кольском полуострове¹⁶.

Все порт-артурские памятники и мемориалы начала века сохранились в городе и его окрестностях до наших дней. Развалины фортов, батарей и памятников на них в настоящее время являются туристическими объектами и привлекают множество посетителей¹⁷.

Наступил 1945 г. После окончания войны на Дальнем Востоке, в соответствии с договором от 14.08.1945 г. между Китаем и СССР, район Порт-Артур - Дальний стал использоваться обеими договаривающимися сторонами как военно-морская база для предотвращения повторной агрессии со стороны Японии¹⁸. В конце августа 1945 г. Советская Армия вступила в Порт-Артур, который для нее являлся конечной целью в войне против империалистической Японии на территории Маньчжурии. На Русском кладбище Порт-Артура

Русское кладбище в г.Ляюшунь.

вновь появились свежие могилы. Первыми похоронили 174 человека, погибших при освобождении Ляодунского полуострова¹⁹.

Всего на Русском кладбище Порт-Артура за период 1945-1955 гг. было захоронено 2030 советских граждан, в том числе 1408 военнослужащих и 630 их родственников²⁰. Из общего числа военнослужащих 645 человек погибли при несении службы в Порт-Артуре с 1946 по 1949 гг. Кроме того, здесь похоронили 241 советского военнослужащего, погибшего в небе Северной Кореи в корейской войне 1950-1953 гг., в том числе 107 летчиков, из которых трое - Герои Советского Союза. Все советские воины, погибшие в Порт-Артуре с 1946 по 1949 гг., а также в корейской войне, согласно Закону РФ "Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества", занесены в "Книгу Памяти"²¹.

В 50-х годах на Русском кладбище для увековечивания памяти советских военнослужащих, погибших в Порт-Артуре и на Ляодунском полуострове при его освобождении, воздвигли новый памятник. Работу по проектированию и его изготовлению выполнил ведущий китайский скульптор, начальник скульптурного факультета Академии художеств КНР, профессор Ли Хуньди в творческом содружестве с сотрудником политотдела военно-морской базы В.Шаховым. Памятник представляет собой мраморную колонну на трехступенчатом гранитном основании. По бокам колонны стоят две коленапреклоненные бронзовые фигуры солдата и матроса со склоненными знаменами. В нижней части колонны укреплен бронзовая доска с надписью на ней - "Вечная память героям, с честью погибшим за свободу и счастье народов двух стран - СССР и Китая". фигуры русских солдат китайский скульптор лепил с порт-артурцев - солдата В.Павелко и матроса Ю.Костина²².

В настоящее время общая площадь Русского кладбища составляет 4,8 га и оно является самым большим мемориальным комплексом России на территории Китая. На нем находится более 1600 памятников и скульптур. Весь

*Памятник Советской Армии,
освободившей Ляодун в 1945 г.,
в г.Люйшунь.*

этот ансамбль признан объектом, имеющим высокую историческую и художественную ценность. В 1988 г. из Китая пришло сообщение, что русский мемориал в Порт-Артуре будет сохраняться как памятник провинциального значения²³.

За время пребывания советских войск в Порт-Артуре здесь было построено еще несколько памятников в честь Советской Армии. Так, 3 сентября 1949 г. в ознаменование годовщины победы над Японией в городском парке "Дружба" торжественно открыли памятник Советской Армии, освободившей Порт-Артур в 1945 г. Его высота 15 м, материал - светло-серый и красный полированный гранит²⁴.

В конце февраля 1955 г. в Порт-Артуре состоялся массовый митинг китайских и советских воинов, представителей различных слоев населения города. Этот митинг был посвящен закладке Монумента советско-китайской дружбы. При закладке Монумента присутствовали министр обороны КНР Пын Дэхуай, председатель центрального правления Общества китайско-советской дружбы Сун Цинлин, председатель Китайского комитета защиты мира Го Можо и представители советского командования²⁵.

Открытие этого Монумента произошло в 1958 г. совместно с открытием памятника Советской Армии, освободившей Ляодун в 1945 г. (Monument of Victory на современной карте Порт-Артура)²⁶.

Монумент Дружбы представляет собой многогранную колонну из белого мрамора, стоящую на трехступенчатом гранитном основании, на его верхнюю площадку ведут четыре широкие лестницы. У основания колонны стоят двенадцать скульптур из белого камня, символизирующие дружбу двух народов. Общая высота памятника 25 м.

Монумент Победы (Освобождения Ляодуна) имеет вид шестигранного столпа, увенчанного граненым шпилем с пятиконечной звездой наверху. Столп в основании окружен ажурным постаментом высотой около 10 м диаметром 15 м, сделанным из розового гранита. Под ажурным основанием укреплены бронзовые доски с выгравированными словами благодарности Советской Армии. Высота всего сооружения 25 м.

В 50-е годы в центре Порт-Артура был открыт Военно-исторический музей с отделом, посвященным советско-китайской дружбе. Здесь широко были представлены документы, материалы и фотографии, рассказывающие об освобождении города в 1945 г. и истории пребывания Советской Армии в Порт-Артуре. На витринах музей были выставлены подарки китайского населения советским воинам - предметы, выполненные из серебра, красного дерева, альбомы с дарственными надписями. На фотографиях были запечатлены моменты из повседневной жизни советских воинов и помощи, которую они

оказывали местному населению - ремонт трактора, уборка урожая, вспашка земли²⁷.

По устным сообщениям, в 50-е годы в центре Порт-Артура был установлен как памятник советский боевой танк из числа тех, что первыми вошли в город в августе 1945 г. На пьедестале этого памятника укреплен табличка с надписью на русском и китайском языках - "Слава Советской Армии освободительнице".

В настоящее время все исторические реликвии, имеющие отношение к истории и памяти России, находятся под заботливой опекой местных властей и населения города, что свидетельствует о сохранении китайским народом чувства дружбы к русскому народу и памяти своих освободителей.

Сейчас г.Порт-Артур (Люйшунь) по количеству исторических памятников и реликвий, имеющих отношение к России, является уникальным городом, равным которому, по-видимому, нет за пределами нашей страны.

1. Морской Атлас. М., 1959. Т. 3. С. 643-645.
2. Вестник Азии. Харбин, 1911. № 10.
3. Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 20. С. 379.
4. Бартелетт Э. Порт-Артур - осада и капитуляция. Спб., 1908 (пер. с англ.).
5. На земле, в небесах и на море. М., 1979. С. 341-342.
6. Спутник по Дальнему Востоку. Харбин, 1910/1911.
7. Порт-Артур. Дайрен, 1915. (на англ. яз.).
8. Разведчик. Спб. № 1099. С. 730-731.
9. Вокруг света. М., 1908. № 27. С. 461.
10. Разведчик. Там же. С. 732.
11. Портартурец. Порт-Артур. 1946. 3 августа.
12. Морской сборник. Спб., 1913. Т. 12. С. 159.
13. Разведчик. Там же. С. 732.
14. Китай и Япония. Хабаровск, 1913. Т. 12. С. 159.
15. Хисамутдинов А.А. Русские в Дальнем // Вопросы истории. 1998. № 1.
16. Топографические карты СССР. N-41, L-39, R-35, 36.
17. Китай. КНР, 1984. № 10.
18. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 3. С. 467-469.
19. Список павших советских воинов, захороненных в г.Люйшунь (КНР). КНР, Люйда, 1992. Архив Общества российско-китайской дружбы.
20. Вечным сном спят в китайской земле. М., 1997. С. 91.
21. Книга Памяти (1946-1982 гг.). М., 1999. Т. 10.
22. Портартурец. 1955. 30 апреля.
23. Вечным сном... С. 241.
24. Народный Китай. 1955. С. 241.
25. Портартурец. 1955. 25 февраля.
26. Дружба. 1958. № 2.
27. Во славу Родины. Порт-Артур. 1955. 13 марта.

“Конфуцианский пласт” в мировоззрении китайских реформаторов

**(Некоторые размышления в связи с выходом
книги Титаренко М.Л.**

“Китай: цивилизация и реформы”. М. 1999. 237 с.)

Новая книга члена-корреспондента РАН М.Л.Титаренко является логическим продолжением его трудов, опубликованных в последние годы (“Россия и Восточная Азия” (М., 1994) и “Россия лицом к Азии” (М., 1998). В данной работе рассматривается круг проблем, связанных с комплексным исследованием истории Китая, социально-экономических процессов, его философии в древности и новейшее время, нацеленным на раскрытие главного - специфики китайской цивилизации. Структурно книга состоит из двух разделов: I. Китайский феномен и II. Китаеведение. Она объединяет переработанные доклады М.Титаренко на различных крупных международных и внутривосточных конференциях, включая выступление на “круглом столе” Совета Федерации Федерального Собрания РФ. В целом, на наш взгляд, М.Титаренко удалось убедительно показать, что основой модернизации Китая стал синтез заимствованных западных ценностей, его технократической культуры с восточными духовными ценностями, при сохранении национальной культурной идентичности и цивилизационной самобытности.

Работа охватывает большой круг актуальных проблем, включая проблему интеграции России в АТР и др., где автор выступает и как самостоятельный исследователь, и как руководитель ряда соответствующих проектов института. Представляется, что специалисты по этим вопросам смогут по достоинству оценить новизну подходов автора к их решению.

Отклики на эти части книги уже появились в ряде публикаций. Мне же хочется поделиться некоторыми соображениями о том, как автор решает проблему сочетания традиционности и современности, что весьма важно для понимания специфики китайской цивилизации.

В этой связи следует отметить, что одним из достоинств данной работы является умение автора выделить и наглядно показать роль традиционной китайской философии в процессе модернизации страны. Анализируя и сопоставляя воззрения Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, М.Л.Титаренко вскрывает “конфуцианский пласт” в теории последнего. Он пишет: “В процессе “китаизации” идеи социализма Дэн Сяопин активно дополняет свою теорию социально-этическими идеями Конфуция (о доверии и взаимном долге между верхами и низами, почитании старших, важности заботы о благоденствии народа, дисципли-

лине, справедливости и т.д.). Не случайно ближайшая цель реформ определена конфуцианским термином *сяокан* - достижение "малого благоденствия", среднего достатка. Ныне официальная линия КПК также исходит из преемственности между марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина. Именно такая формула преемственности внесена XV съездом КПК в Устав партии" (стр. 106). Заслуживает серьезного внимания высказыванная в книге М.Титаренко и мысль о том, что на концепцию политики реформ и открытости внешнему миру оказали "в определенной степени достижения Тайваня в области экономического и культурного (подчеркнуто мной. - Л.П.) строительства..." (стр. 29).

Что касается конфуцианского пласта в концепциях социализма Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, особенно в той части, где речь идет о преемственности, то мне бы хотелось дополнить рассуждения автора и кое о чем поспорить с ним.

Когда мы анализируем воззрения крупных китайских политических деятелей, сыгравших ключевую роль в выработке стратегии страны, особенно в той ее части, где используется традиционная философия и политическая мысль, необходимо учитывать, что огромный багаж знаний и теоретических открытий в области построения модели оптимального соотношения интересов государства, общества и человека, который накопили ее творцы за более чем четырехсотлетний период еще в VI-III вв. до н.э. был востребован далеко не полностью. Императорская система и последовавшие за ней государственные структуры реализовывали лишь те идеи и концепции, которые нужны были им для успешного и долговременного функционирования. Таким образом Китай и по сей день обладает ценной национальной кладовой, духовные и интеллектуальные потенции которой еще далеко не исчерпаны. И это дает возможность потомкам черпать здесь не только идеи, знаковые термины, но и давать им свою трактовку, необходимую конкретному деятелю для обоснования своей теории - такова специфика политической культуры, где ссылка на древность всегда была весомым аргументом. Подчас наследнику цивилизации достаточно было лишь упомянуть имя древнего философа, либо обратиться с собственной трактовкой к знаковому термину и для тех, кто вырос в данном культурном пространстве, становится понятной его политическая позиция. Основу такой культурной традиции заложил сам Конфуций.

Почему Дэн Сяопин на склоне лет обратился именно к *сяокан*, связав цели социализма с китайской спецификой именно с этой социальной утопией Конфуция? Попытаюсь вкратце реконструировать ход его размышлений.

Можно предположить, что Дэн Сяопин мог и не знать о месте и времени появления этого понятия. Он мог не знать, что впервые о *сяокан* упоминается в "Ши цзине" в разделе "Великие оды" во второй части оды "Народ страждет". Но он наверняка знал, как трактовал *сяокан* сам Конфуций, ибо это азбучная истина для любого руководителя стран конфуцианского культурного региона. Вполне возможно, что перечитывая "Лунь юй" и "Мэн-цзы", с комментариями, он обратил внимание на то, что Мэн-цзы в отличие от Конфуция внес в свою трактовку *сяокан* экономическое содержание. Как известно, Мэн-цзы руководствовался суждением Конфуция - "сначала обогатить народ, а потом уже воспитывать". Дэн Сяопин знал, что в своих теоретических разработках Мао не обращался к *сяокан*, предпочитая рассуждать о второй социальной утопии Конфуция - *Датун* - "Великое единение", к которой обращался и Сунь Ятсен. Таким образом в идейно-политическом багаже большинства китайских политиков в первой половине XX века идея *сяокан* не была использована. Лишь Чан Кайши, который, высадившись с остатками разбитой армии на Тайване, обещал построить на этом китайском острове "общество малого благоденствия" (*сяокан*).

Работы Чэнь Лифу - старого соратника Чан Кайши - содержание наших с ним бесед - последняя состоялась в июле 1999 г. - дают основание полагать, что обращение Чан Кайши к сяохан произошло не без его помощи как знатока конфуцианских канонов. Чэнь Лифу, в его бытность, министром образования Китая ввел в учебных заведениях страны изучение конфуцианской классики. Эту же политику он проводил и на Тайване. Руководствуясь суждением Конфуция "В деле образования не может быть различий", - говорил он мне во время последней беседы, - я послал за счет государства тысячи студентов в США, именно они и создали современный Тайвань". Об этом же Чэнь Лифу пишет в одной из своих последних работ.*

В период "великой пролетарской культурной революции", когда в КНР была развернута кампания "критики Линь Бяо и Конфуция" и "четверка" призывала "добить Конфуция, как крысу, перебегающую улицу", Тайвань выступил с резкой критикой этой кампании. Дэн Сяопин, видимо, был осведомлен о той критике, которая неслась с другой стороны пролива, и конечно он не мог не обратить внимание на то, что руководители Японии, Южной Кореи, Сингапура, Гонконга, не говоря уже о Тайване, подчеркивая свое отличие от других капиталистических стран, именовали свой капитализм - "конфуцианским капитализмом".

КНР же, особенно из-за кампании "критики Линь Бяо и Конфуция", оказалась в духовной изоляции внутри собственного, созданного за многие столетия Китаем - конфуцианского культурного региона. В этих условиях установка Дэн Сяопина на мирное воссоединение с Тайванем в рамках концепции "одно государство - две системы" во многом утрачивала свою действенность. Дэн Сяопин понимал, что КПК необходимо было менять свое отношение к конфуцианству. И здесь важную роль в "конфуцианизации" мировоззрения Дэн Сяопина сыграл положительный опыт экономического развития стран конфуцианского культурного региона и в частности Сингапура. Дэн Сяопин уже давно присматривался к методам правления Ли Куан Ю, сумевшего за 30 лет руководством Сингапуром превратить безресурсную страну в современное процветающее государство.

Объясняя в одном из своих выступлений механизм возрождения Сингапура, Ли Куан Ю обращал внимание на следующую закономерность, происходящую из основ конфуцианства: "До тех пор пока руководители заботятся о благе народа, народ будет подчиняться им. Такой тип взаимоотношений является базисным. Именно уважение к руководителям со стороны народа обеспечило благосклонное отношение к политике сингапурского правительства. Сингапурцы упорно трудились, делали сбережения, отказывая себе во многом ради будущего своих детей. Они страстно верили в образование и ученость, верили в идеалы цзюнь цзы (благородного мужа. - Л.П.) и мечтали, чтобы их дети были честными, высокоморальными и образованными. Они верили, что новые поколения будут хорошо воспитаны, приучены к дисциплине и образованы. Они надеялись, что когда дети вырастут, они прославят свои семьи. Все это было основано на конфуцианской вере в то, что самосовершенствование, нормальные семейные отношения, нормальное управление страной обеспечат мир под Небом". Не исключено, что во время своих бесед с Дэн Сяопином, Ли Куан Ю подчеркивал особую значимость конфуцианских ценностей в процессе реформирования страны. Сингапурские конфуциеведы говорили мне, что Ли Куан Ю стал как бы негласным советником Дэна при проведении его зна-

* Чэнь Лифу. "Каким образом китайская культура сможет заслужить уважение всех людей, дабы стать фундаментом незыблемого мирного существования?". Тайбэй, 1998 г. С. 15, 23. (кит. яз.).

менитых реформ. Кстати, именно по рекомендации Ли Куан Ю в КНР была создана международная Конфуцианская Ассоциация, почетным председателем которой со дня ее основания является экс-премьер Сингапура.

Дэн Сяопин, очевидно, понимал, что только он, с его непререкаемым авторитетом, сможет помочь Китаю вырваться из культурной изоляции, куда его загнала "четверка", мобилизовать национальные, в том числе и духовные, ресурсы. А для этого необходимо было прежде всего вернуть стране утраченное право на конфуцианское наследие. И Дэн Сяопин возвращает страну в конфуцианский культурный регион. И в этом ему должно было помочь обращение к *сяокан*.

Впервые о *сяокан*, как цели реформ - "достижении уровня средней зажиточности" до 2000 г. Дэн Сяопин заявил в 1979 г., вскоре после исторического 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, внесшего существенные изменения в методы строительства социализма. Эта установка была затем закреплена в важных государственных и партийно-правительственных документах КНР в 80-90-е годы. Что же касается проблемы сугубо конфуцианской преемственности, то я бы связал трактовку Дэн Сяопина с трактовкой Мэн-цзы, где подробно расписана экономическая составляющая *сяокан*, направленная на достижение благосостояния народа. Именно с *сяокан* Дэн Сяопина в общественно-политических кругах КНР возрос интерес к конфуцианству, активизировались научные разработки в этой области, о чем свидетельствовала и проведенная в Пекине международная конференция, посвященная 2550-й годовщине со дня рождения Конфуция. Во время заключительной беседы с делегатами конференции в зале Народных Представителей член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Председатель НПКСК Ли Жуйхуань в ответ на вопрос: "Как Вы оцениваете конфуцианство?", сказал, что конфуцианство является одним из важнейших элементов китайской духовной традиции.

Следует отметить, что изменение отношения в КНР к конфуцианству не прошло незамеченным на Тайване. Так, Чэнь Лифу в упоминавшейся работе особо подчеркивает роль конфуцианства в воссоединении нации. Он пишет: "Ныне китайская культура является основой мирного объединения страны. Усиление научного обмена в области исследования Конфуция и Мэн-цзы между учеными, живущими по обе стороны от Тайваньского пролива может способствовать мирному объединению Китая".*

Завершая сопоставление теорий построения социализма Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, М.Л.Тигаренко приходит к вполне обоснованному выводу: "Итак, взгляды Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина на социализм и методологически, и теоретически содержат серьезные различия. Второго отличает от первого реалистически-прагматический подход к теории, учитывающий конкретные исторические условия Китая и его национальную специфику не только декларативно" (стр. 113). За этим выводом скрывается многое. *Сяокан* Дэн Сяопина следует рассматривать, если мы говорим о двух подходах к теории социализма, в тесной связи с трактовкой Мао Цзэдуном концепции *Датун*. Если у последнего это застыло на уровне декларации, то трактовка первого уже дала свои положительные результаты и еще будет работать на благо Китая многие годы. По поводу же дальнейшей судьбы *сяокан* у меня зародилась "крамольная" мысль - а не происходит ли в Китае с благословения Дэн Сяопина строительство специфического, т.е. конфуцианского рыночного социализма?

Наряду с соображениями о том, что *сяокан* термин знаковый, хотелось бы дополнить мнение автора о наличии двух тенденций в китайской философии: "Как известно, в китайской философии существуют две тенденции. Одна

* См. Чэнь Лифу. Там же. С. 24

- даосско-буддийская, проповедующая пассивную созерцательность и естественность в подходах к жизни и природе; другая - конфуцианско-моистская, выступающая за активную позицию человека. Она провозглашает тезис о "непрерывном самоусилении", а также "достижении культуры и просветленности через твердость в созидании" (стр. 25). Соглашаясь с оценкой этих двух тенденций, полагаю необходимым дополнить ее указанием и на наличие третьей тенденции. Если исходить из специфики китайской философии в пору ее "золотого века", то в ней присутствует еще одна тенденция - легистская концепция решающей роли государства в обустройстве общественной и государственной жизни. В период антиконфуцианской кампании "четверка" проповедовала крайние формы легизма, притом в извращенном виде. В XX в. позитивная сторона легистских воззрений о регулирующей роли государства в обустройстве общества и решении его насущных проблем в той или иной форме была воплощена в жизнь в НИС Восточной Азии и Дэн Сяопином в КНР.

Рецензируемая книга, где отражены авторские научные разработки и выводы руководителя крупного научного коллектива, усилия которого направлены на благо России, на поиск оптимальной модели сотрудничества нашей страны не только с Китаем, но и с другими странами Восточной Азии, заслуживает высокой оценки не только, как достижение специалиста-китаеоведа, но и как патриота своей страны. Российская общественность получила книгу не созерцателя, а борца за будущее России - великой евразийской державы, не только соединяющей Запад и Восток, но и проводящей национальную доктрину, учитывающую лучшие достижения китайской и других цивилизаций.

P.S. Наглядным свидетельством признания заслуг М.Л.Титаренко в области изучения специфики китайской цивилизации является его единогласное избрание (совместно с академиком С.Л.Тихвинским) в число советников Международной Конфуцианской Ассоциации в октябре 1999 г. на торжественном заседании Ассоциации в Пекине.

Культура

Профессор Алексей Петрович Рогачев к 100-летию со дня рождения

11 февраля 2000-го года исполняется 100 лет со дня рождения видного российского китаеведа, профессора Алексея Петровича Рогачева. Эта знаменательная дата дает возможность его бывшим коллегам, ученикам и читателям книг в его переводе воздать должное его памяти, выказать уважение и благодарность человеку, всю свою жизнь посвятившему синологии.

Алексей Петрович родился в 1900 году в далеком Усть-Каменогорске, находящемся в Восточном Казахстане. Только ему, старшему в большой многодетной семье, удалось получить образование, поскольку он учился в школе за казенный счет.

В 1920 г. он поступил на только что организованное Восточное отделение Иркутского государственного университета. Осенью следующего 1921 г. был направлен в Москву, где стал студентом Дальневосточного факультета Института Востоковедения им. Н.Нариманова.

Весной 1924 г., когда А.П.Рогачев еще учился на третьем курсе, его направили на практику в Китай. Эта командировка затянулась на несколько лет, в течение которых ему пришлось работать в различных районах Китая и Дальнего Востока России. Начинаящий китаист работал на различных должностях - в отделениях Дальбанка в Чите, Харбине, Калгане, Пекине.

Летом 1925 г. А.П.Рогачев стал сотрудником полпредства СССР в Пекине, осенью того же года был переведен на работу в группу советских военных советников. Сначала он работал при штабе Народной армии Фын Юйсяна в Калгане, затем зимой 1926 г. в группе военных советников при Национально-революционной армии в Кантоне. Работал вначале в южно-китайской группе военных советников при Национально-революционной армии, потом в аппарате главного политического советника М.М.Бородин при национальном правительстве на юге Китая. Годы командировки А.П.Рогачева проходили в один из самых напряженных и интересных периодов китайской революции. После успешного завершения Северного похода и переезда правительственных учре-

ждений в Ухань А.П.Рогачев работал в гг. Ханькоу и Наньчане. Он был свидетелем сложных, интересных и порой драматических событий в истории Китая. Находясь по роду своей деятельности в постоянных разъездах по различным провинциям и городам страны, смог близко познакомиться с бытом и жизнью самых различных слоев китайского общества. С одной из воинских частей он принял участие в знаменитом Северном походе от Кантона до Ханькоу.

Летом 1927 г. в связи с резким обострением политической обстановки в Китае А.П.Рогачев вместе с другими советскими работниками возвратился на Родину. Путь домой был долгим и интересным: на машине ему довелось проехать от Ханькоу до Кяхты, через провинции центрального и северного Китая, а потом через Монголию.

За время своего пребывания в Китае А.П.Рогачев имел возможность близко и воочию ознакомиться с культурой, бытом, традициями этой страны. Он в совершенстве овладел языком, проникся чувством глубокого уважения к трудолюбивому и талантливому китайскому народу. Эти неизгладимые впечатления основательно повлияли на всю его дальнейшую деятельность.

По возвращении в Москву А.П.Рогачев окончил Московский Институт Востоковедения (китайский сектор Дальневосточного факультета) и в 1928 г. начал работать заведующим переводческим отделом Университета китайских трудящихся имени Сунь Ятсена в Москве. Однако он проработал в этом качестве недолго и был переведен на работу в Наркоминдел СССР. Осенью 1928 г. Алексей Петрович был направлен на работу в Генеральное консульство СССР в Урумчи (Западный Китай), где находился до 1934 г. В этот период работы в Китае ему вновь пришлось быть свидетелем сложных политических событий, происходивших в этом регионе страны, и в частности, дунганского восстания.

После возвращения из Урумчи А.П.Рогачев стал работать старшим референтом Дальневосточного отдела Наркоминдела. В 1935 г. по совместительству стал преподавателем китайского языка в Московском Институте Востоковедения. Осенью 1936 г. он был снова командирован в Китай в качестве заведующего Информбюро Генерального консульства СССР в Харбине, несколько лет находился с семьей в весьма сложных условиях японской оккупации Маньчжурии.

Вернувшись осенью 1939 г. в Москву, А.П.Рогачев перешел к научно-педагогической деятельности, которая продолжалась почти 40 лет. На Восточном отделении исторического факультета МГУ, в Московском Институте Востоковедения, в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), в Высшей дипломатической школе при МИД СССР, в Институте восточных языков при МГУ, в других учебных заведениях и научных центрах Москвы за эти годы им была подготовлена целая плеяда китаистов. Одновременно в течение ряда лет он исполнял обязанности заведующего учебной частью, заместителя директора по учебной части МИВ и т.д.

С 1950 г. А.П.Рогачев перешел на постоянную работу в МГУ. Сначала он заведовал кафедрой восточных языков отделения Востока исторического факультета МГУ, затем - кафедрой языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института восточных языков при МГУ. С 1959 г. стал заведующим кафедрой китайской филологии этого Института, которой руководил долгие годы. Много сил было отдано им делу воспитания и подготовки высококвалифицированных специалистов-китаеведов. Теперь трудно найти такую сферу деятельности, требующую знания китайского языка, в которой не трудились бы ученики А.П. Рогачева. Среди его многочисленных учеников - дипломаты, научные сотрудники, преподаватели вузов, работники практических организаций.

Свою педагогическую деятельность А.П.Рогачев успешно сочетал с научно-методической работой, ведя исследования в области культуры, литературы и языка Китая. Ряд учебных пособий по китайскому языку (в том числе по древнекитайскому языку *чзньян*, по современному разговорному языку и др.), хрестоматий, словарей, справочников, научных статей, рецензий, рефератов и т.п. был подготовлен им лично или при его непосредственном участии.

В 1951 г. им была успешно защищена кандидатская диссертация на тему "Идиоматика китайского языка, отображенная в устойчивых словосочетаниях *чзньюй*". В 1955 г. он был утвержден в ученое звание доцента по кафедре восточных языков, в 1962 г. ему было присвоено звание профессора кафедры китайской филологии.

Неоценимы заслуги А.П.Рогачева как переводчика средневековых китайских романов, а также произведений современной китайской литературы. Читатели нашей страны во многом обязаны ему знакомством с культурным наследием Китая, с шедеврами китайской классики и произведениями современных китайских авторов. Только специалист, блестяще владеющий китайским языком, обладающий глубокими знаниями в области культуры и истории Китая, искренне любящий эту страну и ее народ, мог осуществить перевод популярнейшего китайского классического романа "Речные заводи". В деле открытия для читателей России лучших образцов китайской литературы этот многолетний подвижнический труд переводчика-литературоведа просто не оценим. В 1957 г. решением Ученого совета МГУ А.П.Рогачеву за работу над романом "Речные заводи" была присуждена престижная грамота МГУ "Ломоносовские чтения". Совместно с профессором В.С. Колоколовым им кроме того был переведен еще один шедевр китайской классики - средневековый фантастический роман "Путешествие на Запад" У Чзньэня.

Еще в 1941 г. А.П.Рогачевым совместно с Цзэн Сюфу был осуществлен перевод книги Сунь Ятсена "Три народных принципа", который не увидел света в связи с начавшейся Великой Отечественной войной. Им были переведены на русский язык также новеллы и повести эпохи Сун - "Нефритовая Гуаньинь", рассказы Лу Синя, повести Цао Мян "Движущая сила" и Ляо Шэ "Безымянная высота", роман "В горах Люйляна" современных писателей Ма Фана и Си Жуня и другие произведения, подготовлены литературоведческие исследования - в частности, посвященные 475-летию со дня рождения У Чзньэня.

Выйдя в 1977 г. по состоянию здоровья на пенсию, А.П.Рогачев продолжал заниматься изучением китайской литературы. Им был подготовлен к изданию сокращенный вариант перевода "Путешествия на Запад" У Чзньэня. Буквально до последних дней своей жизни он не прекращал вести кропотливую работу над исследованием, посвященным этому средневековому роману. Его кончина в 1981 г. не позволила ему завершить эти замыслы. Обе работы вышли в свет уже после его смерти: в 1982 г. был издан роман "Сунь Укун - царь обезьян", в 1984 г. опубликован подготовленный на основе его рукописи очерк "У Чзньэнь и его роман "Путешествие на Запад".

Всю свою жизнь в течение многих десятилетий А.П.Рогачев посвятил изучению Китая, развитию духовного общения великих народов России и Китая, передаче своих богатых знаний ученикам и читателям нашей страны. Круг его интересов был чрезвычайно многогранным: он работал на дипломатической службе, на ниве обучения и воспитания российских востоковедов, поистине трудно оценить его заслуги как прекрасного знатока и переводчика китайской классической и современной литературы. В приветствии А.П.Рогачеву, направленном по случаю его 60-летнего юбилея руководством Института китаеведения во главе с известным китаистом, ныне академиком РАН С.Л.Тихвинским, говорилось: "Советское китаеведение гордится Вашим талан-

том педагога, воспитавшего для нашей Родины многочисленные кадры молодых специалистов, помнит Вашу самоотверженную работу в стране в самые тяжелые для Китая времена и восхищается Вашим талантом переводчика, обогатившего нас русским переводом таких жемчужин китайской литературы, как "Речные заводы" и "Путешествие на Запад".

Немалую лепту внес А.П.Рогачев в организацию Восточной редакции Гослитиздата. Помимо своего непосредственного участия в работе редакции в качестве переводчика классиков китайской литературы, он был неизменным участником деятельности редакции, помогая ей в формировании квалифицированного работоспособного коллектива своими рекомендациями и советами.

В течение долгих лет А.П.Рогачев был членом правления Общества советско-китайской дружбы, вкладывая много сил и души в благородное дело укрепления и развития дружбы между нашими народами. Свою любовь к Китаю, уважение и симпатии к китайскому народу, его культуре и богатым традициям Алексей Петрович передал как эстафету своим детям. Его сын - Рогачев И.А., профессиональный дипломат-китаист в настоящее время представляет в Китае нашу страну в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ. Его старшая дочь - Степанова Г.А. (Рогачева) также китаист, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Младшая дочь - Кутовая Е.А. (Рогачева) - доцент Института стран Азии и Африки при МГУ, занимается изучением проблем Юго-Восточной Азии.

Долгие годы самоотверженной работы А.П.Рогачева в области китаеведения были отмечены медалями Советского Союза, Почетными грамотами и множеством благодарностей от различных учреждений и ведомств.

Отдавая в эти дни дань памяти видному российскому китаеведу, нельзя не вспомнить прекрасные человеческие качества А.П.Рогачева - его душевную щедрость, доброту, чуткость, отзывчивость, доброжелательность к людям, простоту и скромность, огромное личное обаяние. Человек большой души, великий труженик А.П.Рогачев снискал любовь и благодарность своих коллег и учеников. Люди всегда тянулись к нему, он пользовался большой любовью и уважением окружающих. У Алексея Петровича было много искренних друзей, которые до сих пор хранят о нем светлую память.

Лучшим памятником А.П.Рогачеву является внесенный им неоценимый вклад в дело российского китаеведения, переданные им многочисленным ученикам и используемые ими в работе знания, подготовленные им учебные пособия по изучению китайского языка и исследования в области литературоведения, а также переведенные им шедевры китайской классической прозы.

Корейский суперэтнос как национальная идея объединения

© 2000

Г. Югай

"В Сеуле все еще действует закон о национальной безопасности, который рассматривает Север как "террористическую организацию". Пхеньян, в свою очередь, объявил свою нацию "нацией Ким Ир Сена" и конституционно утвердил его "вечным президентом", поэтому формально южанам, чтобы объединиться, надо признать себя представителями новой нации."

Ю.Савенков,
"Известия", 9.12.1999.

В статье рассматриваются малоизученные вопросы конвергентной философии и конвергентной модели объединения Кореи, а также их научные и культурологические основы. Впервые ставится проблема корейского суперэтноса как национальной идеи объединения. При этом суперэтнос¹ понимается как явление, возникающее из развития нации, точнее как наднациональный уровень или стадия социализации самого этноса. Следовательно, приставка «супер» означает уровеньный подход, а именно – наивысшую стадию в развитии этноса, характерную в то же время исключительно большим количеством людей – его представителей и географической расселенностью их почти по всему миру.

Философские и научные основы объединения

Философские и научные основы объединения составляют идеи конвергенции. Понятие «конвергенция» происходит от латинского слова "convergere" и означает: склоняться, сближаться и сходиться в одной точке. Применительно к философии конвергенция означает преодоление различий между противоположными направлениями и нахождения точек соприкосновения между ними. В XX веке преобладающей тенденцией была борьба между материализмом и идеализмом, конфронтация между разными социальными системами, например, между социализмом и капитализмом, социальными, религиозными, национальными или иными группами, течениями, направлениями и т.д. На пороге XXI века намечается другая линия в философии – примирение и схождение различных подходов к пониманию одних и тех же вопросов или проблем.

Югай Герасим Андреевич, доктор философских наук, профессор, академик РАЕН и МАНПО, директор Научного центра евразийских исследований РАЕН.

Конвергенция – важнейшая черта, связанная с глобализацией, интеграцией и интернационализацией современной жизни во всех её сферах: экономической, социальной, политической, духовной и т.д. Прежде всего можно отметить принципиальные отличия в решении основного вопроса философии. Для прежней, неконвергентной философии характерны два момента в решении основного вопроса философии. Это, во-первых, конфронтация, борьба материализма и идеализма; во-вторых, генетический принцип происхождения и примата материи или сознания. В их соотношении важно было принять или признать первичность или вторичность материи или сознания, то есть что из чего происходит.

В конвергентной же философии, во-первых, нет принципиальных различий между материализмом и идеализмом и вообще между материей и сознанием, бытием и мышлением, объектом и субъектом. Во-вторых, основным вопросом философии решается на основе принципа детерминизма – связи и взаимодействия материи и сознания, или же материи и духа на вполне паритетных началах. Поэтому принцип паритетности составляет третий важный момент конвергентной философии в решении основного вопроса философии. Признается единство материи и духа на равноправной основе, отвлекаясь от вопроса об их вторичности или первичности, то есть от генетического момента. Для конвергентной философии это несущественно.

Конвергентная философия признает противоположность материи и сознания лишь в пределах гносеологии. За пределами гносеологии, то есть в онтологии противоположность между ними относительна и лишена смысла. Наоборот, в онтологии особый смысл приобретает принцип единства, тождества материи и духа, бытия и мышления. Признание их схождения в одной точке или их совпадения – характерная черта конвергентной философии.

С основным вопросом конвергентной философии тесно связан и ее предмет, который можно определить как синтез противоположных направлений и тенденций развития: материализма и идеализма, капитализма и социализма и т.д. и гармонизации их отношений на паритетной основе. Основным понятием конвергентной философии является логос, понимаемый как паритетное единство материи и духа, исключающее признание первичности или вторичности в их соотношении. От понимания логоса зависит и определение истины. Истина в логосе, выражается в нем. Нарушение паритетного единства материи и духа ведет к неистинности. Поэтому либо материалистическое, либо идеалистическое понимание логоса не является истиной. Отсюда следует и актуальность преодоления односторонности материализма или идеализма не только в трактовке логоса, но и картины мира в целом.

Методологическое значение логоса заключается в принципе паритетности соотношения частей целого. Применительно к проблеме объединения Кореи сказанное означает, что истинное объединение разъединенных частей страны возможно на конвергентной, паритетной основе. И здесь возникает проблема корейского логоса. В чем ее суть? Конвергентная модель объединения Кореи исключает прежде всего привилегии какой-либо части – Севера или Юга. Истинное объединение невозможно на основе какой-либо части, ибо в этом случае получится не объединение, а поглощение одной части другой, не целостность, а односторонность – непаритетность.

Проблема объединения Кореи с помощью методологии конвергентной философии заключается в нахождении путей или способов гармонизации и разрешения глубоких противоречий, в которых оказалась страна. Например, страна с древней историей и богатой культурой, с одной стороны, и, с другой стороны, невостребованность этой истории и культуры в деле объединения страны. Каким образом и что нужно сделать так, чтобы все было востребовано

на благо многострадальной Кореи в целях выхода из затянувшейся трагедии, национального кризиса?

Это тема конвергенции истории и культуры или культурологических проблем истории. Другая тема – аксиологическая, связанная с пониманием смысла истории. По мнению К. Ясперса, Л.Н. Гумилева и многих других ученых, смысл истории в ее целостности, то есть человека как личности, в целостности страны, государства, и, конечно, народа. Получается, что в условиях разделенной страны корейцы и Корея потеряли смысл истории, смысл экзистенции человека? Это тема большого философского размышления.

Наряду с философией объединения предстоит рассмотреть еще и его научные основы. И здесь в первую очередь актуальными оказались по ряду причин проблемы этнологии. Прежде всего потому, что современных корейцев невозможно рассматривать как представителей единой нации, ибо категория нации предполагает единство территории, языка, культуры, психологии, экономики и государственности. Кроме языка, по всем другим из перечисленных атрибутов нации корейцы утратили единство, свою национальную идентичность. Из нации они превратились в этнические группы, расселенные по всему миру.

Отсюда следует, что проблему объединения следует рассматривать не столько как национальную, сколько как этническую. Наша аргументация может быть усилена и тем, что и сама Корея уже не представляет собой единую нацию. В научном плане сказанное означает, что проблемы объединения корейцев являются этнологическими. А наука этнология, находясь на стыке между гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами, является пограничной, конвергентной. Она возникает и развивается путем конвергенции биологии, антропологии, истории, географии, психологии. В сказанном заключается единство философских и научных основ объединения корейцев, существо их конвергенции.

Этнология демонстрирует также конвергенцию в науке основных направлений философии – материализма и идеализма, о чем говорил выдающийся русский ученый Л.Н. Гумилев: «Этнические различия реальны и воспринимаются людьми безотчетно. При простых этнических сочетаниях не возникает нужды в осмыслении явления, которое и без того всем понятно. Но по мере накопления материала и усиления связи между народами всего земного шара потребность в осмыслении усилилась и возникла необходимость в систематизации знания. Наука XIX века, стоявшая на позициях спекулятивной философии и ее варианта – вульгарного материализма, не справилась с поставленной задачей. Главным препятствием тому было резкое ограничение всего, что относится к человечеству, от того, что касается остальной природы, как живой, так и мертвой. Исключение было сделано только для медицины, и то потому, что сами философы предпочитали быть вылеченными от болезней».²

В XIX веке естествознание развивалось преимущественно на материалистической основе, а гуманитарные науки – на основе идеализма. Сказанное относилось и к этнологии, в которой борьба материалистических и идеалистических линий продолжается и поныне. Гумилев оказался пионером в области конвергенции обоих направлений в этнологии. Здесь оказались совмещены конвергентные линии как философии, так и науки.

Таковы довольно существенные философские и научные основы сложнейших проблем объединения Кореи и корейцев. Все другие философии, в том числе и чуждейская, уступают ей, ибо наиболее перспективна философия среднего пути, без крайностей. Чуждейская философия не является конвергентной. Наоборот она есть философия крайностей. Абсолютизация отдельных сторон целого доводится до абсурда. На этом следует остановиться подробнее.

Суперэтнос и преодоление крайностей, тупиков национального сознания

Чучхейская философия, насаждаемая на Севере Кореи, родилась не на пустом месте. Она явилась выражением психологии самодостаточности корейцев, которая имеет свое основание. Это воплощение выстраданной во время японской оккупации и колониализма мечты о свободе и самостоятельности. Сбывается надежда на возрождение чувства национальной полноценности после внушения десятилетиями поработенным людям мысли об их второсортности и ущербности. В этом плане корейский национализм вполне понятен.

Но, с другой стороны, он плохо воспринимается, когда становится в позу своей национальной исключительности и высокомерия по отношению к другим. «Мы лучше других и не завидуем никому», - психология национального абсурда, возникшего на абсолютизации идеи национальной самостоятельности и полноценности. Что и говорить, у северокорейцев сплошные абсолюты, доведенные до абсурда. Кроме абсолюта самостоятельности, доведенного до вождизма, имеются еще абсолюты конфуцианских идей дисциплины и почитания старших, абсолюты идеи коммунистического коллективизма.

Эти три абсолюта - абсурда оказывают самое пагубное влияние на корейскую нацию и создают социальные тупики. Любая истина превращается в абсурд, если она абсолютизируется и доводится до крайности, до революционной непримиримости и последовательности. Чучхейская философия национальной исключительности и самоизоляции послужила идейной основой политики викингизации корейцев, их возможного исчезновения как нации путем превращения в этническую группу. Северокорейская нация оказалась сейчас в экстремальной ситуации самоизоляции и самоуничтожения в буквальном смысле, как физически, так и в военно-политическом противоборстве с южанами. Самоистребление нации происходит не только в военных столкновениях, политическом противоборстве, терроризме и других насильственных актах, но и в тихой, физической смерти населения от голода. По южно-корейским данным, численность умерших от голода граждан Северной Кореи за последние годы составляет 3,5 миллиона человек.

В силу того, что на Севере Кореи социалистические идеи доведены до крайностей путем их абсолютизации, строй, созданный там, оказался самым загадочным на земле, непонятным для других, непохожим ни на что. Он не может быть назван ни коммунистическим, ни националистическим. Последовательно националистическим он не является в силу непримиримости к своим же соотечественникам на Юге Кореи. Мы предлагаем назвать северокорейский режим викингируемым государством.

На Юге Кореи имеются другие абсолюты. В экономике - это абсолюты небольшого числа семейных корпораций, владеющих всей экономикой страны. Миллионы людей полностью зависят от них. В политике - это приоритеты глобализации и модернизации страны по западным образцам. Цивилизационный космополитизм берет верх над национальной культурой, что несет в себе немало отрицательных моментов, ущербных для нации.

Где выход из создавшихся национальных абсурдов - абсурдов, абсурдов - крайностей? И вообще, имеется ли выход из создавшихся социальных тупиков, как продуктов крайностей национального сознания? Мы считаем, что выход имеется. Это путь золотой середины. Это путь конвергентной философии, сглаживающей крайние углы социальных тупиков и способной примирить социальные противоречия путем конвергенции, т.е. сближения противоборствующих сторон, их интересов, взглядов, точек зрения и т.д.³

Вместо чуждейской философии национальной самоизоляции мы предлагаем конвергентную философию сближения и объединения корейцев в единый этнос.

Суперэтнос корейцев составляет ядро и сущность идеи объединения, которой так не хватает. Ясно, что без национальной идеи объединение невозможно. На наш взгляд, суперэтническая национальная идея включает в себя проблемы: региональности, экстерриториальности, аксиологии, культурологии, преодоления отчуждения и идеократии. Но начнем с определения понятия суперэтнуса. Автором этого учения является Л.Н.Гумилев, который отнес и корейцев к суперэтносам.⁴ В понятие суперэтнуса он вкладывает два смысла. Во-первых, географический, согласно которому суперэтнос означает расселенность этнических групп той или иной нации по всему миру. Во-вторых, социально-психологический, означающий единство поведения той или иной группы людей, состоящей из этнических групп различных национальностей. К этим двум моментам мы добавляем третий уровень, совпадающий больше с социальным бытием, нежели с национальным. Если исходить из того, что социальное выше национального, то суперэтнизация корейцев – явление безусловно прогрессивное. Нам представляется, что это очень существенный этап в развитии корейской цивилизации. Суперэтнос как национальная идея объединения относится не только к двум частям Кореи, но и ко всем корейцам мира. При этом мы исходим из того, что чисто национальный уровень является для корейцев исторически пройденным этапом. Здесь уже поезд ушел. Нужен принципиально иной подход, более соответствующий нынешним реалиям. Это уровень национально-этнический, т.е. суперэтнический.

Если основная черта суперэтнуса – географическая расселенность, то корейцы и сейчас входят в их число, ибо по количеству людей, проживающих за рубежом, они в первой десятке. Первое место занимают в нынешних условиях русские – 25 миллионов человек, на втором месте китайцы – 20 миллионов человек, а зарубежных корейцев – 5,5 миллионов человек.

Суперэтнический уровень национального единения и консолидации корейцев привлекателен хотя бы тем, что он может быть как региональным, так и экстерриториальным. При этом основным тезисом объединения может быть следующий: «Корейцы всего мира едины не только этнически, но и суперэтнически; не только в национальном, но и в социальном плане евразийского социокультурного и цивилизационного взаимодействия и взаимообогащения между собой».

Нам кажется, что такой подход является более реалистическим, незауженным рамками чисто национального, ибо отныне корейский национальный и в то же время суперэтнический дух давно вышел на уровень мирового цивилизационного процесса. Потому и объединение корейцев может быть достигнуто прежде всего на этой духовной основе, означающее прежде всего ненасилие как в территориальном, так и в экстерриториальном отношении. Вполне возможно, что на основе суперэтнической идеи объединения корейцев удастся претворить в жизнь принцип: «Отныне корейцы не будут воевать против корейцев». К сожалению, корейский дух еще не окреп до провозглашения и осуществления в жизни такого ответственного принципа. Возможно, для этого еще не созрели как объективные, так и субъективные факторы? Во всяком случае, сегодня еще нет личности, которая взяла бы на себя смелость и ответственность по его реализации в жизнь.

Суперэтнический экстерриториальный подход может вывести рассматриваемую проблему из сегодняшнего тупикового состояния, ибо он исключает не только территориальные претензии, но и все другие, включая и вопросы социально-политического устройства, как двух частей Кореи, так и других

стран и регионов мира, где имеются другие корейские этнические группы – диаспоры.

Но здесь возникают проблемы аксиологии, связанные с ценностно-смысловыми аспектами объединения. Для чего, во имя чего корейцам всего мира нужно объединиться? Ведь в общем и целом, возможно, корейцы, проживающие в различных регионах мира, неплохо устроены, вполне нормально адаптируясь к местным условиям. Зачем же им еще объединяться? Ответ прост: чтобы сохранить нацию, ее культуру и историческую миссию суперэтноса. Без этого корейцы останутся этническими диаспорами, распыленными по всему миру. Их можно легко развеять или просто ассимилировать. Короче говоря, это путь деградации и исчезновения нации, а не исторического прогресса от этноса к нации и суперэтносу на основе двойного отрицания: этноса нацией, а нации этносом, но на более высоком уровне суперэтноса. Это уникальное цивилизационное достояние корейцев всего мира, через осознание которого нация может возродиться.

В данной публикации мы предлагаем философское осмысление проблем корейского суперэтноса и приглашаем к дискуссионному обсуждению этой важной темы, а также к широкому сотрудничеству в подготовке кадров по национально-сравнительной этнологии, социологии, культурологии, политологии и т.д.

В научном же плане речь может идти также о сравнительном (компаративистском) изучении корейцев различных регионов мира как составных частей целого, с тем, чтобы сформулировать и развить проблему целостности корейского суперэтноса. При этом неизбежен компаративизм, ибо все познается в сравнении. Изучение корейского суперэтноса также нуждается в сравнении с другими суперэтнотами. Актуальны также вопросы культурологии и аксиологии.

Если аксиология отвечает на вопрос – зачем, почему нужно объединиться корейцам, то культурология – как, каким способом объединяться. Наряду с культурологией имеются и другие способы объединения: преодоление отчуждения и идеократия. Начнем здесь с философской категории отчуждения, которая также может оказывать хорошую службу в деле объединения. Отчуждение корейцев от корейцев – самая большая национальная трагедия. Отчего корейцы не любят друг друга и даже воюют между собой? Что лежит в основе этого?

Отчуждение имеет место, когда нечто, созданное кем-то, превращается в чуждое его творцам. Отчуждение – это утрата чего-то своего. Этим своим может быть собственность, власть, национальность, семья и т.д. и т.п. Короче говоря, отчуждение – это превращение своего в чужое.

Факторов отчуждения корейцев от корейцев оказалось немало. Среди них главная причина – демографическая напряженность. На сравнительно маленькой территории корейского полуострова невозможно существование большого населения. Следующая – внутрисемейная и экономическая, ибо в многочисленной, большой семье правом наследования собственности наделен только старший брат. У младших же это вызывает чувство психологического дискомфорта и неравенства, что является причиной внутрисемейного отчуждения. По-видимому, это способствовало формированию психологии корейского индивидуализма и эгоизма. В условиях неравноправия и несправедливости обиженный человек заявляет свой протест в виде самосовершенствования и социально-психологического самоутверждения по принципу: чем я хуже других?

Но нет худа без добра, ибо отчуждение в виде миграции инициировало и положительное явление – суперэтнизацию корейцев. Не от хорошей жизни у себя на родине нация была вынуждена географически расселяться по всему

миру. В то же время у этой трагедии и счастливый конец, ибо многочисленны корейские диаспоры, в конечном итоге, обогащают корейскую культуру суперэтнически. Безусловно, это процесс положительный. Осталось теперь только осмыслить это национальное богатство, суперэтническое чудо. Преодоление национального отчуждения состоит в осознании своего суперэтнического состояния. Здесь множество проблем как философско-теоретического, так и практического характера.

Среди практических задач прежде всего – идеократическая (буквально – власть идеи), означающая государственную политику в области корейского суперэтнуса. Если бы власти двух частей Кореи поднялись до осознания того редкого исторического прецедента или факта, что корейцы представляют собой уникальных представителей историей предназначенных суперэтнуса, то историческая судьба корейской нации была бы намного удачливее и счастливее. Это бы способствовало преодолению нынешнего состояния отчуждения и враждебного отношения корейцев друг к другу. Нужна государственная воля, от которой во многом зависит решение дилеммы: быть ли корейцам достойным своей исторической миссии суперэтнуса или оказаться в роли викингов – исчезнуть как нация, превратившись в многочисленные этнические диаспоры, разбросанные по всему миру и легко сдуваемые, как одуванчики, ветром истории в небытие, полностью ассимилируясь другими народами. Быть или не быть корейской нации? Этот гамлетовский вопрос разрешим однако не только властными структурами двух Корей, но и интеллигенцией, задачей которой является прежде всего информационное взаимодействие с целью сравнительного изучения корейских диаспор мира и формирования корейского суперэтнуса как целого. Философским критерием истины и здесь является наиболее всеобщий и абсолютный уровень в виде логоса как единства материи и духа.

Региональные (субэтнические) экономические, политические и демографические процессы и модели суперэтнуса

Экономика, политика, демография. Даже перечень этих вопросов свидетельствует о том, насколько многоаспектна проблема суперэтнуса как в глобальном, так и в региональном (субэтническом) плане. Суть глобального аспекта заключается в том, что корейский суперэтнос пока не относится к числу самых могущественных суперэтнуса по критерию экономического развития. Корея не является экономически могущественной державой в мире, и потому независимой, хотя стремление к этому велико. Особенно заметно это проявляется в соревновательном духе с Японией. И в этой связи, с одной стороны, вызывает восхищение стремление южнокорейцев догнать и перегнать Японию. Но, с другой стороны, каковы реальные основания у этого соревнования как в глобальном, так и в региональном плане?

Мне лично представляется, что корейцы могут выиграть это соревнование лишь при одном условии – при достижении того преимущества, которое имеется у японского суперэтнуса. Это – коллективизм. К большому сожалению, традиционно поведению корейского суперэтнуса больше присущ индивидуализм. Если японцы сильны своим коллективизмом и слабы из-за недостатка индивидуализма, то корейцы сильны индивидуализмом и слабы в коллективизме. Получается, что обе нации оказались на крайних полюсах по самой характерной черте суперэтнуса – поведению. Вот бы конвергироваться двум суперэтнусам в поведенческом плане, а не враждовать друг с другом!

К сожалению, если японцы завидуют корейскому индивидуализму, то корейцы вряд ли завидуют японскому коллективизму. Острота этого вопроса в том, что темпы национального и социального прогресса суперэтнуса зависят

в гораздо большей мере от коллективизма, нежели от индивидуализма людей. А еще лучше, когда индивидуальное и общественное окажутся в гармонии, согласии, что является одним из важнейших критериев гражданского общества.

Как достичь единства личного и общественного в поведении корейского суперэтноса? Это вопрос вопросов, имеющий первостепенное значение для развития национального суперэтноса как в глобальном, так и в плане создания региональных экономических моделей. Начнем с глобального аспекта – с целостности суперэтноса, с позиции которой корейский индивидуализм имеет свои сильные и слабые стороны. Его сильная сторона в том, что благодаря ему корейцы достигли суперэтнозации в гораздо большей степени, чем, допустим, японцы, в смысле расселенности по всему миру. Корейцы в одиночку и коллективно оказались адаптивнее. Они могут проживать в любом регионе мира без особого ущерба для себя и других. Они обычно не притесняют других и не заявляют особые права. Если имеются конфликты, то они, как правило, не выходят за рамки бытовых и чисто национальных и межнациональных, которые не перерастают в крупные социальные конфликты.

Для корейцев формой протеста и способом разрешения противоречий, в том числе и острых, является не конфронтация, а миграция. Не нравится что-то человеку, он сравнительно легко снимается с насиженного места. В этом опять-таки проявляются как сильные, так и слабые стороны корейского суперэтноса. Но с точки зрения целостности суперэтноса, пожалуй, здесь больше преобладают негативные моменты, ибо миграция людей больше рассеивает национальную энергию, чем собирает, т.е. увеличивает энтропию. Энтропийный процесс – необратимый процесс рассеивания энергии. Вот почему Гумилев считает этногенез энтропийным процессом. В свете сказанного актуален вопрос о противодействии энтропии – рассеиванию национальной энергии. Каков механизм собирания и наращивания энергии? Это процесс антиэнтропийности или процесс наращивания энергии и ее организации. Мерой организации энергии является информация. В итоге получается цепочка: мерой движения является энергия, а мерой организации энергии – информация. Значит, в их основе – информация!

В основе всего – информация, носителем которой может быть как индивид, так и общество, коллектив. Но вот тут-то имеет место явное преобладание коллективной, социальной формы организации информации, без чего невозможна вообще любая социальная организация или явление, то ли это экономика, культура, язык и т.д. Короче говоря, без социальности нет социальных явлений. Как ни тривиально это, но в силу недостаточного развития информационных связей у корейского суперэтноса очень слабо развиты такие социальные атрибуты как экономика, культура, язык и т.д. Речь идет не столько об их развитии в самой Корее, но и за ее пределами, где проживают даже самые крупные этнические группы корейцев, т.е. о зарубежных корейцах.

Если представители таких суперэтносов, как китайцы, японцы, евреи в силу присущего им коллективизма предпочитают коллективное житье-бытье, особенно за рубежом, и прежде всего озабочены созданием своей национальной экономики и национального капитала, где бы они ни проживали, т.е. экономического базиса нормального существования нации, то индивидуализм корейцев мешает этому. Возможно, сказанное не отнесется к американским и японским корейцам, но имеет прямое отношение к советско-российским и китайским корейцам, у которых не было и нет до сих пор своей национальной экономики и национального капитала.

Мне могут возразить, что тут виноваты не сами корейцы, а социальные системы, т.е. тоталитарные режимы в СССР и КНР. Но режимы эти уже изменились, и что же мешает сейчас корейцам в этих странах развивать ус-

пешно свою национальную промышленность, аграрное производство, банки и т.д.? Вполне возможно, что уже сложились отдельные экономические структуры корейцев в этих странах, но речь идет об организации их в национальном масштабе или масштабах, способных оказать помощь в развитии или обеспечении определенного жизненного уровня для представителей нашей национальности. Автор этих строк был немало удивлен, когда мои коллеги-ученые еврейской национальности в России после августовского финансового кризиса 1998 года выражали уверенность, что сохранятся ведущие еврейские банки в России. Так и получилось. Они сохранились. Вот где сила национального коллективизма, по сравнению с которым мы, корейцы, выглядим бледно, нецивилизованно. Можем ли мы, корейцы, даже не вслух помечтать о национальном финансовом капитале в России? Придет ли это время и, если придет, то тогда можно надеяться на успех и в развитии корейского субэтноса в России. Конечно, меня могут заподозрить в националистическом уклоне. Но, простите, пожалуйста, разве в постсоветском пространстве СНГ бывшие республики – теперь уже суверенные государства, да и в самой России каждый субъект Федерации не заняты созданием своей национальной экономики? Национальные субъекты РФ имеют право создавать свою национальную экономику, а национальности, не являющиеся субъектами, лишены на это права? Вот и получается, что мы не субъекты, а объекты истории, в том числе и прежде всего, в экономической сфере.

Я вырос в сельской местности Казахстана, куда в 1937 году сталинщина депортировала корейцев. В районе было десять колхозов, в том числе, три корейских колхоза, которые дали рекордное количество Героев Социалистического труда в то время – более шестнадцати человек, заняв первое место среди всех сельских районов большого Советского Союза. Так вот, эти три колхоза из года в год были вынуждены по государственной и партийной дисциплине выполнять план поставки риса и за те колхозы района, которые не тянули план. А их оказалось почти половина колхозов района. Это была самая настоящая эксплуатация передовых колхозов, которую не выдержали их члены и были вынуждены вновь мигрировать. Такую возможность колхозники получили лишь после отмены паспортного режима для селян.

Конечно, это был не коллективизм, а пародия на него советского периода. Такая крайность порождала другую крайность – индивидуализм, чему корейцы были весьма предрасположены. Самое печальное следствие из всего этого то, что миграция людей, рассеивая национальную энергию, ослабляет суперэтнос. Окажется, подобная ситуация складывается и у китайских корейцев. Несмотря на наличие автономного корейского национального района Енбен, национальная экономика все еще не создана. Люди лишены возможности вкладывать прибыль в свое собственное, кровное дело. Поэтому даже заработанные за границей деньги корейцы, в конечном счете, вынуждены отдавать китайцам. Результаты труда отчуждаются от самих тружеников, как это было у советских корейцев в свое время, впрочем, как у всего советского народа.

Выход из положения – опять миграция, в результате чего даже образовался недобор учащихся в начальных школах, испытывавших до недавнего времени большой перебор и перегрузку. Корейцы и здесь покидают родные места из-за экономических трудностей, в поисках лучшей доли. Многие устраиваются в других местах, где есть южно-корейские фирмы, в роли переводчиков и поденных работников. А со стороны южнокорейцев далеко не всегда можно встретить вежливое отношение к местным корейцам. Высокомерие с их стороны отмечается и в других регионах мира по отношению к своим собственным собратям. Не очередной ли это вариант корейского индивидуализма?

Массовая миграция корейцев без единственного за пределами Кореи национально района – Енбена может обернуться очередной большой трагедией для суперэтнуса в целом, ибо это наносит большой урон, ослабляя его энергетический потенциал. Поэтому нужны соответствующие меры по предотвращению энтропийных процессов, среди которых прежде всего – создание моделей национальной экономики в виде, допустим, свободных экономических зон.

В качестве примера можно сослаться на проект «Туманган», что на границе России, Китая и Кореи. В то же время территориально – это продолжение района Енбен, корейское население которого может принять массовое, активное участие в осуществлении проекта.

Заслуживают внимания и другие возможные модели – проекты национальной экономики в рамках экономического сотрудничества России и Южной Кореи в Приморье Дальнего Востока России. При этом возникают идеографические проблемы корейского суперэтнуса, связанные с тем, что должно быть государственное вмешательство, т.е. решение вопроса на соответствующих государственных уровнях тех стран, которые принимают заинтересованное участие в развитии корейского суперэтнуса. Речь идет о государственной политике, например, России по развитию национальной экономики корейской диаспоры в России в тесном сотрудничестве с Республикой Корея, используя при этом различные проекты – модели экономического сотрудничества стран.

Наряду со свободными экономическими зонами, приемлемы и другие различные проекты – модели развития национальной экономики, широкий спектр которых требует специального обсуждения. Сюда же относится и развитие национальной банковской системы, которая бы выступила в роли надежного гаранта сохранения национального капитала. Короче говоря, речь идет о создании реальной экономической базы реального национального возрождения после сталинских репрессий корейцев-россиян как составной части мирового корейского суперэтнуса. При таком подходе национальная проблема перемещается из плоскости политической и территориальной суверенизации в сферу экономической независимости, экстерриториальной суверенизации и паритетного сотрудничества в то же время со всеми другими национальностями и этническими группами. Национальная автономия корейцев в России вполне может быть обеспечена в рамках культурной и экономической деятельности без геополитических претензий на территориальную автономию.

Имеется еще одна возможность достижения экономической независимости. Это развитие информационной технологии на основе достижений мировой науки прежде всего в фундаментальных областях. Здесь чрезвычайно актуален инновационный путь развития экономики, суть которого заключается в тотальной переориентации развития экономики на основе достижений передовой науки. Здесь больших успехов достиг японский суперэтнос, который пока удерживает передовые позиции по числу переводов на японский язык иностранной литературы, прежде всего в научно-технической области. Это своеобразный научно-технический шпионаж и плагиат, хорошо организованный и направляемый на государственном уровне. Подобная политика сопровождается ускоренным методом патентования и внедрения в производство научных открытий и изобретений.

В последнее время и в России формируются крупные инновационно – промышленные комплексы (ИПК), включающие в себя промышленные предприятия с объемом выпуска продукции в 10 – 100 млн. долларов в год. Пока что их численность не превышает двадцати, но надежды на них возлагаются большие. Они рассматриваются в качестве основного рычага подъема экономики и даже сохранения экономической независимости государства. Авторские рассуждения в этом плане направлены на эффективное использование

подобных инновационных проектов в интересах корейского суперэтноса. Для практической реализации подобных проектов было направлено наше обращение к мировой общественности, где принималась во внимание большая интеллектуальная собственность корейского суперэтноса. По числу ученых и интеллигенции в их процентном соотношении к общей численности населения своей нации корейцы занимают одно из ведущих мест в мире. Надо бы привести в движение этот потенциал во благо суперэтноса. В качестве первого шага в этом направлении может послужить обращение «За мирную, объединенную и независимую Корею», помещенное в конце данного материала в виде его заключения. Обращение носит исключительно неполитический характер и иницировано больше тем, что чисто политическими средствами невозможно добиться объединения Кореи и корейского суперэтноса в целом. Здесь политический путь является тупиковым, где корейский индивидуализм проявился в наибольшей степени. Из-за расчленения и отчуждения двух частей страны друг от друга нарастают энтропийные процессы, превалируя над антиэнтропийными, информационными. Из-за преобладания энтропии нации корейский суперэтнос оказался в фазе критического состояния. Возрастающая энтропии в одной части страны во многом сводит на нет мощный энергетический подъем (пассионарности – по Гумилеву) в другой части – Южной Корее.

Подобные актуальные проблемы требуют изучения в свете достижений молодой науки – синергетики, предметом которой являются процессы самоорганизации. Установлено, что в любой системе имеется особый уровень организации, который условно можно назвать критическим. Если система организована ниже этого уровня, то в ней преобладают процессы упорядочения, если выше – преобладают процессы дезорганизации. На самом критическом уровне процессы упорядочения и организации уравнивают друг друга, и система приобретает стабильность.

Важная особенность критического уровня заключается и в том, что он однозначно соответствует величине внешнего воздействия на систему – ее степени открытости. Чем выше уровень открытости, тем выше критический уровень и тем большего значения можно достичь в организации системы, уменьшая разрушительные процессы. На практике это означает, что если мы хотим повысить внутреннюю организацию интересующего нас объекта, то нам следует увеличить его открытость, вызывая в нем процессы упорядочения и самоорганизации. Наоборот, чтобы дезорганизовать объект, нужно уменьшить его открытость, что приведет в нем к преобладанию разрушительных процессов.

Известно, что северокорейский режим отличается и поныне абсолютной закрытостью, лишенной обмена информацией с внешней средой. Отсюда и преобладание там разрушительных процессов над созидательными. Системный кризис в этом обществе можно преодолеть путем превращения его в открытое общество. Противостоять энтропийным процессам дезорганизации, хаоса и здесь можно путем увеличения антиэнтропийных, организационно – информационных процессов. Следуя мудрой поговорке: «кто владеет информацией – тот владеет миром», можно сказать, что истинным корейским миром владеет не тот, кто закрывает страну, делает ее глухой по отношению к внешнему миру, а наоборот, тот, кто широко открывает ее в области экономики, политики, науки, культуры и т.д.

Закрытость Северной Кореи наносит огромный урон корейскому суперэтносу, подтачивая его изнутри. Информационный вакуум в этой стране, искусственно поддерживаемый расколом страны, во сто крат уменьшает энергетический потенциал нации и суперэтноса как целого. В тотальном подавлении тоталитарным режимом огромного энергетического потенциала нации, ее ак-

тивности выражается цивилизационный кризис закрытого общества. Судя по пассионарности южнокорейцев, по природе своей и севекрокорейцам тоже присуща, должно быть, такая же высокая энергетика, пассионарность. К большому сожалению и к большой трагедии, все это подчинено воле одного человека — «вождя» нации, его индивидуализму и эгоизму. Корейский тоталитаризм есть проявление в высшей степени национального индивидуализма, наярженного в тогу политического лидерства.

Национальный индивидуализм и эгоизм, доведенный до высшей степени тоталитарного политического режима и вождизма, несовместим с истинным объединением страны и народа на демократических началах. Политические амбиции вождизма будут удовлетворены лишь при одном условии — объединении Кореи под знаменем «вождя». Иного якобы не дано. В этом огромная трагедия корейцев, все еще остающихся расколотой нацией, чуть ли не единственной в мире.

Итак, корейский индивидуализм оказался в явно проигрышном положении по сравнению с японским коллективизмом в экономике, политике, науке. Но может быть корейскому суперэтосу повезло в другом? Ведь не может быть так, чтобы индивидуализм во всем проигрывал коллективизму, хотя бы потому, что он служит надежной основой для демократизации общества. Подтверждение этой мысли можно найти в демографических процессах. Вот здесь-то корейский суперэтос оказался в выигрышном положении по сравнению с японским.

В демографических процессах японский коллективизм выражается в принципе: «три поколения под одной крышей», а корейский индивидуализм можно было бы выразить так: «кореец может размножаться и давать потомство в одиночку, без кореянки. Но и кореянка может ответить тем же». Скорее всего, эта шутовская поговорка, бытующая у зарубежных корейцев, в частности, в России. Но, как говорят, в каждой шутке имеется доля истины. В данном случае даже очень большая. И не на этом ли основании в Японии не скрывают национальную зависть к корейскому индивидуализму? При этом ссылаются на факты проживания японцев за границей преимущественно коллективно, а корейцев, по преимуществу, — индивидуально. И если кто-то из японцев индивидуально закрепится за границей, неплохо устроившись, и даже разбогатеет, то он, как правило, не возвращается на родину. Тут не совсем ясно. То ли японец сам не стремится на родину, то ли родина его не принимает.

У зарубежных корейцев сильное чувство ностальгии. Об этом можно судить по их песням. Какие проникновенные чувства к родным очагам выражены в них! Послушать их, кажется, что либо уже побывал на Родине, либо обязательно это сбудется. И, как правило, разбогатеет за рубежом, корейцы в большинстве своем стремятся к себе домой. Такое можно понять, ибо люди покидают родную землю не от хорошей жизни. И потому, по возможности, они стремятся вернуться к родным очагам.

О выигрышном положении корейского суперэтоса по сравнению с японским говорит и тот факт, что в соотношении рождаемости и смертности населения рождаемость пока выше. Обеспечивается это «выполнением» нормативов для воспроизводства населения — 2 или 2,5 ребенка в семье по статистике.

Что же касается японского суперэтоса, то этих преимуществ явно меньше. Аргументацию можно начать с факта старения нации, напрямую связанного с превышением смертности над рождаемостью. Если в трудные послевоенные годы в этой стране ежегодная рождаемость детей составляла около трех миллионов, то сейчас немногим более одного. Молодые японки не хотят рожать. Они не только не спешат выходить замуж (средний возраст невест превысил 27-летний рубеж), но и заведя семью, избегают иметь детей, чтобы

они не мешали служебной карьере. Попытка обложить молодых японок за бездетность налогом не увенчалась успехом. Через парламент не прошел законопроект.

Все это создает демографический кризис в этой стране. Число пожилых людей старше 65 лет (их сейчас 27,5 млн.) впервые превысило число детей до 15 лет (их около 19 млн.), что составляет соответственно 15 и 16 процентов населения. Нация стремительно стареет. Средняя продолжительность жизни: 77 лет для мужчин и 84 для женщин. Япония заняла по этому показателю первое место в мире и в ближайшие годы уйдет вперед еще дальше.

Старение нации происходит гораздо быстрее, чем в других странах. Доля населения старше 65 лет возросла в Японии с 7 до 16 процентов всего за три десятилетия. Тогда как во Франции аналогичный процесс занял 114 лет, в США — 69 лет. Демографы уверенно прогнозируют, что к 2025 году к возрастной категории за 65 лет будет относиться 25 процентов жителей, то есть каждый четвертый японец. Это означает, что если нынче на одного пенсионера приходится 6-7 работающих, то скоро каждого из них будут содержать двое тружеников.

Стремительный процесс старения населения получил название «серебряная революция», вызывая серьезные социально-экономические осложнения. Во-первых, рост числа пенсионеров при уменьшении числа работающих создаст непосильную нагрузку для системы социального обеспечения. В 2025 году, когда каждому четвертому японцу будет более 65 лет, отчисления в пенсионный фонд придется увеличить до 35 или даже до 50 процентов заработной платы против нынешних 17 процентов (половину этой суммы сейчас представляют работодатели). Чтобы такие отчисления были посильны для тружеников, придется удвоить им зарплату. А это неизбежно скажется на цене продукции, то есть на ее конкурентоспособности.

Во-вторых, рост числа пенсионеров приведет к увеличению налогов, а это в свою очередь уменьшит приток инвестиций, более того, вызовет утечку капиталов. В-третьих, из-за снижения рождаемости обострится нехватка рабочей силы, а ввозить ее из-за рубежа японцы опасаются. Ведущие концерны станут еще активнее перемещать производственные мощности в другие страны, а это разорит малые и средние предприятия, являющиеся ныне их субподрядчиками. В-четвертых, снизится уровень личных сбережений, который служит одним из ключевых факторов динамизма японской экономики.

Наконец, социальный аспект, то есть область семейных отношений. Обогнав по эффективности производства Северную Америку и Западную Европу, Япония остается далеко позади них в области социального обеспечения. До недавних пор этот социальный недостаток компенсировался конфуцианскими традициями: «три поколения под одной крышей».

Старший сын (особая роль которого подчеркивалась в семье с малолетства) не только наследовал отчий дом, но и гарантировал обеспеченную старость родителям. С того дня, когда свекровь торжественно передавала невестке самодзи (деревянную лопаточку для раскладывания риса), хозяйничать в доме начинало новое поколение, а отец и мать сохраняли лишь совещательный голос в семейных делах.

Если в 60-80 годы до 80 процентов японских семей жили по принципу «три поколения под одной крышей», то ныне же их осталось лишь около 30 процентов, и по количеству одиноких стариков Япония скоро догонит Англию.

«Серебряная революция» в стране пустых колыбелей может привести к тому, что Япония вступит в XXII век с населением в 67 миллионов человек, а это вдвое меньше, чем на пороге XXI века.⁵

Конечно, интересно прогнозировать на 100 лет вперед, но и вероятность достоверности такого прогноза тоже можно поставить под определенное сомнение, ибо жизнь обычно вносит свои коррективы. Не желая осуществления мрачного прогноза в отношении уменьшения населения Японии вдвое в течение XXI века, мне бы хотелось обратить внимание, что крайности обычно сходятся. Как односторонний японский коллективизм в демографии ведет к ущербу, так и односторонний корейский индивидуализм наносит серьезный урон национальному суперэтносу. Этнонациональное распыление или диаспоризация подтачивает корейский суперэтнос.

Диаспора – термин этнологический и происходит от биологического слова – спора или спорные растения, мельчайшие зерна которых можно легко развеять. И когда говорят об этнических диаспорах, то имеют в виду их разбросанность, что очень точно передает современное состояние корейских диаспор. Как говорят, было время разбрасывать камни, теперь пришло время собирать их. Но все дело в том, как их собирать? Напрашивается единственно возможный ответ – экстерриториально. А из экстерриториальных способов наиболее приемлемым является культура.

Как писал еще сто лет назад английский ученый Генри Томас Бокль, богатство народов «зависит не от благодати природы, а от энергии человека», от интеллектуального развития, от его разума и культуры. Собираение корейских диаспор мира в единый суперэтнос через культуру является способом сохранения нации и наращивания его энергетического потенциала, от которого напрямую зависит как материальное, так и духовное благополучие народа. Оно является также средством осознания корейцами смысла своей жизни – целостности себя, народа, нации, страны. Расчлененный организм – это труп. Расчлененная нация – неполноценная нация. Распылившись по всему свету этнические диаспоры могут быть легко унесены ветром истории в саму историю. Либо быть корейцам унесенными в небытие ветрами истории, либо сохраниться, объединившись в единый суперэтнос. Третьего не дано.

Остается конвергироваться экстерриториально на культурологической основе.

(Продолжение следует.)

1. Югай Герасим Андреевич, директор Научного центра евразийских исследований РАЕН, доктор философских наук, профессор, академик РАЕН и МАНПО.
2. Л.Н. Гумилев. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993, с. 54
3. Подробно об этом см.: Г.А.Югай. Средний путь России (Конвергентное общество). М., 1998. Автор заостряет внимание на разработке понятий конвергентного общества и конвергентной философии.
4. «Суперэтноты возникают одновременно и по одной линии, вытянутой по поверхности Земли на многие тысячи километров через любые ландшафтные препятствия, например, толчок 1 в. н. э.: готы – славяне – даки – христиане – иудеи – абиссинцы (аксумиты), или толчок 6 в. н.э.: арабы (мусульмане) – раджпуты – боты (Южный Тибет) – табгачи – средневековые китайцы – корейцы (силла) – японцы (Ямато)». (Л.Н.Гумилев. Этносфера. История людей и история природы, стр.511).
5. Так заключает свою статью «Серебряная революция» в стране пустых колыбелей» в «Российской газете» за 21.08.99 известный журналист-японед В. Овчинников.

Научная жизнь

Лекция профессора Сюэ Цзюньду в ИДВ РАН

В лектории Института состоялась первая лекция по программе Фонда Хуан Сина (США) "Лекции выдающихся ученых по проблемам Восточной Азии". Лекцию на тему: "Комментарии к историографии китайской революции 1911 г: двойное руководство Сунь Ятсена и Хуан Сина". прочитал Президент Фонда Хуан Сина, консультант колледжа Черчилля Кэмбриджского университета, член Международного научного совета по проблемам мира и развития Северо-Восточной Азии (ИДВ РАН), иностранный член Российской академии естественных наук, почетный доктор Международной академии наук о природе и обществе профессор Сюэ Цзюньду.

Профессор Сюэ в течение многих лет вел курсы лекций и исследования в ряде университетских центров США в Сянгане, в странах Западной Европы. Он является членом руководства и (или) советником ряда научных фондов и ассоциаций, созданных в рамках Академии общественных наук Китая, почетным профессором и членом попечительских советов ряда вузов КНР. Профессор Сюэ - автор, составитель и редактор более 20 научных трудов по истории и истории внешней политики Китая, вопросам китайского права. Ряд его работ последних лет посвящены проблемам экономического и политического развития бывших социалистических стран Восточной и Центральной Европы в переходный период.

* * *

Характеризуя эволюцию позиций западной, главным образом американской историографии по вопросам оценки роли Хуан Сина в подготовке и проведении революции 1911 г. в Китае, профессор Сюэ отмечает, что в книгах, появившихся по свежим следам событий, их авторы, по его мнению, заслуженно высоко оценивали роль Хуан Сина. Его называли "настоящим героем" и "вдохновителем" этой революции.

Автор, отмечая, что Хуан Син был военным руководителем революции, выдвигает тезис о том, что вместе с Сунь Ятсеном его следует считать "со-основателем" созданной в 1912 г. Китайской Республики, первым, временным Президентом которой был Сунь Ятсен. Сунь Ятсен и Хуан Син оказались, как отмечает автор, "идеальными соратниками", дополнявшими деятельность друг друга.

Кратко напоминая об их деятельности в период подготовки революции, проф. Сюэ, указывает, что Сунь Ятсен был старшим в этой паре и по возрасту, и по времени участия в революционном движении, имея в виду, что Сунь был основателем первых революционных организаций и создателем их про-

граммных установок. В то же время в лекции подчеркиваются и различия в их деятельности. У Сунь Ятсена она протекала со времени создания первой революционной организации - "Союза возрождения Китая" (1894 г.) и вплоть до 1911 г. почти все время за пределами Китая, где он умело добивался политической и финансовой поддержки от зарубежных китайских сообществ, устанавливал связи с определенными кругами стран Запада, чему в немалой степени способствовало получение им западного образования. Сунь Ятсен поддерживал контакты и имел влияние в революционных кругах и в самом Китае. Но по мнению проф. Сюэ, более тесные связи и с китайской традиционной интеллигенцией, и с китайским студенчеством, обучавшимся в Японии, из среды которого вышли многие руководители крупнейшей революционной организации "Тунмэнхой" (Объединенная революционная лига, 1905), а также с военными кругами имел выходец из традиционного образованного слоя пров. Хуань Хуан Син. По мнению автора, в руководстве "Объединенной Лиги" преобладающую группу составили именно сторонники Хуана. Большая часть вооруженных восстаний в Китае после 1905 г. вплоть до выступления в Учане в 1911 г. проходила под его руководством. Именно поэтому во Временном правительстве в Нанкине в январе 1912 г. он занимал пост военного министра и начальника генерального штаба. И после известной передачи Сунь Ятсеном президентских полномочий Юань Шикаю Хуан Син до конца июня 1912 г. занимал пост главного представителя правительства в Нанкине.

Однако расхождения между Сунь Ятсеном и Хуан Сином, возникшие в связи с тем, что последний отказался вступать в созданную в 1914 году в Токио Сунь Ятсеном новую "Революционную партию" (Чжунго гэмಿಂದан), в уставе которой содержалось требование личной верности ее членов Суню, и последовавшая затем ранняя смерть Хуана привели к тому, что уже с начала 20-х годов былую известность Хуан Сина постепенно стало вытеснять и затмевать имя Сунь Ятсена, продолжавшего национально-революционное движение в стране. С этого времени в публикациях воссозданного Сунь Ятсеном Гоминьдана и в зарубежной историографии все основные события революции 1911 г. связывались по преимуществу с деятельностью Сунь Ятсена. Автор указывает, что уже в 20-е годы ряд видных участников революции 1911 г., в частности Чжан Бинлинь, и другие свидетели событий прежних лет, говорили о том, что Сунь Ятсен приписывал себе слишком большие заслуги, обращали внимание на предание забвению имени Хуан Сина. Эта тенденция сохранялась в условиях созданного в гоминьдановском Китае и продолжавшегося после 1949 г. на Тайване культа Сунь Ятсена. В известной форме этот культ поддерживался и правительством КНР. Эти обстоятельства оказали и до сих пор оказывают влияние на зарубежную, в том числе американскую историографию истории революции 1911 г. и освещение деятельности Сунь Ятсена.

По мнению проф. Сюэ в американской историографии можно выделить три основных периода в изучении революции 1911 г. и роли в ней различных политических фигур. На первом этапе акцент делался полностью на Сунь Ятсене. Автор детально разбирает положения ряда весьма распространенных на Западе трудов, вышедших в первые десятилетия после синхайской революции, указывая на наличие в них многочисленных неточностей и ошибок, которые он объясняет слабым знанием источников и влиянием гоминьдановской историографии, особенно в освещении роли Хуан Сина.

Начало второго периода в изучении этой темы автор связывает с выходом в 1961 г. его книги "Хуан Син и китайская революция", вызвавшей судя по отзывам авторитетных ученых, серьезный интерес, и стимулировавшей дальнейшие углубленные исследования темы, хотя ряд и специалистов, отмечая новизну его подхода, не согласились с некоторыми выводами книги.

Проф. Сюэ особо выделил издание его книги на китайском языке в 1982 г. в г.Чанша и в 1985 г. в Гонконге, что способствовало изучению поставленных в книге проблем в КНР и на Тайване.

В 70-е-80-е гг., по мнению проф. Сюэ начался третий этап в изучении этой темы в американской историографии, характеризующийся перенесением внимания на вопросы социальных, политических и экономических перемен, которыми было отмечено последнее десятилетие династии маньчжуров, и более фундаментальным и точным анализом роли тех или иных политических фигур в революции 1911 г.

Отмечая, что в начале 1999 г. на Тайване было отменено положение об изучении и проведении экзаменов по "трем народным принципам" Сунь Ятсена, проф. Сюэ полагает, что это окажет влияние на ослабление здесь культа Сунь Ятсена и дальнейшие сдвиги в изучении истории революции 1911 г.

Полный текст лекции будет опубликован ИДВ РАН отдельным изданием.

На Ученом совете ИДВ РАН

22 апреля 1999 г. на заседании Ученого совета ИДВ РАН обсуждалась тема "Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире". С основным докладом выступил заместитель директора ИДВ РАН, доктор экономических наук В.В.Михеев.

Докладчик указал, что, вызывая к жизни идеи постиндустриального общества, сторонники такой политики в России стремятся заполнить идеологический вакуум, образовавшийся в нашей стране после гибели марксизма как государственной идеологии. Согласно этой теории, считает докладчик, главной движущей силой общественного прогресса в западном обществе является информация и научные знания и, соответственно, главным мотивом поведения человека выступают не материальные интересы, а стремление к творческому труду и творческому самовыражению. Главным противоречием такого общества является противоречие между "нематериалистически мотивированным меньшинством" и "материалистически мотивированным большинством населения". Главным противоречием эпохи является увеличивающийся разрыв между теми странами, которые имеют доступ к информации и знаниям, и теми, кто их не имеет или недостаточно имеет. Авторы этой теории неясно представляют себе, как преодолеть этот разрыв. Неясно также, какими будут социальные и политические отношения внутри такого общества и как строить международные отношения в этих условиях. Тем не менее теория очевидно вносит пессимистический элемент в ожидания отсталых стран.

Докладчик считает, что вряд ли такая тенденция будет определять траекторию развития человечества в новом тысячелетии.

Далее он обратился к теории общественного развития и международной безопасности в свете потребностей личности, корпорации, государства, которую он развивает в книге "Хомо-Интернэшнл". В отличие от теории постиндустриализма "теория потребностей" не противопоставляет творческие потребности материальным, полагая, что в структуре потребностей человека на любом этапе развития общества присутствуют: 1) потребность в личной безопасности, 2) экономические потребности, 3) гуманитарные потребности, 4) потребности в межличностном общении. Хотя их соотношение изменяется, и, скажем, гуманитарные потребности, несомненно, возрастают. Весь вопрос - в структуре потребностей в целом и в структуре каждой из них, в степени их распространенности в обществе, в уровне и степени легкости насыщения и т.д. Потребность в творческом труде рассматривается как одна из составляющих в структуре гуманитарных потребностей, которая, однако, вовсе не вытесняет экономические потребности человека.

По замыслу автора, на основе степени и характера удовлетворения названных потребностей в обществе так или иначе формируется и отношение к другим странам. В связи с этим автор вводит такие понятия, как "потенциал агрессивности", "компромиссное мышление", "глобализация мировой экономики и персонафикация международных отношений" и "человек-интернацио-

нальный". Основываясь на всей системе понятий своей теории, автор кратко определяет степень рациональности разработки экономической и внешней политики России и других стран.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН к.э.н. Борох О.Н. выступила с докладом на тему: "«Экономика знаний»: китайские дискуссии конца 1990-х годов". В выступлении отмечалось, что обсуждение проблемы "экономики знаний" (чжиши цзинци) в последние два года занимает заметное место в общественно-научных кругах КНР. В докладе было проанализировано сложившееся в современных китайских исследованиях "экономики знаний" соотношение западных теоретических источников и национальной специфики. Отмечалось, что активная разработка китайскими авторами проблем "экономики знаний" имеет под собой не только научные, но и политико-идеологические корни.

Центральное внимание в докладе О.Н.Борох было уделено анализу возможного позитивного и негативного влияния дискуссий в сфере "экономики знаний" на развитие китайской экономической науки. Китайские сторонники этого направления подчеркивают, что "экономика знаний" открывает перед страной уникальный шанс для ускоренного развития и выхода в мировые экономические лидеры. Однако их оппоненты выдвигают не менее серьезные контраргументы, предостерегая ученых и политиков от неоправданных и завышенных ожиданий.

В заключении доклада китайские споры об "экономике знаний" были рассмотрены в контексте современных проблем КНР. О.Н.Борох указала на сравнительную легкость усвоения этой концепции китайскими научными и идеологическими кругами. Рисуемый китайскими сторонниками "экономики знаний" привлекательный образ динамичного развития страны в направлении информационного общества вызывает интерес и позитивные отклики также и за пределами научного сообщества. Было подчеркнуто, что акцент "экономики знаний" на совершенствовании системы высшего образования и подготовке научно-технических кадров способен положительно повлиять на будущее развитие КНР.

В Обществе российско-китайской дружбы

Делегация ОКРД в Москве

С 22 по 26 ноября 1999 г. в Москве находилась с визитом делегация Общества китайско-российской дружбы, возглавляемая Чэнь Хаосу. Он был избран новым Председателем ОКРД 5 октября 1999 г. на торжественном заседании в Пекине, посвященном 50-летию образования Общества китайско-российской дружбы. Чэнь Хаосу - сын маршала Чэнь И - известный общественный деятель, поэт, специалист в области театра и кино. Визит в Москву стал одним из первых его шагов на посту Председателя ОКРД.

24 ноября делегацию принимали в Институте Дальнего Востока РАН. Китайских гостей приветствовали Председатель правления Общества российско-китайской дружбы, директор ИДВ, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко, Почетный председатель правления ОКРД, академик С.Л.Тихвинский, члены Ученого совета Института, работающие здесь активисты Общества дружбы.

Чэнь Хаосу выступил на заседании Ученого совета ИДВ РАН. Он подчеркнул, что развитие дружественных китайско-российских отношений имеет большое значение для дела позитивного развития международных отношений в мире в целом, отвечает жизненным интересам народов двух наших стран.

В тот же день в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось торжественное собрание, посвященное 50-летию Общества китайско-российской дружбы. Китайскую делегацию поздравили с юбилеем глава Росзарубежцентра В.Н.Терешкова, руководители правления ОКРД, представители Российского комитета ветеранов войны и молодежной секции ОКРД.

Рецензии

Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы / РАН, Ин-т Дальнего Востока. - М: Республика, 1999. - 240 с.

Главной темой сборника работ члена-корреспондента РАН М.Л.Титаренко стала проблема сохранения национальной культурно-цивилизационной традиции в ходе быстрого реформирования общества и его включения в процессы глобализации. Хотя в центре рассмотрения проблемы находится Китай, автор обращается к проблемам развития региона в целом, полагая, что сформировавшаяся в последние десятилетия "восточно-азиатская модель развития" демонстрирует миру наличие альтернативных путей строительства демократии и рыночной экономики, которые не сводятся к копированию западной модели. Автор считает, что "страны Азии, и в том числе Китай, бесспорно, создают новую модель модернизации" (с. 13).

Азиатский финансовый кризис 1997 года подтолкнул многих зарубежных исследователей к критике "восточно-азиатской модели развития". В ходе рассмотрения влияния кризиса на переоценку "азиатских ценностей" М.Л.Титаренко особо подчеркнул наличие в этих спорах очевидного поверхностного слоя, продиктованного сиюминутной конъюнктурой 1997-1998 годов: если до кризиса многие ученые превозносили "азиатское чудо" до небес, то в дни кризиса в моду быстро вошла критика "восточно-азиатской модели" и ее цивилизационных основ. Автор оспорил построенный на субъективных симпатиях "реалистический подход" к "азиатской модели". По его мнению, в основе по-прежнему перспективной "восточно-азиатской модели" роста лежат не только устойчивые, но и позитивные по сути своей духовные ценности.

Азиатский финансовый кризис был обусловлен серьезными ошибками региональных политических и экономических лидеров, в том числе и тех, что неустанно клялись в верности своим национальным ценностям. Однако к их просчетам можно отнести не только недостаточность либерализации экономики и демократизации

политики своих стран, на что указывают многие западные исследователи, но и отказ от собственных цивилизационных устоев, сопровождавшийся "некритическим и бездумным усвоением западных ценностей общества потребления, подрывающих мобилизующие факторы функционирования экономик азиатских стран" (с. 133).

Стоит отметить, что к концу 1999 г. азиатский регион вышел из периода кризисного спада, признаки экономического роста проявились практически во всех пострадавших от "финансовой бури" странах (за исключением переживающей тяжелый период внутренней нестабильности и религиозно-этнического сепаратизма Индонезии). "Азиатская модель" пережила тяжелое испытание, столкнувшись с необходимостью реформирования, но все же сохранила себя. Финансовый кризис миновал, но он ошутимо активизировал научные дискуссии о глобализации, о проблемах темпов и социальной приемлемости изменений в традиционных обществах, об экономической цене утраты внутренней политической стабильности.

При анализе будущего Китая и перспектив его взаимодействия со странами региона и всего мира, автор опирался на "комплексное рассмотрение адаптивных способностей к модернизации и к требованиям индустриального общества современной китайской цивилизации с ее многотысячелетними духовными традициями" (с. 15). В книге подчеркивается, что одним из источников стабильности и единства китайской цивилизации являются унаследованные от прошлых столетий "социальный органицизм и идейный холизм" (с. 24). Культурно-цивилизационный подход был применен также и к анализу китайских экономических преобразований и политических установок Пекина.

Обсуждая экономические успехи китайских реформ последних двух десятилетий, М.Л.Титаренко отметил глубинный цивилизационный парадокс, связанный с

нынешним ростом потенциала Китая. С одной стороны, чаемый Западом переход Китая на позиции западных ценностей способен привести страну к политическому кризису, замедлить ее экономическое развитие и вызвать разрушительный хаос. Последствия этого будут тяжелы не только для самих китайцев, но и для мира в целом. С другой стороны, мощь Китая зачастую воспринимается как угроза стабильности западной цивилизации (с. 51), что толкает западных политиков к алармизму и разработке программ "сдерживания" Пекина. Можно согласиться с мнением автора о том, что мировое сообщество должно руководствоваться принципом "не навреди" и не пытаться вмешиваться во внутрикитайские процессы.

Размышления о том, повторит ли КНР судьбу СССР, также приводят российского читателя к непривычному парадоксу. Преддверием заката СССР стал достопамятный брежневский "застой", когда к началу 1980-х годов темпы экономического роста упали до критически низких величин. Но не менее трудным испытанием для нынешнего Китая стали два десятилетия ускоренного экономического роста - "воистину, как учил основоположник даосизма Лао-цзы, в победе кроется опасность поражения" (с. 39). Несмотря на ряд самоочевидных достоинств роста экономики и благосостояния, на некотором рубеже головокружительные темпы изменений могут оказаться неприемлемыми и перегрузка может "стать причиной глубокого общего кризиса общества, государства и личности" (с. 40). Китайские реформы уже испытывают немало внутренних трудностей. М.Л.Гитаренко отмечает, что КНР исчерпала потенциал экстенсивного развития; страна сталкивается с международными противоречиями и региональными сепаратизмом; растет разрыв в уровне доходов между бедными и богатыми, наблюдается отставание темпов реформы политической системы от экономической, тем временем "слой богатых собственников в Китае, обладая значительной экономической и личной свободой, в целом отчужден от политической власти и средств массовой информации" (с. 60).

Автор оптимистично оценивает перспективы дальнейшего развития Китая и сохранения его целостности. Он указывает на ряд фундаментальных особенностей китайской традиционной цивилизации, способных помочь преодолеть трудности - среди них стремление к социальной гармонизации, дух созидательности, этническая гомогенность населения и высокая эт-

ническая сплоченность ханьцев, высокая адаптивность и способность к "перевариванию" иностранного опыта (с. 24-28). Проблемы вхождения традиционной цивилизации в глобализующийся мир крайне сложны. К примеру, Китай сумел избежать воздействия азиатского финансового кризиса благодаря закрытости рынка капиталов, преобладанию прямых иностранных инвестиций над портфельными вложениями, незначительному объему краткосрочной задолженности, неконвертируемости национальной валюты, высокому уровню национальных валютных резервов и растущему положительному сальдо внешней торговли (с. 154). Но что здесь было главным - осуждаемая Западом закрытость финансового сектора или же успешная деятельность страны на внешних рынках? Может ли экономический рост продолжаться и дальше, без утраты политической стабильности и цивилизационной самобытности? Знакомство с книгой помогает читателю найти свой ответ на эти сложные вопросы современности.

Акцентируя состоявшуюся в XX веке глубокую и серьезную эволюцию китайской цивилизации в сторону открытия себя внешнему миру и последовавшего впитывания ею беспрецедентно большого объема нового материала, автор ставит два параллельных вопроса: что же осталось к концу XX столетия от 5000-летней китайской цивилизации и что осталось от намного более юного китайского марксизма? Ответы на них тесно переплетены друг с другом, ибо способность китайской цивилизации к "перевариванию иностранного" в полной мере сказалась и на заимствованном Китае из-за рубежа коммунистическом учении. Давая оценку итогам более чем полувекового процесса "китаизации марксизма", автор признает, что "былое видение концепции Мао Цзэдуна как выражения некоего китаеццентристского "шовинизма" оказалось односторонним. Оно не давало полного понимания ориентации Мао Цзэдуна на подчиненность усвоения западных достижений интересам Китая" (с. 53). Впрочем, Мао Цзэдун в книге не идеализируется - автор признает сохранение значительного влияния на взгляды Мао сталинской модели социализма; наследие Мао рассматривается прежде всего как преддверие деятельности Дэн Сяопина, открывшего новый этап китаизации марксизма.

Весьма любопытно (особенно для несведущего читателя, путающего прагматический лозунг "социализма с китайской спецификой" со знакомой ему по личной

опыту практикой советской модели социализма) проведенное автором сопоставление политики руководства КПК с "классической" в лице "Манифеста коммунистической партии" К.Маркса и Ф.Энгельса (1848 г.). Из этого сравнения следует, что классовая борьба и руководящая роль пролетариата более не стоят в китайской политике на первом месте; что интернационализме уступил место абсолютному приоритету национальных интересов; что требуемый основоположниками учения "решительный разрыв" с культурой прошлого сменился культурным консерватизмом; рынок же признается в КНР совместимым с социализмом (с. 82-87). Особо подчеркивается, что после распада СССР "Пекин отказался занять освободившееся место лидера в антизападном фронте как в международном коммунистическом, так и в национально-освободительном движениях" (с.116).

Значительное место уделено рассмотрению места России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и региональной концепции национальной безопасности России. Подчеркивая тенденцию к переходу к полицентричному миру, автор отмечает, что "само положение России на евразийском пространстве предопределяет ее роль связующего звена между Европой и Восточной Азией, географического стержня целостного мирового устройства, фактора сближения и взаимоувязки западной и восточной цивилизаций, политической культуры, моральных и идеологических ценностей" (с. 176). М.Л.Титаренко неоднократно и с различных сторон поясняет мысль о том, что, несмотря на различие в путях реформ, у России и Китая есть хорошие перспективы для добрососедства, а также огромный и пока что мало используемый потенциал экономического сотрудничества. Темы России и Китая резонируют друг с другом - анализ китайского культурного традиционализма приводит автора не только к рассмотрению причин устойчивости китайской цивилизации, но и к вопросу о возможности адаптации традиционной российской духовности к вызовам современности (с. 181).

Особое внимание уделено в книге цивилизационной миссии китаеведения (и востоковедения в целом), не только способствующих познанию Китая и Востока, но и "обеспечивающих переход от контактов и диалога к взаимопониманию и рав-

ноправному сотрудничеству социумов и их культур" (с. 142). В мировом масштабе синология превращается в инструмент цивилизационного общения Запада и Китая, при этом "особенностью российского китаеведения является то, что оно проникнуто духом евразийства, подчеркнутого равноправного отношения к Китаю, китайской цивилизации, стремлением к взаимопониманию и взаимообогащению, к симфонической гармонии культур" (с. 193).

На страницах книги автор не раз вступает в эмоциональную полемику с политиками, пропагандирующими тезис о "китайской угрозе" или считающих дезинтеграцию Китая отвечающей интересам мирового сообщества и, в том числе, России. Аргументы М.Л.Титаренко убедительно показывают, что "ныне Китай может угрожать только сам себе, так как, встав на путь угроз другим странам, он подорвет основу собственного стабильного развития" (с.119-121).

К счастью, сторонники лозунга "китайской угрозы" (понимаемой как угроза со стороны государства КНР, а не как угроза проникновения в Россию китайских мигрантов-нелегалов), малочисленны и занимают в российской политике маргинальное положение. Гораздо сложнее преодолеть сложившийся в России в 1990-е годы комплекс безразличия и отстраненности по отношению к Китаю и его опыту. Ученым пока не удалось своими скромными силами преодолеть эту удручающую тенденцию. Но необходимо помнить, что труды российских сиологов будут иметь шанс востребованными национальной элитой лишь в том случае, если они не утратят своих лучших вековых традиций - объективности, опоры на исторический подход, использования "всей совокупности первоисточников на китайском языке", а также "всей суммы знаний, полученной зарубежным китаеведением" (с. 194).

Книга М.Л.Титаренко излагает сложные проблемы Китая и Восточной Азии в доступной и ясной форме. Эта работа способна заинтересовать и тех читателей, кто, не принадлежа к узкому профессиональному сообществу китаеведов, хотел бы ознакомиться с основными проблемами развития КНР и региона в целом. Остается лишь выразить надежду на то, что знакомство с этой книгой поможет читателю заинтересоваться Китаем, его богатой традицией, его настоящим и будущим.

В.Л.Ларин. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. 284 стр.

Рецензируемая монография - серьезный научный труд, впервые в отечественной специальной литературе анализирующий в широком контексте российско-китайских отношений многообразную проблематику и процесс развития сотрудничества и связей Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР в 90-е годы. Вместе с тем, в работе обстоятельно излагается взгляд на нынешние и грядущие российско-китайские отношения с точки зрения дальневосточников, более чем кто-либо из россиян, контактирующих с китайским соседом и потому имеющих собственные представления о нем, отличающиеся от представлений федерального центра и московских ученых-международников, в том числе специалистов по Китаю и Азиатско-Тихоокеанскому региону. Поэтому автор настаивает на том, чтобы текущее и долгосрочное планирование федеральным центром китайской политики России не игнорировало, а оптимально учитывало соображения и интересы населения дальневосточного региона страны, роль которого в сотрудничестве с КНР будет с годами неуклонно возрастать.

Судя по характеру поставленных в монографии вопросов и подходу к их освещению, автор попытался, так сказать, "без гнева и пристрастия" оценить прежде всего перспективы отношений между двумя сопредельными державами. Отсюда его стремление рассмотреть все наиболее важные, в том числе и наиболее острые, аспекты российско-китайских отношений на региональном и общегосударственном уровнях. Это - несомненное достоинство книги В.Л.Ларина, успешно избежавшего влияния эйфорической атмосферы, возникшей в последние годы в связи с весьма впечатляющим сближением Москвы и Пекина, с укреплением взаимопонимания между ними, с их обоюдной готовностью развивать стратегическое взаимодействие в обозримой перспективе. Подчеркнуто суровый реализм автора в оценке совпадающих и сталкивающихся интересов, поведения и целей сотрудничающих сторон в лице региональных и центральных органов и структур, а также в целом взвешенный взгляд на меру их конструктивности, ком-

промисности и эгоизма при решении конкретных вопросов текущего сотрудничества и при наработке заделов для будущего взаимодействия позволили ему не впасть ни в чрезмерный оптимизм, ни в чрезмерный пессимизм по поводу характера российско-китайских отношений в XXI веке.

К достоинствам рецензируемой монографии следует отнести и то внимание, которое автор уделил изложению и критическому разбору взглядов отечественных и зарубежных специалистов на исследуемую проблематику. В результате полнее и ярче высветились и вся ее многосложность, и неизбежность разнообразия подходов к ее анализу.

И есть все основания считать отнюдь не тщетной надежду автора на то, что его работа "будет способствовать более реальному восприятию обстановки не только рядовым читателем, но и российской политической элитой". (Стр. 9). По крайней мере, что касается заинтересованного рядового читателя, то это несомненно. Написанная живо и увлекательно книга В.Л.Ларина не пройдет мимо этого "рядового" и послужит его политическому просвещению. С российской элитой дела обстоят сложнее. И не случайно автор отмечает, что, в частности, большинство высказанных директором Института Дальнего Востока РАН М.Л.Титаренко еще в "самом начале 90-х годов рекомендаций о принципиальных подходах России к отношениям с Китаем, о путях и средствах повышения эффективности двусторонних связей по сегодняшний день так и не реализованы" (Стр. 11). И далее: "Практика как раз показывает, что у российских политиков и бюрократов существует свое представление о проблемах российско-китайских отношений и методах их разрешения, далеко не всегда совпадающих с взглядами специалистов-китаеведов". (Стр. 14). Правда, автор порицает и столичных геополитиков за игнорирование "региональных материалов", которое, по его мнению, проистекает из "московского снобизма", из пренебрежительного отношения к "провинциальной науке" и даже из "неосознанного преклонения перед вырвавшейся далеко вперед

(??) западной политологией". (Стр. 15). Впрочем, несколько противореча самому себе, он признает, что выходящие из под пера многих дальневосточных ученых работы о международном положении и международных отношениях в Восточной Азии - это не более чем "ученические эссе". (Стр. 15). Так что беда не только в "московском снобизме".

В.Л.Ларин считает, что "пожалуй, сердцевиной "китайской проблемы" является для дальневосточников территориальное размежевание". (Стр. 6). Поэтому рассуждения на эту тему в той или иной форме, в той или иной связи присутствуют почти во всех семи главах работы, а также в предисловии и в заключении. Они подкреплены кратким экскурсом в историю российско-китайского территориального размежевания и помещенными в "Приложениях" текстами некоторых документов, касающихся границы и регламентирующих порядок сотрудничества между приграничными регионами двух стран в хозяйственной и других областях. Автор скрупулезно и с разных сторон рассматривает указанный аспект российско-китайских отношений, обильно цитирует местную и центральную прессу, подробно описывает бурную полемику между дальневосточными субъектами РФ и федеральным центром в связи с ходом демаркации восточного участка границы, критически оценивая позиции и подходы обеих сторон.

В.Л.Ларин, однако, признает, что "разобраться, сколько же российской земли действительно было отдано Китаю, очень непросто". По данным МИД РФ, общие "потери российской национальной территории" в результате демаркации, составили более 150 кв. км. А по подсчетам дальневосточного ученого Б.Ткаченко - около 1240 кв. км. (Стр. 224). Разброс оценок впечатляющий. "Для меня, - пишет В.Л.Ларин, - очевидно, что серьезных юридических оснований для некоторых сделанных им территориальных уступок Китаю в Приморье и на Амуре Советский Союз не имел". (Стр. 228). Однако он полагает, что Москва сделала это, рассчитывая таким путем снять масштабные территориальные притязания Китая к СССР. А жесткая линия губернатора Е.Ноздратенко под девизом "ни пяди приморской земли китайцам", по мнению автора, якобы использовалось федеральным центром России для "давления на тот же Китай" и потому не пресекалось. (Стр. 229-230). При всем своем негативном отношении к советско-китайскому соглаше-

нию о государственной границе в ее восточной части от 16 мая 1991 г. автор тем не менее констатирует: "...Эпопея с демаркацией восточного участка российско-китайской границы завершилась так, как она и должна была завершиться: проведением линии границы в строгом соответствии с подписанным соглашением, на основе нахождения компромиссных решений, что и предполагает сам процесс определения и уточнения границы на местности". (Стр. 232).

Особо следует отметить, что В.Л.Ларин своей монографией внес ясность в проблему якобы уже достигшего опасного уровня демографического давления со стороны Китая на сопредельные районы России и приобретшей будто бы массовый характер тайной инфльтрации китайцев в пределы Приморья, Приамурья и Сибири. Как и в случае с пограничной проблемой, автор подробнейшим образом анализирует соответствующие материалы и местной, и центральной прессы, а также зарубежной научной периодики, показывает кому и зачем понадобились домыслы насчет "устрашающего" наплыва китайцев в Россию в 90-е годы. Опираясь на этот тщательный анализ, он заключает: "Совершенно очевидно, что вопреки многочисленным спекуляциям в российской прессе на предмет экономической и демографической экспансии Китая в России, подхваченным некоторыми учеными, в начале 90-х годов, Китай не представлял собой какой-либо политической, социальной или экономической угрозы Дальнему Востоку". (Стр. 246).

Но отсутствие угроз сегодня, замечает В.Л.Ларин, не означает, что их не может быть завтра. Комплекс факторов, связанных с потребностями развития Китая, с мощным внутренним демографическим давлением, по мнению автора, делает возможность "активизации северного направления китайской политики весьма реальной" и "никакие соглашения о "стратегическом партнерстве" остановить его (Китай - А.Я.) не в состоянии". (Стр. 247). Исходя из такой посылки, Ларин рекомендует российским стратегам учиться взаимодействовать с таким Китаем, "какой он есть в природе, а не с таким, каким бы им хотелось его иметь". "Перед ним, предупреждает автор, нельзя унижаться и заискивать, поскольку это воспринимается как демонстрация слабости, а слабым партнеров Китай (только ли он? - А.Я.) презирает". (Стр. 247).

В.Л.Ларин кончает свое исследование фразой: "Сегодня Россия и Китай

объективно нужны друг другу. Сохранится ли эта потребность завтра?". (Стр. 250).

Вопрос, прямо скажем, кардинальнейший. И автору работы, которая, между прочим, по сути посвящена не только нынешнему состоянию, но и перспективам российско-китайских отношений как на региональном, так и в значительной мере на межгосударственном уровне, следовало бы попытаться ответить на него или, по крайней мере, поразмышлять о тех факторах, которые объективно делают эту потребность долгосрочной. Между тем, отметив, что "нынешний геополитический расклад сам по себе толкает Россию и Китай к более тесным отношениям" (Стр. 250), В.Л.Ларин, к сожалению, и остановился на этом. Но ведь очевидно, что указанный расклад не исчезнет завтра. Сам же автор указывает: "Кита не имеет союзников. США и Япония откровенно видят в ем будущего врага" (Стр. 250). В России они столь же откровенно видят и сегодняшнего и завтрашнего противника. Следовательно, геополитический расклад - долговременный фактор развития российско-китайского взаимодействия на мировой арене. И было бы вполне уместно попытаться взвесить роль этого фактора, с одной стороны, и разного рода различий между Китаем и Россией, несовпадения их позиций по каким-то вопросам и даже трений между ними, с другой, в грядущих судьбах российско-китайского стратегического взаимодействия. Различия и острые проблемы между двумя державами, в том числе подчеркиваемая В.Л.Лариным так называемая "культурно-цивилизационная несовместимость", существовали всегда. Но факт остается фактом: российское и китайское государства на протяжении трех с лишним столетий, во-первых, ни разу не находились в состоянии масштабной, официально объявленной войны, во-вторых, их отношения "выстраивались по большей части на равноправной основе". (Стр. 249). Этот уникаль-

ный в истории международных отношений случай столь длительного добрососедства двух великих сопредельных держав можно объяснить только превалирующим влиянием геополитического фактора, наличием общей внешней угрозы, которая постоянно заставляла их довольно быстро преодолевать конфликтные ситуации в своих отношениях и возвращаться к конструктивному взаимодействию по проблемам безопасности и сотрудничества в разных областях.

Ныне положение в мире и АТР складывается таким образом, что, говоря словами автора, "геополитический расклад" становится самым мощным источником императивов именно для устойчивого стратегического взаимодействия России и Китая. Конечно, сомнения и стремление высветить и выстроить в один ряд все "за" и "против" естественны для серьезного исследователя, но все же, как представляется, прогностический характер работы, а В.Л.Ларин явно делает заявку именно на такой характер своей монографии, требует выделения и развернутого обоснования наиболее вероятного по всем объективным данным варианта развития российско-китайских отношений на долгосрочную перспективу.

В заключение хотелось бы поздравить В.Л.Ларина с выходом в свет интересной и общественно полезной книги, фактически посвященной действительно не стопроцентно определенной перспективе российско-китайских отношений. Объективные императивы могут быть "скорректированы" ошибками, просчетами, ситуационными интересами "субъективного фактора", т.е. политиков в Москве и Пекине. но все же, похоже, нахрапистость и наглая бесцеремонность Запада в его стремлении к установлению диктата над миром сведет к минимуму влияние этого фактора уже в ближайшие годы. Да и Россия, по некоторым признакам, вскоре "встанет ото сна" и начнет "сосредотачиваться".

Китай и безопасность в АТР (Чжунго юй ятай аньцюань), Шиши чубаньшэ, Пекин, 1999г.

В январе 1999г. пекинским издательством "Шиши чубаньшэ" была выпущена книга "Китай и безопасность в АТР", написанная авторским коллективом экспертов Китайского института современных международных отношений под руководством известного ученого-международника Янь Сюэтуна. В книге представлены аналитические обзоры стратегий безопасности КНР, США, России, Японии, АСЕАН, РК и Австралии после холодной войны, а также дается прогноз развития обстановки безопасности вокруг Китая на основе исследования перспектив эволюции ее военных, политических и экономических аспектов.

Как считает руководитель авторского коллектива Янь Сюэтун, основной характеристикой международной ситуации сразу после окончания холодной войны стала неопределенность. После распада СССР и завершения периода блокового противостояния идеологические факторы перестали играть роль критериев при определении противников и союзников, усилились тенденции формирования мировой и региональной многополярности. Несмотря на конкретизацию целого ряда факторов формирования нового международного порядка, данный процесс по-прежнему находится в незавершенной стадии, а во внешней политике многих государств сохраняются элементы переходности.

Сразу после окончания холодной войны Россия попыталась интегрироваться в число западных развитых государств, но не была принята в эту группу и была вынуждена активизировать связи с Китаем в направлении формирования партнерских отношений стратегического взаимодействия. В начале 90-х годов США рассматривали в качестве основного соперника своим усилиям по глобальному доминированию Японии, но вскоре внимание Вашингтона привлек динамично развивающийся Китай, который в конечном итоге и стал основным в АТР объектом американской политики сдерживания конкурентов на международной арене.

Внешняя политика и концепции безопасности крупных государств стали менее стабильными и последовательными,

увеличились элементы недоверия между ними, что, в свою очередь, негативно отразилось на безопасности в АТР.

Исходя из данных посылок, авторы книги подвергли анализу концепции безопасности основных государств АТР. Особенно интересен показ ключевых особенностей стратегии КНР, оборонительной направленности ее военного строительства и стремления к сотрудничеству при решении проблем безопасности в регионе.

Основные положения книги можно свести к следующему.

Ключевой целью стратегии безопасности КНР является обеспечение мирной среды для осуществления модернизации страны. Исходя из этого, Китай в АТР решает задачи защиты национальной территории, воздушного и морского пространства, морских прав, а также государственной целостности и единства нации, обеспечения безопасности и процветания в регионе, особенно мира и стабильности в субрегионах Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

Стратегия обеспечения безопасности КНР в АТР включает четыре основные составляющие. Во-первых, подчинение военного строительства потребностям общего экономического развития страны и сохранение умеренных военных расходов, которые в 1998г. достигли 11 млрд. ам. долларов и составили 1.2 % ВВП страны. Во-вторых, создание отборных ВС. Осуществляя стратегию активной обороны, Китай проводит курс преимущественной национальной разработки и необходимого заимствования извне новых высокотехнологичных вооружений и военной техники, повышая способности своих ВС вести боевые действия в условиях применения высокотехнологичных ВВТ в локальной войне. В-третьих, осуществление на основе принципа незаключения военных союзов сотрудничества в области безопасности через различные каналы и в различных формах на двух- и многосторонней основе. Целями такого сотрудничества являются увеличение взаимного доверия с приграничными странами, уменьшение вероятности вовлечения в вооруженные конфликты, недопущение распростра-

ния ОМУ в чувствительных регионах АТР, особенно воспрепятствование распространению оружия на Тайвань. В-четвертых, отказ взять на себя обязательство не применять силу для решения задачи национального объединения, а также сотрудничество с мировым сообществом в борьбе с международной деятельностью сепаратистских элементов, стимулирование переговоров об объединении между двумя берегами Тайваньского пролива при сохранении готовности к непреднамеренному возникновению вооруженного конфликта.

По мнению авторов книги, суть стратегии безопасности США заключается в поддержании такого уровня ВС, который бы соответствовал статусу США как супердержавы, а также в укреплении двусторонних военных союзов. На 1996-2001гг. расходы на оборону США достигли 1.6 трлн. ам. долларов. Вашингтон намерен сохранять размещенный в АТР 100-тысячный контингент своих ВС и ускорить разработку системы ПРО ТВД в целях размещения ее компонентов в Японии и на Тайване. Американская политика в области безопасности в АТР по-прежнему базируется на верховенстве двустороннего сотрудничества при вспомогательной роли многосторонних форм. Так, США в 1996г. подписали совместную декларацию о гарантиях безопасности с Японией и договор о стратегических партнерских отношениях в 21-ом веке с Австралией, расширив сферу действия этих союзов. Одновременно США активизировали военные обмены и консультации в области безопасности с Россией и Китаем. Вашингтон не может играть ведущую роль в региональном форуме АСЕАН (АРФ) и поэтому не возлагает серьезных надежд на эту структуру. США пытаются создать под своим лидерством совещание министров обороны стран АТР, но не получают однозначной поддержки со стороны других государств. Тем не менее США в рамках "второй дорожки" уже инициировали трехсторонние диалоги в области безопасности между США, КНР и Японией и между США, РФ и Японией.

В ноябре 1995г. Япония выдвинула т.н. новую концепцию обороны, в которой цель национальной стратегии безопасности трансформирована с обороны собственной территории на "базовую оборону". Имеется в виду превращение Японии в мощную военную державу для реагирования на факторы нестабильности в пригра-

ничных районах. При этом конкретными целями обеспечения безопасности Японии являются создание определенного военного потенциала для защиты национальной территории, возможность реагирования на крупные стихийные бедствия и неожиданно возникающие инциденты в приграничных районах, создание систем региональной и глобальной безопасности. При этом понятие "приграничные районы" включает Корейский полуостров и Тайвань.

Центральным элементом японской политики в области обеспечения безопасности являются укрепление военного союза с США и повышение собственных военных возможностей. Военное сотрудничество с США призвано позволить Японии расширить сферу деятельности своих ВС до регионального и даже глобального уровня. Планируется, что военные расходы Японии в 1996-2001гг. будут в среднем увеличиваться на 2,5 %.

В силу значительного упадка совокупного национального потенциала географические рамки реализации стратегии безопасности России в АТР сужены, главным образом, до регионов Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии, полагают авторы книги. Из-за активизации сепаратистских сил, политической нестабильности и экономических сложностей основной целью реализации стратегии безопасности Москвы в АТР является недопущение обособления и отделения дальневосточной части страны. Наряду с этим, Москва также стремится участвовать в региональном сотрудничестве в области безопасности, не допуская вытеснения РФ из АТР и поддерживать в регионе равноправные партнерские отношения с США. Суть российской стратегии безопасности в АТР заключается в скорейшем восстановлении экономики страны и создании тем самым условий для реанимирования военного потенциала. Однако данная цель вряд ли может быть достигнута в ближайшее время, на восстановление же военного потенциала России до уровня бывшего СССР потребуются не менее 15 лет. В этой связи Россия будет стремиться поддерживать достаточный уровень своих стратегических ядерных сил и проводить политику ядерного сдерживания. В своей политике в АТР Москва основной акцент будет делать на развитие отношений с КНР, США, Японией, РК и КНДР. При этом развивающиеся в настоящее время с Китаем стратегические отношения в области безопасности

имеют наибольшую значимость. Российско-китайское сотрудничество в области безопасности способствует восполнению недостатка совокупного потенциала РФ, сдерживанию сепаратистских настроений на Дальнем Востоке России и уменьшению военного давления на этот регион.

Для стран АСЕАН после окончания холодной войны исчез фактор борьбы за доминирование в этом регионе между США и СССР. Государствам ассоциации удалось в определенной мере смягчить или даже разрешить существующие между рядом из них пограничные споры, а также сгладить внутренние межнациональные противоречия. В этих условиях цели обеспечения безопасности стран АСЕАН можно сгруппировать в три области: защита морских прав, обеспечение стабильности в регионе и повышение роли Ассоциации в проблемах региональной безопасности.

Страны АСЕАН заинтересованы в том, чтобы самим решать собственные проблемы безопасности. Они не хотели бы полного доминирования США в вопросах безопасности в АТР, а также обеспокоены тенденциями превращения Японии в военно-политическую державу и испытывают настороженность по отношению к КНР. Исходя из этого, политика стран АСЕАН в области безопасности включает, во-первых, поддержку американского военного присутствия в регионе, поддержание с США соответствующих отношений военного сотрудничества, использование американских ВС для обеспечения общей стабильности в регионе, во-вторых, игра на противоречиях в области безопасности между США, КНР, Японией и другими крупными государствами для усиления через АРФ голоса Ассоциации по вопросам безопасности в АТР, в-третьих, укрепление сотрудничества в области безопасности между самими членами АСЕАН, создание коллективных сил безопасности и, в-четвертых, ускорение модернизации вооружений и военной техники, повышение своих способностей к ведению боевых действий на море и в воздухе, а также к урегулированию возможных инцидентов на море.

Финансовый кризис, разразившийся в Азии в 1997 г., резко ухудшил экономическое положение стран АСЕАН, которые фактически утратили необходимый экономический потенциал для реализации прежней стратегии безопасности и были вынуждены отказаться от многих программ приобретения современных воору-

жений. Кроме того, волнения в Индонезии после ухода с политической арены Сухарто оставили АСЕАН без прежнего лидера. В этих условиях Ассоциация не может скоординировать усилия для преодоления экономических проблем и выработки единой стратегии в области безопасности. Такое положение, скорее всего, сохранится по крайней мере до 2001г.

Главной целью стратегии безопасности РК является недопущение военного наступления со стороны КНДР, реализация задачи национального объединения и обеспечение региональной безопасности. В этих целях Сеул опирается на военный союз с США, стремясь к увеличению своей самостоятельности в вопросах безопасности. РК также изыскивает пути активизации сотрудничества в области региональной безопасности с Японией, КНР, Россией и странами ЮВА. В РК считают, что при продолжении Китаем политики реформ и открытости он может продолжать играть активную роль в обеспечении стабильности и содействии делу национального объединения на Корейском полуострове. Сеул стремится к стабилизации военных связей с Севером, принимает активное участие в операциях ООН по поддержанию мира.

Австралия в своей стратегии безопасности исходит из того, что после окончания холодной войны вероятность глобального конфликта существенно уменьшилась, но только опираясь на американские ВС, сложно обеспечить мир в АТР, в силу чего государства региона должны больший упор делать на самостоятельность в решении проблем своей безопасности. В этой связи Канберра развивает союзнические отношения с США и активизирует диалог по проблемам безопасности со странами региона, особенно с КНР и Японией, а также формирует прочные стратегические партнерские отношения с государствами АСЕАН. В стратегии безопасности Австралии, помимо аспектов национального военного строительства, важное место занимают вопросы сотрудничества в области безопасности. Канберра, в частности, активно выступает за продвижение международных процессов разоружения и нераспространения ОМУ, особенно в ядерной области, высказывается за скорейший переход АРФ от этапа развития мер доверия к осуществлению пренативной дипломатии, а также за институализацию Азиатско-тихоокеанского совета сотрудничества в области безопасно-

сти (АТССБ).

После окончания холодной войны "международное сообщество продолжает находиться на этапе перехода от двухполюсной структуры к конфигурации "одна супердержава, много крупных стран". На начальном отрезке этого периода ситуация в области безопасности в АТР непрерывно изменялась и отличалась большой неопределенностью. С 1996г. по мере стабилизации международных отношений в обстановке в области безопасности в АТР стали четче вырисовываться следующие новые тенденции.

1. В АТР в целом сформировалась базовая стратегическая конфигурация отношений в области безопасности, между крупными державами де-факто достигнуто неформальное соглашение о неиспользовании вооруженной силы для разрешения взаимных противоречий в области безопасности.

В 1994 г. сформировалась конфигурация "одна супердержава, много крупных стран", в состав которой в качестве основных фигурантов соответственно входят США, КНР, Япония, РФ и Германия. Одновременно получил развитие ряд международных и региональных организаций и объединений стран, которые стали выступать в качестве стратегических факторов, сдерживающих указанные пять крупных государств. В Европе это ЕС, в АТР - АРФ. Таким образом, к середине 90-х годов в целом сформировалась система стратегических взаимоотношений между основными мировыми центрами сил. Конкретным проявлением этого стало формирование в 1996г. между КНР и Россией партнерских отношений стратегического взаимодействия и подписание США и Японией в том же году совместной декларации о гарантиях безопасности, а также начало реализации США и их европейскими союзниками планов расширения НАТО на восток. В результате были образованы стратегические партнерские отношения между США и Японией, КНР и РФ, США и Европой, а стратегическая конфигурация "одна супердержава, много крупных стран" приобрела относительную устойчивость.

В АТР вследствие данных изменений появилась новая геополитическая реальность, основными субъектами которой стали США, КНР, Япония, РФ и АСЕАН. При этом наиболее значимые стратегические взаимоотношения сформировались между США и Японией и между КНР и

РФ. США сохранили или укрепили двусторонние военные союзы с Японией, РК, Австралией, Филиппинами и Таиландом, образовав американоцентричную веерообразную модель взаимоотношений в области безопасности. Китай, придерживаясь принципа незаключения союзов, в рамках двусторонних отношений развивал содержательное военное сотрудничество с Россией, КНДР, Таиландом и Бирмой.

2. Отношения сотрудничества стран АТР в вопросах безопасности приобрели более сложный характер, общность интересов в области безопасности стала зависеть от сути конкретных проблем безопасности.

Несмотря на ведущую роль в АТР взаимоотношений между США и Японией, КНР и РФ, а также в рамках АСЕАН, в регионе сформировались и другие важные стратегические взаимосвязи, а именно США-КНР-Япония, США-КНР-РФ, КНР-Япония-АСЕАН. Последние имеют меньший географический охват и в ряде случаев пересекаются с взаимоотношениями США-Япония, КНР-РФ и в рамках АСЕАН.

Главным отличием взаимоотношений между ключевыми государствами в АТР после холодной войны и в рамках прежнего треугольника США-СССР-КНР и имевшейся ранее т.н. игры с нулевым результатом является то, что, несмотря на наличие противоречий, между основными центрами сил отсутствует конфронтация, а сотрудничество и соперничество, как правило, существуют одновременно.

В АТР практически невозможно использовать какой-либо единый стандарт для определения стратегических партнеров или соперников. Диверсификация интересов в области безопасности каждого отдельно взятого государства привела к тому, что интересы безопасности любых двух стран лишь частично пересекаются. Как следствие, общие интересы безопасности государств АТР могут определяться лишь на основе их подходов к конкретным проблемам. Так, в области нераспространения ОМУ и по вопросам денуклеаризации Корейского полуострова совпадают интересы США, Японии, РК, России и КНР, по проблеме недопущения создания ядерного оружия Японией идентичны подходы КНР, США, РФ, РК и КНДР, по вопросу создания безъядерной зоны в ЮВА близки позиции КНР, США и РФ, по проблеме недопущения распространения ядерного оружия в Южной Азии много общих интересов у КНР,

США и Японии. Ситуация, при которой партнеры и соперники в области безопасности определяются в зависимости от существа конкретной проблемы, способствует недопущению реанимации в АТР серьезного военного противостояния между военными блоками различных государств.

3. Увеличивается влияние КНР на проблемы безопасности в АТР.

Благодаря динамичному развитию экономики Китаю удалось сыграть положительную стабилизирующую роль в условиях финансового кризиса, разразившегося в АТР с лета 1997г. Отказ от девальвации юаня позволил не только сохранить стабильность обменного курса гонконгского доллара, но и не допустить тем самым усиления кризисных явлений в странах ЮВА.

Активизация участия КНР в различных формах сотрудничества в области безопасности в АТР способствовала увеличению интереса стран региона к взаимодействию с Китаем в данной области и уменьшению базы для раздувания теории о китайской угрозе.

Коренным условием безопасности в АТР в постконфронтационный период стало сотрудничество между КНР и США, так как большинство проблем безопасности в регионе испытывают влияние китайско-американских отношений.

4. Форма обеспечения безопасности через сотрудничество становится доминирующей в многостороннем взаимодействии стран АТР в области безопасности. Постепенно формируется т.н. новая концепция обеспечения безопасности в регионе.

В АТР, помимо двусторонних, также существуют многосторонние военные союзы (например, между Великобританией, Сингапуром, Австралией, Новой Зеландией и Малайзией или американо-австралийско-новозеландский союз), хотя первые являются доминирующими в регионе. Несмотря на укрепление в АТР после окончания "холодной войны" двусторонних военных союзов, в регионе также происходит становление такой новой формы взаимодействия в области безопасности, как ее обеспечение через сотрудничество в двух- и многосторонних форматах. Примером этого в первом случае могут служить партнерские отношения стратегического взаимодействия между КНР и Россией, а во втором - деятельность АРФ, четырехсторонних переговоров по проблемам корейского полуострова, АТССБ, Диалога о сотрудничестве в СВА. Кроме того, к формам обеспечения

безопасности через сотрудничество в АТР можно отнести организуемые в формате "второй дорожки" трехсторонние встречи представителей США, КНР и Японии, а также США, Японии и России. Учитывая активность России и Японии в продвижении идеи о формировании механизма диалога в области безопасности между данными четырьмя крупными державами, нельзя исключать появления данной структуры уже в начале 21-го века.

Коренные отличия обеспечения безопасности через сотрудничество и в рамках военных союзов заключаются в следующем. Во-первых, основой функционирования военного союза является наличие общего противника в лице конкретного государства или группы стран, обеспечение же безопасности через сотрудничество не направлено против третьей стороны и зиждется на наличии общих угроз, исходящих извне, или осуществляется для решения проблем сотрудничества между сторонами. Во-вторых, основной стратегической целью военного союза является устрашение противника или победа в вооруженном конфликте, обеспечение же безопасности через сотрудничество направлено на недопущение вооруженного конфликта. В-третьих, военные союзы при решении своих задач опираются, главным образом, на военные методы, в то время как при обеспечении безопасности через сотрудничество преобладающими являются такие невоенные методы, как политический диалог, увеличение военной транспарентности, создание мер доверия и осуществление превентивной дипломатии. В-четвертых, военные союзы представляют собой юридически оформленные обязательства сторон перед друг другом, а обеспечение безопасности через сотрудничество осуществляется путем консультаций на основе принципа консенсуса.

По мнению китайских экспертов, КНР и Россия являются основными проводниками идей обеспечения безопасности через сотрудничество и новой концепции безопасности в регионе. В подтверждение этого приводится совместное российско-китайское заявление от 25 апреля 1996г., в котором было провозглашено создание партнерских отношений стратегического взаимодействия, а также подписанные соответственно в 1997 и 1998гг. РФ, КНР, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном пятисторонние соглашения о мерах доверия и сокращении ВС в пограничных районах. Кроме того, Москва и

Пекин заявили о том, что их сотрудничество не направлено против третьих стран, а в совместном российско-китайском заявлении, принятом весной 1997г., в частности, указывалось, что обе стороны выступают за всеобъемлющую новую концепцию обеспечения безопасности, считают необходимым покончить с мышлением "холодной войны", выступают против блоковой политики и придерживаются необходимости решения межгосударственных споров мирным путем без применения силы или угрозы применения силы, а также выступают за укрепление взаимопонимания и доверия путем консультаций, за обеспечение мира и безопасности посредством двух- и многостороннего сотрудничества.

Важнейшей региональной структурой в деле продвижения идей обеспечения безопасности через сотрудничество в АТР является АРФ.

5. Основным принципом военного строительства государств АТР становится улучшение качественных параметров ВС, при этом темпы сокращения войск и вооружений замедляются.

Хотя в начальный период после окончания "холодной войны" в условиях прекращения блокового противостояния и повышения значимости решения экономических задач государства АТР ослабили внимание к военному строительству, однако примерно с конца 1994г. большинство стран региона вновь осознали роль ВС в национальном совокупном потенциале и скорректировали программы военного строительства в направлении улучшения качественного состояния войск и вооружений.

Курс на улучшение качества военного строительства является базовым и для Китая и включает шесть основных направлений: оптимизация организационной структуры, приоритетное внимание военным НИОКР и созданию ВВТ, подготовка соответствующих кадров, повыше-

ние уровня тылового обеспечения, улучшение состояния регулярных частей, совершенствование резервных компонентов.

В целом в сфере безопасности в АТР возрастает число положительных факторов, что отвечает интересам КНР по созданию для национального экономического строительства благоприятной обстановки безопасности по периметру своих границ. Стратегическая архитектура в АТР относительно стабильна, уменьшилось число факторов неопределенности в отношениях между крупными державами, которые пришли к негласному пониманию недопустимости решения взаимных споров военным путем. Это является основным гарантом невозникновения в регионе крупномасштабного международного вооруженного конфликта. Ситуация безопасности в АТР значительно улучшилась по мере развития военного сотрудничества между КНР и США. В ближайшей и среднесрочной перспективе соотношение сил в АТР вряд ли изменится в неблагоприятном для Китая направлении, что будет способствовать повышению роли Пекина в вопросах, связанных с обеспечением региональной безопасности. Обеспечение безопасности через сотрудничество и продвижение идей новой концепции безопасности также будет благоприятствовать увеличению доверия между КНР и странами АТР и тем самым уменьшит вероятность возникновения малых вооруженных конфликтов.

Вместе с тем заслуживают пристального внимания такие неблагоприятные с точки зрения интересов КНР тенденции, как активизация сепаратистских сил на Тайване и увеличение внимания стран АТР к качественному улучшению состояния своих ВС. Первый фактор чреват угрозой конфликта между КНР и отдельными странами региона, а гонка вооружений в АТР может усложнить реализацию задач военной модернизации Китая.

Белов Е.А. Россия и Монголия (1911-1919 гг.). М., 1999. 239 с.

Работа российского историка-китаеведа, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН Е.А.Белова посвящена политике царской России в отношении Внешней Монголии в период монгольской теократической монархии 1911-1919 гг. Автор широко известен в востоковедческих кругах как исследователь Синьхайской революции, российско-китайских отношений в начале XX века и других вопросов. Рецензируемая работа - это "прорыв" историка в монголоведческую область, которая, впрочем, также хорошо знакома Е.А.Белову, опубликовавшему ряд серьезных статей по истории Халха-Монголии и ее внешней политике в начале XX века.

Какова научная новизна данной работы? На наш взгляд, автор, опираясь на новый, ранее неизвестный архивный пласт документов, рассмотрел три крупных блока проблем, которые и составляют основной стержень монографии: 1) оценка событий 1919 года в Монголии, их причины и результаты (гл. I и II); 2) Россия и независимость Внешней Монголии, ее правовой статус (гл. III и IV); 3) Россия и панмонголизм (гл. V).

Отделение Внешней Монголии от Цинского Китая и провозглашение 1 декабря 1911 года монгольской независимости - одно из ключевых событий в новой и новейшей истории Монголии. По своему значению оно не уступает народной (1921 г.) и демократической (1990 г.) революциям в этой стране. Положительным фактором является то, что автор данное событие исследует в широком историческом контексте, т.е. анализирует не только конкретные события 1911 г. и мотивацию монгольских князей, но и выявляет глубинные предпосылки развертывания монгольского освободительного движения, в числе которых называется и агрессивная политика Цинов в XIX - начале XX веков в отношении Халха-Монголии. Е.А.Белов, фактически, раскрывает читателю всю технологию китайской колонизации, показывает ее особенности и эволюцию начиная с 1887 г. - со знаменитого указа официального Пекина о праве перехода китайских поселенцев за Великую стену, до декабря 1911 г. - момента провозглашения

независимости (с. 15-38). Здесь же Е.А.Белов справедливо отмечает экономическую и политическую заинтересованность России в отношениях с Внешней Монголией. Не случайно накануне 1911 г. монгольские лидеры видели официальный Петербург своим единственным и главным союзником в предстоящей борьбе с Китаем.

Не умаляя значения событий 1911 года, следует отметить, что они, все-таки, не носили характера формационного обновления Монголии и не были направлены на радикальную смену социально-экономического уклада. Доминантой событий 1911 г. являлось национально-освободительное движение, имевшее целью отделение от Китая и воссоздание монгольской теократии. В современной монгольской историографии превалирует концепция "трех революций" - 1911 г., 1921 и 1990 гг. Соглашаясь с оценкой последних двух революций (1921 и 1990 гг.), мы полагаем, что все-таки характеристика событий 1911 г. как "национальной революции" носит, на наш взгляд, несколько искусственный характер.

Автор, рассматривая декабрьские события 1911 г. в Урге, справедливо называет их "бескровным переворотом" и выделяет три фактора успехов монголов: 1) "активный национализм" халхасской верхушки; 2) поддержка со стороны России; 3) отказ китайских (ханьских) солдат в Урге защищать маньчжуров (с. 49). В данном разделе автор развенчивает ряд мифов, существовавших в советской историографии. Долгое время советские историки настаивали на том, что отделение Внешней Монголии было, якобы, результатом "острой классовой борьбы... широких аратских масс". Как свидетельствуют факты, отделение от Китая являлось следствием узкоэлитарного заговора высших лам и князей, организовавших, как отмечалось выше, бескровный переворот в Урге. Именно монгольская элита инициировала и возглавила аньтиманьчжурское движение.

Второй момент, также искажавшийся в литературе, - идеология монгольского движения 1911 г. Во многих советских изданиях просматривался тезис о наличии, якобы, демократических и антифео-

дальних идей в национально-освободительном движении 1911-1912 гг. Советские историки пытались связать революцию 1905-1907 гг. в России и события 1911-1912 гг. в Монголии, доказывая априорное идеологическое влияние первой. Конечно, эпизодическое воздействие на Монголию идей русских революционеров (от народников до большевиков) в период 1905-1911 гг., да и в последующие годы, имело место. Однако рассматривать революцию 1905-1907 гг. в России и движение 1911 г. как соответственно причину и следствие, было бы методологически неверно. На самом деле создание в декабре 1911 г. монгольского государства Богдо-гэгэна VIII знаменовало собой начало реставрации ламаистской идеологии, восстановление традиционных ценностей монгольской кочевой цивилизации, деформированных в период господства Китая. То есть события 1911 г. в Монголии, являясь по сути проявлением монгольского национализма, носили традиционно-консервативный характер.

Ключевой блок вопросов, рассмотренный в работе, - это политика России в Монголии после 1911 г. В российской и монгольской историографии до настоящего времени идут споры о том, была ли Внешняя Монголия независимой, или нет? Какова роль России в развитии монгольских событий в этот период? Каков был правовой и политический статус Монголии до и после Кяхтинского трехстороннего соглашения 1915 г.? Эти и многие другие вопросы по-разному трактуются в литературе. Е.А.Белов внес свой весомый вклад в эту дискуссию. Концепция автора сводится к следующим положениям: 1) "В строгом, точном смысле слова, - пишет автор, - Внешняя Монголия в 1911-1915 гг. не была независимой она находилась в эти годы в переходном политическом состоянии. Пекин пытался вернуть ее в состав Китая, Россия же противодействовала этому всеми способами, но Россия защищала не независимость Внешней Монголии, а ее автономию с большими правами в границах Китая" (с. 6). К этому следует добавить, что монгольское руководство, пойдя на подписание русско-монгольского соглашения 1912 г. и Кяхтинского соглашения 1915 г., фактически не признавало их, продолжая рассматривать Монголию в качестве независимого государства. Китай также был готов пересмотреть положения Кяхты при изменении ситуации - ослаблении России

или при иных обстоятельствах Тем не менее, Кяхтинская система отражала не только сложившийся баланс сил между Россией и Китаем в 1915 г., но и уровень реальной самостоятельности Монголии в тех исторических условиях, дав возможность Внешней Монголии реализовать себя в качестве субъекта отношений, хотя и в ограниченных пределах. Важным для монгольской стороны было то, что в рамках этой системы она имела определенные политические гарантии сохранения своей государственности со стороны России.

Процесс "демонтажа" Кяхтинской системы, начавшийся в 1917 г., с уходом царской России из Монголии и продолжавшийся в период деятельности Омского правительства Колчака (1918-1919 гг.), завершился уничтожением Китая монгольской автономии в конце 1919 г. (с. 173-191). Данные события подтвердили гипотетическую возможность независимого существования монгольского государства. Утерев после 1917 г. в лице России гаранта сохранения монгольской государственности, пусть даже в рамках автономии, Внешняя Монголия вновь оказалась под властью Китая.

Панмонгольское движение показано автором в работе в традиционном плане, - как движение по объединению в 1919 г. монголо-бурятских племен, организованное атаманом Семеновым при поддержке Японии (с. 168-173). Вместе с тем, необходимо заметить, что существует и другая интерпретация понятия "панмонголизм", связанная с более широким историческим толкованием данного процесса. Абстрагируясь от самого термина "панмонголизм", рожденного смутными временами гражданской войны и всегда носившего в нашей литературе оттенок реакционности, необходимо отметить, что практически все шаги монгольского и тувинского руководства с 1911 г. до 1919 г. были направлены на объединение Халхи, Внутренней Монголии, Тувы (до установления российского протектората над Тувой в 1914 г.), Кобдо, Барги и других районов. Е.А.Белов на страницах своей книги подробно рассказывает о борьбе Урги за присоединение Внутренней Монголии (с. 91-100), Урянхайского края (Тувы) (с. 153-168) и других сопредельных регионов. В широком смысле слова панмонголизм являлся одним из проявлений возрождающегося монгольского национализма, основой внешней политики теократического государства Богдо-гэгэна. Для монголов он

носил, несомненно, прогрессивный характер в тот исторический период.

Важным моментом в работе является то, что автор как бы заново "открыл" для читателя отдельных монгольских лидеров. Так, в советской историографии фигура Даламы Цэрэн-Чимида всегда трактовалась как реакционная: Даламе приписывались "китаефилия" и неумение оказывать значимое влияние на политические события. Е.А.Белов на документальном и фактическом материале доказал, что Далама являлся одним из ведущих лидеров Монголии, человеком бескомпромиссным, готовым отдать все, даже жизнь, ради свободы и независимости своей страны (с. 84-86, 111, 118, 139, 196, 200.)

Конечно, работа не свободна от некоторых недостатков. Одним из них порой является резкость и безапелляционность суждений. Автор не всегда точно расставляет акценты в некоторых сложных вопросах, требующих пояснения или более гибкой трактовки. Например, на с. 145, резюмируя параграф о торгово-экономических связях, он пишет: "Культурное сотрудничество России с Внешней Монголи-

ей не носило характера гуманитарной помощи. Оно имело целью укрепить позиции России в этой части Монголии для противостояния Китаю". думается, что данный вывод все-таки несколько однолинеен и нуждается в уточнении. В круг задач культурной политики России, помимо чисто политических, входили и задачи реализации более широкого спектра интересов и мотивов не только официального Петербурга, но и различных групп российского населения, проживавшего в приграничных с Монголией районах. Кроме того, библиография исследования, к сожалению, не включает некоторые важные работы аналогичной или смежной тематики; отсутствует перечень исследований современных монгольских историков, опубликовавших за последние девять лет не один десяток работ по данным вопросам.

Однако, все эти недочеты не снижают общего положительного впечатления от работы. Монография Е.А.Белова - фундаментальный труд по истории русско-монгольских отношений в начале XX века. Она, несомненно, найдет отклик у специалистов и у широких кругов читателей.

© 1999

*С.Лузянин,
доктор исторических наук*

Спицына К.А. Главные руководители японских компаний: практика работы. М.: Финансы и статистика, 1999. 160 с.

Поведение компании как основного субъекта предпринимательства и ключевого элемента рынка в любой экономической среде определяется решениями и действиями высшего эшелона ее руководства. Именно от этих "рулевых" в решающей мере зависит реализация избранной модели экономического развития. Между тем, специалисты, исследующие деятельность японских компаний, обычно основное внимание уделяют принципам формирования среды деятельности рядового персонала, а категория руководителей рассматривается, как правило, в контексте взаимодействия с ним.

В работе Спицыной К.А. впервые комплексно с использованием обширной фактографии, сопоставлений с практикой

других стран анализируется именно корпус высшего руководства японских компаний, который называется в книге "главными руководителями".

Автор начинает исследование с историко-культурных истоков организации предпринимательской деятельности в Японии, рассматривает закономерности экономического развития японских компаний как арены деятельности главных руководителей и дает определение компании "кайся", отражающей исторические аспекты организации хозяйственно-общественных взаимоотношений. Это помогает лучше понять современную роль главных руководителей как высшего эшелона руководства компаний, оценить масштабы их ответственности.

Рассмотрение особенностей различных типов компаний, существующих в Японии, с точки зрения требований законодательства к их деятельности и управлению, позволяет сделать вывод о том, что в зависимости от форм организации компании полномочия по управлению распределяются по-разному. Специальные органы по управлению, действующие по достаточно сложной схеме, существуют только в акционерных компаниях, которые получили наиболее широкое распространение в Японии и обладают большой привлекательностью с точки зрения возможностей расширения деловой активности.

В этой связи приводятся подробные описания процедуры создания и регистрации акционерных компаний, дается их классификация по направлениям деятельности, размеру капитала, структуре взаимоотношений.

Важную часть работы составляет разносторонняя характеристика корпуса главных руководителей и особенностей его формирования. Поскольку специфические японские явления порой трудно проанализировать в привычной нам терминологии, автором разрабатывается понятийный аппарат по структуре высшего эшелона руководства компаниями. В частности, проводится классификация по степени участия главных руководителей в делах компании.

Наиболее структурированный "косяк" корпуса высшего руководства японских компаний - это директора ("торисемарияку") акционерных компаний. Автор приводит детали процедуры избрания директоров и ревизоров на собрании акционеров, а также анализирует характер взаимоотношений между директорами и компанией как юридическим лицом. Базой этой части исследования явилось японское законодательство, впервые введенное в данном контексте в научный оборот.

Переходя к "качественным характеристикам" главных руководителей японских компаний, автор, на примере президентов, составляет своего рода типологию "пути попадания" в руководящую верхушку, которая анализируется на основании конкретных примеров и статистических данных.

Одной из важнейших характеристик

корпуса главных руководителей является их базовое образование. Традиционно подавляющее число ключевых постов в главном руководстве японских компаний занимают выпускники Токийского и Киотоского университетов, университетов Хитоцубаси, Васэда, Кэйе. Необходимость гуманитарного или технического образования зависит от отрасли, в которой действует компания, а также от направления деятельности, за которое отвечает тот или иной главный руководитель. Что касается гуманитарного образования, то его приоритетные направления в последнее время демонстрируют некоторые тенденции к изменению. К традиционным специальностям (экономика, юриспруденция, коммерческая практика) с конца 80-х годов добавилась специальность "организация бизнеса", подготовка по которой имеет в Японии целый ряд особенностей по сравнению, например, с США.

В японской специальной литературе редко анализируются личностные качества главных руководителей компаний, роль их психологических особенностей в развитии компании. Эта тема в Японии традиционно не подлежит широкому обсуждению. В этой связи представляют интерес результаты проведенных в середине 80-х годов американскими специалистами, исследований, проливающих свет на эту проблему.

Большой вклад в промышленное обновление Японии вносят мелкие и средние компании. Именно они становятся базой для формирования института главных руководителей - "реформаторов", не связанных традициями корпоративной культуры и относимых к типу "разрушающих сложившиеся конструкции".

С интересом читается раздел о "феминизации" корпуса главных руководителей. Об этом свидетельствует начавшийся с 80-х гг. рост численности женщин-президентов компаний, действующих преимущественно в среднем и мелком бизнесе в отраслях с традиционно высокой долей женской занятости. Такая тенденция, по мнению автора, сохранится, хотя некоторые американские специалисты считают возможным в будущем выдвигание женщин на должности главного руководства и в крупных компаниях.

Основная часть работы посвящена вопросам формирования благосостояния

главных руководителей. Эта проблема несомненно привлечет внимание читателей.

Автор обращает внимание на то обстоятельство, что краткосрочные интересы, связанные с ростом уровня дивидендов, в японских компаниях не являются первоочередными. Основная задача состоит в постоянном расширении рынка сбыта и увеличении прибыли. Относительно небольшая величина дивидендов, выплачиваемая акционерам, позволяет расходовать большую часть прибыли на нужды самой компании, постоянное совершенствование производственного процесса, создание базы материальной поддержки персонала, работающего на компанию, в том числе и главных руководителей.

Подробно рассматриваются основные составляющие выплат компаниями главным руководителям (преимущественно директорам акционерных компаний) такие, как вознаграждение, премиальные выплаты, выходные пособия, командировочные расходы, клубные взносы и т.д., а также формы предоставления материальной поддержки.

Международное годовое сопоставление доходов главных руководителей японских компаний свидетельствует о том, что по этому показателю они далеко отстают от американских высших управляющих. Одна из основных причин подобной разницы - различия в исходных базовых моделях организации предпринимательской деятельности.

Один из разделов посвящен налогообложению доходов главных руководителей, которое рассматривается с точки зрения места физических и юридических лиц в его структуре.

Актуально для российского читателя звучит активно обсуждаемая сейчас также и в Японии тема усиления материальной ответственности главных руководителей акционерных компаний за принятые решения, а также использование в этой связи рычагов законодательного регулирования и публичного разбирательства.

Данные, представленные в книге, охватывают временные рамки 80-х - середины 90-х гг., как бы фиксируя "черты портрета" главных руководителей японских компаний, складывающиеся на этот период. Но с течением времени происходит смена поколений. Уходят со сцены главные руководители, сформировавшие предпринимательскую структуру в виде известных всему миру японских компаний и создавшие национальную экономику, удивлявшую своей динамичностью иностранных партнеров. Кто станет "новыми героями" делового мира Японии? Какой они сделают страну через несколько лет? Этот вопрос, поставленный автором в заключительной части работы, ждет своего дальнейшего исследования, а тема, предложенная в монографии, своего продолжения.

В целом монография позволяет расширить наши представления о различных вариантах предпринимательских культур и моделей экономической деятельности. Она дает повод для размышлений о таких проблемах, как соотнесение национальных и интернациональных методов деловой активности, о необходимости определения баланса между тем, к чему привыкли организаторы хозяйственной деятельности, в том числе и в России, и тем, что существует в практике предпринимательской деятельности других стран.

Костяева А.С. Криминальные братства Тайваня. М., Наука, 1997. 92 с.

Эта работа является, насколько мне известно, первым исследованием тайваньского криминалитета за пределами Китая. И если в КНР, в частности, публикации на данную тему по понятным причинам носят преимущественно обличительный уклон, то настоящая монография несмотря на ее скромный объем является в первую очередь исследованием учебного, поставившего перед собой задачу объективного рассмотрения причин существования и развития изучаемого явления.

Криминальные структуры захватили на Тайване "половину власти", цитирует Костяева тайваньского автора Чэнь Чанфэна. И нам в РФ, кстати, сегодня знать об этом полезно.

В работе Костяевой показано также, что в криминал идут не из-за нужды, а "по велению сердца". И, таким образом, в криминальных организациях подвизаются отнюдь не "социально близкие" трудящимся классам (вопреки желанию убедить нас в обратном), а антиобщественные элементы. Другое дело, что последние, пользуясь нуждой, привлекают на роль рядовых нередко и тех, кто по собственной инициативе никогда не встал бы на преступный путь.

Опираясь на факты, автор показывает распространение тайваньских преступных организаций на другие страны, так сказать, разрастание бандитского интернационала - взаимопроникновение всех этих "структур" в США и из них в Японию и наоборот, в Бразилию в последние годы, в РФ, и далее в КНР.

Власти не только борются с криминалом. Они порой мечутся, желая и подавить его распространение и, одновременно, использовать для, так сказать, грязной работы. На вооружение была взята идея "контролировать криминальный мир, использовать его в своих интересах, с помощью самих [криминальных] организаций управлять им", - приводит автор цитату из работы китайских авторов (КНР) "Снятие покровов с тайваньской мафии" (См. с. 60). Соответственно и бандиты идут на сотрудничество с властями в обмен за собственную безопасность в экстремальных условиях.

Так, автор сообщает о вербовке в осве-

домители бандитов в виду роста движения протеста, в частности в крупнейшем тайваньском портовом городе Гаосюне в 1979 г. и приводит другие подобные факты: "Преследовались также и чисто прагматические цели, а именно привлечение боевиков мафиозных организаций к сотрудничеству в деле охраны крупных городов, прежде всего Тайбэя, и поддержания общественного порядка", цитирует автор изданную в 1987 г. в Сянгане книгу "Подробности тайного убийства. Признания Дун Гуйсяня".

Власти даже намеревались выдать на нужды Чжуляньбана, самой крупной структуры среди организованных преступных сообществ Тайваня, 400 млн. тайваньских юаней! (см. с. 63).

Любопытно, как отмечает Костяева, что крупнейший мафиози Чэнь Цилю (кстати, сын весьма состоятельных родителей), находясь в заключении, разработал "Методы профилактики для предотвращения участия молодежи в криминальных организациях" и предложил свой труд правоохранительным органам. В этой связи, наверное, стоит заметить, что бандиты, как правило, хотят видеть своих детей добропорядочными людьми. Точно так же они стараются со временем покончить с практикой "первоначального накопления" криминальными методами, чтобы стать легальными буржуа-бизнесменами.

Вообще Костяева на фактах показывает такие явления как сращивание властей острова с преступным миром. Власти прежде всего нуждались в бандитах, чтобы "показать кошку мышам", борцам за права человека, держать в страхе обывателя etc. То есть они, власти и бандиты, не могли жить друг без друга, как поистине "социально близкие". Бандитские "братства являлись антиподом официального общества", заключает автор (см. с. 67).

В заключение хотелось бы посетовать на излишнюю сухость стиля, сдержанность в авторских суждениях. Впрочем, это не столько недостаток, сколько стиль, присущий работам наблюдательного историка, не позволяющего себе "отвлекаться на эмоции".

Владимир Николаевич Хлынов
(26.05.1927 - 27.12.1999)

27 декабря 1999 г. скоропостижно скончался известный российский ученый, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока Хлынов Владимир Николаевич.

Ушел от нас человек, с именем которого неразрывно связано развитие отечественного востоковедения, становление российской науки о Японии, служению которой он посвятил всю свою жизнь.

После окончания в 1950 г. Московского Института востоковедения Владимир Николаевич без малого 50 лет посвятил отечественному японоведению.

Сфера его деятельности была широка, многогранна и глубоки были его научные интересы. Он был дипломатом, журналистом, научным работником. В 1960-1963 гг. он служил в Посольстве СССР в Японии. С 1965 по 1972 гг. был собственным корреспондентом газеты "Труд" в Токио. Многие помнят его интереснейшие репортажи из находившейся на подъеме Страны Восходящего Солнца. Своим журналистским трудом он внес свой вклад во взаимопонимание между народами нашей страны и Японии. Как крупный знаток проблем современной Японии он достойно представлял академический журнал "МЭМО" в этой стране, будучи в 1980-1981 гг. его корреспондентом в Токио.

Находясь на практической работе Владимир Николаевич всегда вел большую научную работу. Его перу принадлежит пять авторских монографий, часть из которых переведена на японский язык, сотни научных статей, докладов, рецензий.

С 1992 г. и до последних дней своей жизни Владимир Николаевич работал в Институте Дальнего Востока РАН. Здесь, как и в Институте мировой экономики и международных отношений, где он работал прежде, в полной мере проявился его талант ученого, раскрылись его замечательные качества исследователя.

В своей трудовой и творческой жизни он прошел все ступени научного роста и заслуженно добился всеобщего уважения как человек и как ученый. На всех этапах своей яркой творческой жизни Владимир Николаевич отдавал всего самого себя делу служения Родины, делу служения науке. Все его научные труды - от монографий до многочисленных статей - отличали глубина исследования, методологическая глубина и новаторство, пытливость исследователя, любовь к изучаемой стране, забота об интересах Отечества. Значение его вклада в советское и российское японоведение трудно переоценить.

Владимир Николаевич был не только видным ученым, пользовавшимся заслуженным авторитетом среди коллег у нас в стране и за рубежом. Его отличали неисчерпаемая энергия, добросердечность, любовь, внимание и отзывчивость к окружающим его людям. Он был любимым наставником и надежным товарищем. Под его руководством многие молодые исследователи вошли в науку и сейчас плодотворно работают в различных научных и практических учреждениях. До последних дней он вносил вклад в подготовку научных кадров высшей квалификации, являясь заместителем председателя Диссертационного совета по экономическим наукам Института Дальнего Востока РАН.

Коллектив Института Дальнего Востока, российское японоведение понесли невосполнимую утрату. Беззаветное служение науке Владимира Николаевича будет вдохновлять нас в нашей работе.

Память о Владимире Николаевиче Хлынове навсегда сохранится в наших сердцах.

Дирекция и общественные организации Института Дальнего Востока РАН
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока"

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.12.1999 г. Подписано к печати 17.01.2000 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл. кр.-отт. 11,9 тыс. Уч.-изд.л. 14,6 Бум. л. 5,0
Тираж 906 экз. Зак. 3292.

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2000 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6